

Содержание

М.М. Бахтин: проблемы создания научной биографии

- Научный семинар «Михаил Бахтин: подступы к биографии»
С.А. Дубровская (Саранск, Россия) 4
- Бахтинские маргиналии как источник изучения творческой лаборатории мыслителя
С.А. Дубровская, А.Д. Владимирова (Саранск, Россия) 11
- «Диалогизм» М.М.Бахтина как историко-философская проблема
В.Л. Махлин (Москва, Россия) 16
- Биография М.М. Бахтина как объект культурной памяти
Лю Мяовэнь (Пекин, Китай) 29
- Витебский круг М.М. Бахтина: мыслительный коллектив или неформальная группа интеллектуалов
А.Г. Лисов (Витебск, Республика Беларусь) 33
- О переводе «Проблем творчества Достоевского» на португальский язык
Ш. Грилло (Сан Паулу, Бразилия), Е. Волкова Америко (Нитерой, штат Рио-де-Жанейро, Бразилия) 43

М.М. Бахтин в Саранске: хронография, топография, иконография

- М.М. Бахтин и семья саранского профессора И.Д. Воронина
Н.И. Воронина (Саранск, Россия) 52
- М.М. Бахтин в восприятии его саранских студентов
И.В. Ключева (Саранск, Россия) 58
- «Вы открыли мне... глаза»: История письма саранской студентки к М.М. Бахтину
И.В. Ключева (Саранск), Л.И. Лисунова (Саранск, Россия) 63
- Архитектурные свидетели жизни и творчества М.М. Бахтина в Саранске
Н.Ю. Лысова (Саранск, Россия) 69

«Бахтин средневековый»: аспекты научной биографии М.М. Бахтина

- «Средневековый смех» М.М. Бахтина в рыцарском романе «Мерлин» Робера де Борона
А.А. Аббасова (Москва, Россия) 79
- Адам де ла Аль в свете М.М. Бахтина
А.А. Любавина (Москва, Россия) 83

Contents

M.M. Bakhtin: Problems of Creating a Scientific Biography

Scientific seminar “Mikhail Bakhtin: approaches to biography”
S.A. Dubrovskaya (Saransk, Russia) 4

Bakhtin’s Marginalia as a Source for the Study of the Thinker’s Creative Laboratory
S.A. Dubrovskaya (Saransk, Russia), A.D. Vladimirova (Saransk, Russia) 11

«Dialogism» by M.M. Bakhtin as a historical and philosophical problem
V.L. Makhlin (Moscow, Russia) 16

M. Bakhtin's biography as an object of cultural memory
Liu Miaowen (Beijing, China) 29

Vitebsk Circle of M.M. Bakhtin: A Thinking Collective or an Informal Group of Intellectuals
A.G. Lisov (Vitebsk, Republic of Belarus) 33

About the translation of “Problems of Dostoevsky’s Work” in Portuguese
S. Grillo (Sao Paulo, Brazil), E. Volkova Americo (Niteroi, Rio de Janeiro State, Brazil) 43

M.M. Bakhtin in Saransk: chronography, topography, iconography

M.M. Bakhtin and the family of Saransk professor I.D. Voronin
N.I. Voronina (Saransk, Russia) 52

M.M. Bakhtin as perceived by his Saransk students
I.V. Klyueva (Saransk, Russia) 58

«You opened my ... eyes»: The history of a letter from a Saransk student to M.M. Bakhtin
I.V. Klyueva (Saransk, Russia), L.M. Lisunova (Saransk, Russia) 63

Architectural witnesses of M.M. Bakhtin’s life and work in Saransk
N.Yu. Lysova (Saransk, Russia) 69

«Bakhtin the medieval»: aspects of M.M. Bakhtin's scientific biography

M.M. Bakhtin’s «medieval laughter» in «Merlin» by Robert de Boron*
A.A. Abbasova (Moscow, Russia) 79

Adam de la Halle in light of M.M. Bakhtin
A.A. Lyubavina (Moscow, Russia) 83

Научный семинар «Михаил Бахтин: подступы к биографии»

© 2022 С.А. Дубровская

*Дубровская Светлана Анатольевна, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка как иностранного, заместитель директора
Центра М.М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.
E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева.
Саранск, Российская Федерация

Аннотация. Центр М.М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева выступил организатором научного семинара «Михаил Бахтин: подступы к биографии», который состоялся 22–24 сентября 2022 г. На дискуссионных площадках и за круглым столом были представлены доклады и сообщения ведущих бахтиноведов (культурологов, философов, филологов), а также молодых исследователей. Помимо саранских бахтиноведов в дискуссии приняли участие ученые из научных центров и университетов России (Белгород, Москва, Новосибирск, Орел, Санкт-Петербург) и других стран: Беларуси (Витебск), Бразилии (Сан-Паулу), Израиля (Беэр-Шева), Испании (Барселона), Италии (Мачерата), Ирана (Тегеран), Китая (Пекин, Шичзянжуан (провинция Хэбэй)). В статье дан обзор докладов, прозвучавших на семинаре, выявлены наиболее важные и актуальные проблемы создания научной биографии мыслителя.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, научная биография, автор и герой биографии, «большое время», «малое время», Круг Бахтина, «Бахтин средневековый».

В течение нескольких десятилетий биография М.М. Бахтина остается в центре внимания российского и зарубежного бахтиноведения. В ставших классическими трудах М. Холквиста и К. Кларк, С.С. и Л.С. Конкиных, С.Г. Бочарова, Н.Л. Васильева, В.В. Кожинова, Н.А. Панькова, К. Эмерсон, а также в современных исследованиях в целом восстановлен общий ход жизни мыслителя, освещены многие детали его биографии [1–3; 5; 7–21]. В то же время бахтиноведы с полным правом утверждают, что подлинная научная биография Бахтина еще не создана, а в имеющихся жизнеописаниях много лакун и вопросов, пока остающихся без ответов. О последнем много говорилось на XVII Международной Бахтинской конференции (Саранск, 5–10 июня 2021 г.), где проблемы бахтинской биографии оставались в центре внимания многих участников [см. подробнее: 6]. Именно тогда родилась идея проведения научного семинара «Михаил Бахтин: подступы к биографии», который состоялся на площадке Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва 22–24 сентября 2022 г.

Приглашая к участию в семинаре, организаторы предложили для обсуждения целый ряд проблем, связанных с созданием научной биографии Бахтина. С учетом поступивших заявок и предложений были сформированы следующие дискуссионные панели: «Михаил Бахтин: проблемы создания научной биографии», «Бахтин в Саранске: хронография, топография, иконография», «“Бахтин средневековый”: аспекты научной биографии М.М. Бахтина».

В открывающем семинар докладе О.Е. Осовский (Саранск), высоко оценив вклад в создание биографий Бахтина К. Кларк и М. Холквиста, С.С. и Л.С. Конкиных, Н.А. Панькова, воспоминания С.Г. Бочарова, В.В. Кожинова, В.Н. Турбина и др., восстановление отдельных эпизодов интеллектуальной жизни мыслителя в работах В.Л. Махлина, Н.И. Николаева, И.В. Пешкова, И.Л. Поповой, саранских исследователей, отметил необходимость поиска и использования нового историко-биографического инструментария, новых методологических и технологических подходов, в которых особая роль должна быть отведена бахтинской категории «малое время» и сопряженному с ней кругу понятий. Восстановление атмосферы

времени, детальная реконструкция научной повседневности, поиск и обнаружение новых архивных материалов, комплексность и междисциплинарность решений этого рода задач – условия, выполнение которых позволит приблизиться, по убеждению докладчика, к созданию полномасштабной научной биографии Бахтина. Еще один важнейший момент, связанный с созданием научной биографии, – архивная работа: «Я надеюсь, – подчеркнул Осовский, – что архивная работа приведет нас к крайне важным открытиям, которые послужат написанию научной биографии Бахтина».

В.Л. Махлин (Москва) в докладе «Мыслитель без биографии, или почему Бахтин так труден?» осветил решающий, на его взгляд, факт научной биографии Бахтина, заключающийся в том, что у этого русского философа не было «научной биографии» в привычном смысле этого понятия. Докладчик сосредоточил внимание на особенностях творческого пути мыслителя, которые остаются малозаметными, поскольку это не столько известные факты, сколько пробелы между известными фактами. «Бахтин, – подчеркнул В.Л. Махлин, – в сущности, выпал из своей биографии, выпал не вообще из биографии, но из истории предпосылок, становления и логики развития его научно-философско-религиозной программы, сложившейся в конце 1910-х – начале 1920-х гг., которую он модифицировал на протяжении последующих десятилетий и при всем умении перелагать свои воззрения на господствующие языки времени он печатно так никогда и “не отдал себя до конца этим языкам” (по его выражению из работы “Слово в романе”), тем самым вводя в недоразумения и заблуждения практически всю историю рецепции бахтинского наследия, начиная в особенности с 1960-х гг.». Этим феноменом В.Л. Махлин объясняет всегда заметный разрыв между реальным содержанием бахтинского наследия и его пониманием, «между мышлением Бахтина и мышлением его интерпретаторов».

Размышляя о «больших событиях», в которых Бахтин участвовал как «русский мыслитель, индивидуально и национально» и которые стали частью биографии его мышления, В.Л. Махлин подчеркнул необходимость иного подхода к бахтинскому наследию – «не только фактографического или компаративного, но такого, который, в духе идеи “активного понимания”, позволил бы понять, каким образом Бахтин как философ и ученый *ответил* на три основных революции (в России и на Западе) своего переломного времени: 1) в сфере общего мировоззрения, 2) в области философии и 3) в гуманитарно-филологическом мышлении».

Н.И. Николаев (Санкт-Петербург) в докладе «О раннем периоде жизни и творчества М.М. Бахтина» коснулся нескольких проблемных точек в создании биографического исследования в целом и биографии Бахтина в частности. Он привлек внимание к совершенно особому явлению советских биографий, с которым сталкиваются исследователи, – отсутствию писем, архивов, фотографий, а также сознательное или бессознательное изменение данных в официальных автобиографиях. В связи с этим значение документа начинают приобретать другие материалы (воспоминания, дневники и переписка третьих лиц), позволяющие восстановить контексты конкретного события или разговора, так называемую атмосферу времени. Докладчик продемонстрировал работу с бахтинским контекстом, извлекая данные из материалов, посвященных кругу лиц, непосредственно или опосредованно связанных с Бахтиным, пропуская всю информацию через «бахтинский фильтр» [см.: 4]. Уделив особое внимание феномену «Невельской школы философии», биографическому значению переписки М.В. Юдиной и материалов, связанных с виленским гимназическим кружком, Николаев подчеркнул важность и актуальность непрерывной работы по дополнению и обновлению комментария ко всем трудам Бахтина. Докладчик коснулся проблемы «антибахтинизма», напоминая исследователям о том, что творческие коллективы в науке – это явление, появившееся в середине XX в. «До этого все гении – одиночки. Конечно, их окружали ученики и последователи, но не коллектив. Переносить эти современные представления в прошлое, – подчеркнул Н.И. Николаев, – это чудовищная методологическая ошибка».

Вопросам ранней биографии М.М. Бахтина был посвящен доклад А.Г. Лисова (Витебск), актуализирующий проблемы восстановления социокультурного и идеологического контекстов, персонажного ряда «малого» и «большого» круга Бахтина витебского периода.

И.В. Пешков (Москва) в своем выступлении актуализировал проблему уточнения хронологии трудов М.М. Бахтина, опубликованных под масками его друзей – П.Н. Медведева, В.Н. Волошинова, И.И. Канаева. Докладчик, обращаясь к ленинградскому периоду жизни и творчества Бахтина, стремился реконструировать сам процесс и смыслы замены бахтинского авторства «авторскими масками». Выходя на проблему «спорных текстов», Пешков подчеркнул необходимость дальнейшей разработки затрагиваемого в докладе вопроса.

Попытку новых методологических подходов к построению научной биографии Бахтина представил в своем докладе Лю Мяовэнь (Пекин, Китай). Отмечая серьезные недостатки в имеющихся бахтинских биографиях, молодой ученый предложил в качестве исследовательского инструмента использовать категорию «культурной памяти», которая должна, по его мнению, стать методологическим коррективом традиционных форм жизнеописания мыслителя.

Проблема методов генеалогической реархивации рода Бахтиных была в центре внимания А.Ю. Титова (Орел). Докладчик, затронув вопрос о своевременности и необходимости работы с архивными документами, поделился вновь обнаруженными сведениями, извлеченными из материалов, найденных в орловских архивах.

Осмыслению проблемы создания научной биографии как таковой и, в частности современной биографии мыслителя, был посвящен доклад С.А. Смирнова (Новосибирск) «Михаил Бахтин как Автор и Герой биографии». Предлагая новую оптику для жизнеописания Бахтина и реконструкции его контекстов, докладчик обратил внимание на внутреннюю противоречивость той ситуации, в которой находится исследователь-биограф: «С одной стороны, стремление к объективности и достоверности, с другой – необходимость понять жизнь героя, понять истоки его творений, заставить заговорить эти документы голосом того времени, в котором он жил». Возможность устранить непонимание, заполнить имеющиеся лакуны, восстановить «утраченное время» докладчик связывает с использованием метода биографического повествования, адекватного герою: «Воздерживаясь от собственных проекций и построений, больше прислушиваясь к интонации своего героя, помогающей проникнуть во время, в котором он жил, и становясь свидетелем тому времени, автор биографии должен воссоздать атмосферу того времени, в котором жил его персонаж, чтобы оно само, время, говорило его голосом».

В докладе Е.В. Чернецовой и Е.Г. Масловой (Москва) «Голос Бахтина на языке Шекспира и Джойса: насколько удался перевод книги “М.М. Бахтин: беседы с В.Д. Дувакиным”?» представлена вышедшая в 2019 г. книга «Mikhail Bakhtin: the Duvakin interviews, 1973». Анализируя перевод с точки зрения его функциональной значимости (прежде всего для бахтиноведов), докладчики задались несколькими вопросами, ответы на которые приближают их к пониманию того, как должно быть представлено наследие Бахтина за пределами России, что и с какими акцентами должно быть прокомментировано, насколько возможен адекватный перевод «устного слова» мыслителя. В докладе были отмечены знаковость и важность для англоязычной аудитории самого факта издания книги, а также успешность работы переводчиков, благодаря которой появляются дополнительные возможности в уточнении и корректировке отдельных биографических и научных сюжетов. В то же время лингвокультурологический взгляд на текст книги позволяет исследователям выявить погрешности С. Гратчева и М. Мариновой, в частности в выборе способов передачи «устного слова», в подходах к представлению англоязычной аудитории российских и советских реалий, в отборе фактов при создании портрета «говорящего гения, рассказывающего о себе и своем пути».

П.А. Ольхов (Белгород) сосредоточил внимание на проблеме онтологического приобщения Бахтина к чужой речи. В докладе «Речевые топосы М.М. Бахтина (к генеалогии вариативности)» исследователь подчеркнул: «Разбирая тексты Бахтина с некоторых общих

историко-философских позиций, мы стремимся к установлению некоторой идейной преемственности мысли Бахтина или идейной отзывчивости бахтинского мышления, выпуская из виду то, что бахтинское мышление прежде всего имеет вид речевой открытости, оно не прочитывается герменевтически, с некоторой формально-теоретической или идейной понятностью».

Дискуссионная панель «Бахтин в Саранске: хронография, топография, иконография» объединила исследователей в разговоре о событиях «малого времени» Бахтина и о «большом времени» его наследия. Представленные в выступлениях личные воспоминания (Н.И. Воронина), воспоминания коллег, студентов и соседей (И.В. Ключева, Л.М. Лисунова), архивные документы и материалы, воссоздающие контексты и раскрывающие подтексты саранских сюжетов жизни Бахтина (С.А. Дубровская, В.И. Лаптун) являются ценнейшим источником как для изучения биографии мыслителя, так и для переосмысления интеллектуальной культуры в Мордовии и роли в ней Бахтина.

Доклады молодых исследователей – студентов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), прозвучавшие в рамках круглого стола «“Бахтин средневековый”: аспекты научной биографии М.М. Бахтина» были посвящены аналитическому рассмотрению карнавальной литературы латинского и романского Средневековья в свете концепции Бахтина. Как отметила руководитель научно-учебной группы «Пародия в европейской литературе Средних веков» Н.М. Долгорукова (Москва), цель выступлений – продемонстрировать эффективность бахтинской концепции в подходе к анализу «карнавального слова»: «Проанализированные средневековые “карнавальные” тексты (латинская голиардическая поэзия, романы артуровского цикла, пьесы и лирика на романском языке) либо полностью были недоступны Бахтину во время работы над его монографией, либо были знакомы ему по вторичным источникам, однако все они убеждают в достоверности его концепции, вскрывающей другой, “неофициальный” коллективный опыт Средневековья».

В развернувшейся дискуссии участники, подтверждая основной посыл семинара – актуальность реконструкции научной биографии Бахтина не только в контексте бахтиноведческих исследований, но и в границах интеллектуальной истории России и Запада XX–XXI вв., – обозначили несколько существенных проблем, над которыми следует продолжить работу. Так, В.Л. Махлин предложил обсудить проблему официального и неофициального слова в биографическом дискурсе («Чем мерить время?»); С. Сандлер (Бер-Шева, Израиль) задался вопросом, насколько возможен диалог в ситуации интеллектуального разрыва; Дж. Ларокка (Мачерата, Италия) обратила внимание на факт пересечения истории биографии и истории текстов, которая, в свою очередь, пересекается с историей понятий. О.А. Кравченко (Тегеран, Иран) подчеркнула важность проблемы «внеаходимости» автора по отношению к герою биографии; А.Ю. Титов призвал внимательнее присмотреться к проблеме диалога с артефактом; С. Мас Диас (Барселона, Испания) напомнил о сложившихся в разных странах переводческих традициях бахтинских текстов; О.Е. Осовский предложил рассматривать комментарий к текстам в собрании сочинений М.М. Бахтина как своего рода научную биографию мыслителя.

Начатую работу предполагается продолжить в 2023 г., организовав семинары, посвященные не только различным аспектам научной биографии М.М. Бахтина, но и 60-летию монографии «Проблемы поэтики Достоевского».

Ряд докладов, прозвучавших на семинаре, опубликован в настоящем номере «Бахтинского вестника» и в тематическом выпуске «Литературоведческого журнала» (в печати).

Трансляцию научного семинара в записи можно посмотреть в сети Интернет по адресам:

<https://www.youtube.com/watch?v=gWleT-QBVKI> (22.09.2022);

<https://www.youtube.com/watch?v=CzayAhr615A> (23.09.2022)

1. Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 70–89.
2. Васильев Н.Л. Михаил Михайлович Бахтин и феномен «Круга Бахтина»: В поисках утраченного времени. Реконструкции и деконструкции. Квадратура круга. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 408 с.
3. Дубровская С.А. М.М. Бахтин в литературной жизни Мордовии 1940-х –1960-х гг. // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 4. С. 633–641.
4. Дубровская С.А., Несмелова О.О., Осовский О.Е. «Литературоведение, в сущности, еще молодая наука...»: размышления над словарем русских литературоведов XX века // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2019. № 6. С. 60–69.
5. Дубровская С.А., Осовский О.Е. О цитатах из Герцена в исследовании М.М. Бахтина о Рабле // Русская литература. 2020. № 3. С. 252–255.
6. Идеи Михаила Бахтина и вызовы XXI столетия: от диалогического воображения к полифоническому мышлению. Материалы XVII Международной Бахтинской конференции / отв. ред. Н.И. Воронина, ред.-сост.: С.А. Дубровская, И.В. Ключева, А.А. Сычев. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2021. 325 с.
7. Кожин В.В. «Так это было ...» // Дон. 1988. № 10. С. 156–159.
8. Конкин С.С., Конкина Л.С. Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. 400 с.
9. Ключева И.В., Лисунова Л.М. М.М. Бахтин – мыслитель, педагог, человек. Саранск: [Б.и.], 2010. 468 с.
10. Лаптун В.И. «Менялись директора – менялось отношение...» (К вопросу взаимоотношений М.М. Бахтина с руководителями мордовских вузов). Ч. 1: 1936–1937 гг. // Центр и периферия. 2019. № 2. С. 24–32
11. Лаптун В.И. «Менялись директора – менялось отношение...» (К вопросу взаимоотношений М.М. Бахтина с руководителями мордовских вузов). Ч. 2: 1945–1950 гг. // Центр и периферия. 2019. № 3. С. 50–57.
12. Махлин В.Л. Причастная автономия. К вопросу о «диалогизме» М.М. Бахтина // Вопросы философии. 2022. Т. № 11. С. 12–23.
13. Николаев Н.И. М.М. Бахтин в 1910–1920-е годы: единство пути // Литературоведческий журнал. 2021. № 4(54). С. 45–59.
14. Паньков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. М.: Изд-во МГУ, 2009. 720 с.
15. Осовский О.Е., Дубровская С.А. Бахтин, Федин, Шкловский. Два малоизвестных эпизода из биографии Михаила Бахтина // Вопросы литературы. 2021. № 1. С. 191–215.
16. Осовский О.Е., Дубровская С.А. Отзыв Г.М. Фридендера о рукописи М.М. Бахтина «К вопросам методологии эстетики словесно-художественного творчества» // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 4. С. 316–335.
17. Осовский О.Е., Киржаева В.П. Михаил Михайлович Бахтин: опыт реконструкции биографии ученого. Статья первая // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2020. № 4(69). С. 89–101.
18. Осовский О.Е., Киржаева В.П. Михаил Михайлович Бахтин: опыт реконструкции биографии ученого. Статья вторая // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2021. № 1 (70). С. 90–102.
19. Эмерсон К. Двадцать пять лет спустя: Гаспаров о Бахтине // Вопросы литературы. 2006. № 2. С. 12–47.
20. Emerson C. The First Hundred Years of Mikhail Bakhtin. Princeton: Princeton Univ. Press, 1997. 296 p.
21. Hirschkop K. The Cambridge Introduction to Mikhail Bakhtin. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2021. XVI, 250 p.

Scientific seminar “Mikhail Bakhtin: approaches to biography”

© 2022 S.A. Dubrovskaya

*Svetlana A. Dubrovskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Chair of Russian as a Foreign Language, Deputy Director of the M.M. Bakhtin Center at the Mordovia State University.
E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru*

N.P. Ogarev National Research Mordovia State University.
Saransk, Russian Federation

Abstract. The M.M. Bakhtin Center at the National Research Ogarev Mordovia State University organized the scientific seminar “Mikhail Bakhtin: Approaches to Biography” which took place on September 22–24, 2022. Reports by leading Bakhtin scholars (culturologists, philosophers, philologists), as well as young researchers, were presented at the discussion platforms and at the round table. In discussions participated Saransk Bakhtin scholars and scientists from research centers and universities in Russia (Belgorod, Moscow, Novosibirsk, Orel, St. Petersburg) and other countries: Belarus (Vitebsk), Brazil (Sao Paulo), Israel (Be'er Sheva), Spain (Barcelona), Italy (Macerata), Iran (Tehran), China (Beijing, Shijiazhuang (Hebei province)). The article gives an overview of the reports made at the seminar, identifies the most important and urgent problems of creating a scientific biography of the thinker.

Keywords: M.M. Bakhtin, academic biography, author and hero in biography, “big time” and “little time”, Bakhtin Circle, “Medieval Bakhtin”.

1. Bocharov S.G. Ob odnom razgovore i vokrug nego // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1993. № 2. S. 70–89.
2. Vasil'ev N.L. Mihail Mihajlovich Bahtin i fenomen «Krug Bahtina»: V poiskah utrachenogo vremeni. Rekonstrukcii i dekonstrukcii. Kvadratura kruga. M.: LIBROKOM, 2013. 408 s.
3. Dubrovskaja S.A. M.M. Bahtin v literaturnoj zhizni Mordovii 1940-h – 1960-h gg. // *Vestnik ugrovedeniya*. 2020. T. 10. № 4. S. 633–641.
4. Dubrovskaja S.A., Nesmelova O.O., Osovskij O.E. «Literaturovedenie, v sushhnosti, eshhe molodaja nauka...»: razmyshleniya nad slovarom russkikh literaturovedov XX veka // *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshej shkoly*. 2019. № 6. S. 60–69.
5. Dubrovskaja S.A., Osovskij O.E. O citatah iz Gercena v issledovanii M.M. Bahtina o Rable // *Russkaja literatura*. 2020. № 3. S. 252–255.
6. Idei Mihaila Bahtina i vyzovy XXI stoletija: ot dialogicheskogo voobrazhenija k polifonicheskomu myshleniju. Materialy XVII Mezhdunarodnoj Bahtinskoj konferencii / otv. redaktor N.I. Voronina, red.-sost.: S.A. Dubrovskaja, I.V. Kljueva, A.A. Sychev. Saransk, Izd-vo Mordov. un-ta, 2021. 325 s.
7. Kozhinov V.V. «Tak jeto bylo ...» // *Don*. 1988. № 10. S. 156–159.
8. Konkin S.S., Konkina L.S. Mihail Bahtin: Stranicy zhizni i tvorchestva. Saransk: Mordov. kn. izd-vo, 1993. 400 s.
9. Kljueva I.V., Lisunova L.M. M.M. Bahtin – myslitel', pedagog, chelovek. Saransk: [B.i.], 2010. 468 s.
10. Laptun V.I. «Menjalis' direktora – menjalos' otnoshenie...» (K voprosu vzaimootnoshenij M.M. Bahtina s rukovoditeljami mordovskih vuzov). Ch. 1: 1936–1937 gg. // *Centr i periferija*. 2019. № 2. S. 24–32.
11. Laptun V.I. «Menjalis' direktora – menjalos' otnoshenie...» (K voprosu vzaimootnoshenij M.M. Bahtina s rukovoditeljami mordovskih vuzov). Ch. 2: 1945–1950 gg. // *Centr i periferija*. 2019. № 3. S. 50–57.
12. Mahlin V.L. Prichastnaja avtonomija. K voprosu o «dialogizme» M.M. Bahtina // *Voprosy filosofii*. 2022. T. № 11. S. 12–23.
13. Nikolaev N.I. M.M. Bahtin v 1910–1920-e gody: edinstvo puti // *Literaturovedcheskij zhurnal*. 2021. № 4(54). S. 45–59.
14. Pan'kov N.A. Voprosy biografii i nauchnogo tvorchestva M.M. Bahtina. M.: Izd-vo MGU, 2009. 720 s.
15. Osovskij O.E., Dubrovskaja S.A. Bahtin, Fedin, Shklovskij. Dva maloizvestnyh jepizoda iz biografii Mihaila Bahtina // *Voprosy literatury*. 2021. № 1. C. 191–215.

16. Osovskij O.E., Dubrovskaja S.A. Otzyv G.M. Fridlendera o rukopisi M.M. Bahtina «K voprosam metodologii jestetiki slovesno-hudozhestvennogo tvorchestva» // *Studia Litterarum*. 2022. T. 7, № 4. S. 316–335.
17. Osovskij O.E., Kirzhaeva V.P. Mihail Mihajlovich Bahtin: opyt rekonstrukcii biografii uchenogo. Stat'ja pervaja // *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina*. 2020. № 4(69). S. 89–101.
18. Osovskij O.E., Kirzhaeva V.P. Mihail Mihajlovich Bahtin: opyt rekonstrukcii biografii uchenogo. Stat'ja vtoraja // *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina*. 2021. № 1(70). S. 90–102.
19. Emerson K. Dvadcat' pjat' let spustja: Gasparov o Bahtine // *Voprosy literatury*. 2006. № 2. S. 12–47.
20. Emerson K. *The First Hundred Years of Mikhail Bakhtin*. Princeton: Princeton Univ. Press, 1997. 296 p.
21. Hirschkop K. *The Cambridge Introduction to Mikhail Bakhtin*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2021. XVI, 250 p.

Бахтинские маргиналии как источник изучения творческой лаборатории мыслителя

© 2022 С.А. Дубровская*, А.Д. Владимирова*

*Дубровская Светлана Анатольевна, доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка как иностранного, заместитель директора
Центра М.М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.
E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru*

*Владимирова Анна Дмитриевна, студентка I курса
факультета иностранных языков
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.
E-mail: kiunru.2436@gmail.com*

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева.
Саранск, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются маргиналии М.М. Бахтина как важнейший источник для современных исследований. Авторы анализируют имеющиеся в бахтиноведении кейсы, представленные в комментариях к собранию сочинений мыслителя, читательские пометы Бахтина на страницах монографии О.М. Фрейденберг, сборника статей «А.И. Герцен» и др. Делается вывод о необходимости включения в научный оборот этих бахтинских материалов.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, маргиналии, архив, личная библиотека, комментариев, научная биография.

Выступления участников и итоги XVII Международной Бахтинской конференции (Саранск, 5–10 июля 2021 г.) обозначили круг проблем, принципиально важных для дальнейшего изучения наследия великого русского мыслителя. Среди актуальных задач – реконструкция научной биографии М.М. Бахтина, продолжение работы как с его известными текстами, так и с текстами, до настоящего времени находившимися за пределами внимания исследователей, расширение комментария и круга сопроводительных материалов, поиск новых источников, важных для понимания «лаборатории мыслителя» [см. подробнее: 7; 15]. К кругу источников должны быть отнесены воспоминания современников Бахтина, тесно общавшихся с ним в разные периоды его жизни, архивные материалы, так или иначе связанные с ученым, эпистолярный и дневниковые записи, газетно-журнальная периодика, в которой фигурирует имя Бахтина или восстанавливается необходимый контекст [см.: 5].

В центре нашей статьи – один из источников, хотя и привлекавший внимание исследователей, но так и не ставший предметом специальных научных разработок. Речь идет об изданиях, составивших личную библиотеку Бахтина, а также книгах и журналах, с которыми ученый работал в ходе своих исследований и которые сохранились в библиотеке Мордовского государственного педагогического института им. А.И. Полежаева (с 1957 – Мордовский государственный университет), в Национальной библиотеке Республики Мордовия им. А.С. Пушкина. При этом, говоря о материалах, находящихся за пределами личной библиотеки ученого, мы имеем в виду те книги и статьи, бахтинская работа с которыми документально подтверждена. Это либо библиотечные формуляры с узнаваемой подписью Бахтина и обозначенной датой начала его работы с данным источником, либо – бахтинские маргиналии на страницах книг, попадающих во временные пределы пребывания мыслителя в Саранске. Ученый простым карандашом делал на полях страниц вертикальные отчеркивания. Их количество зависело от степени важности для Бахтина-читателя отмечаемого места [см.: 2, с. 534–535; 6].

Издания с бахтинскими маргиналиями находятся в названных саранских книгохранилищах, куда была передана основная часть личной библиотеки М.М. Бахтина, в том числе – книги и журналы с дарственным надписями [11]. Несколько книг в составе личного архива ученого хранятся в рукописном отделе Российской государственной библиотеки. Также, исходя из анализа имеющихся свидетельств, опубликованной переписки Бахтина и его окружения, бесед Бахтина и В.Д. Дувакина, есть все основания предполагать, что издания с читательскими пометами мыслителя могут находиться в библиотеках ИМЛИ РАН им. А.М. Горького, ИНИОН РАН, во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы имени М.И. Рудомино, откуда их брали на свой абонемент и присылали Бахтину в Саранск (а позже привозили в Климовск) его младшие коллеги, прежде всего В.В. Кожин и С.Г. Бочаров [3, с. 486–619; 13]. Очевидно, что книги с пометами Бахтина находятся и в Санкт-петербургских библиотеках. Это предположение основывается на собственном рассказе Бахтина Дувакину в марте 1973 г.: «В Ленинграде у меня был друг, очень близкий мне... Это профессор Канаев Иван Иванович... Директор Библиотеки имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (бывшая Государственная библиотека) был его родственник близкий... Он мне доставал любые книги. Из любого фонда... Притом так: был ящик, ящик, на одной стороне крышки был написан мой адрес, а на другой – адрес Канаева. И вот я переворачивал только крышку... Он мне пришлет – я крышку снимал, пользовался книгами, а потом отправлял их назад, перевернув крышку» [9, с. 238–239].

Необходимо учитывать и тот факт, что часть книг была передана Бахтиным его младшим коллегам по кафедре. Так, в личной библиотеке В.Б. Естифеевой сохранился важнейший источник для понимания того, как шла работа Бахтина над второй редакцией диссертации, переделывавшейся по замечаниям экспертного совета по филологии ВАК – первый том «Истории французской литературы» с бахтинскими маргиналиями [10, с. 57].

Указанный круг источников использовался исследователями довольно редко в силу объективных причин (малая доступность материалов архива и личной библиотеки Бахтина, неустановленный перечень прочитанных книг и статей за пределами библиотеки ученого и др.). Однако, когда тот и или иной бахтиновед обращался к этим материалам, результаты его работы производили сильное впечатление, что еще раз подтверждает необходимость введения этой части бахтинских материалов в научный оборот. Рассмотрим несколько известных нам исследовательских кейсов.

В комментариях к собранию сочинений Бахтина известный философ языка и лингвист Л.А. Гоготишвили ссылается на издания из бахтинской библиотеки и имеющиеся в них маргиналии в связи с работами В.В. Виноградова – давнего оппонента Бахтина. Как известно, в своих металингвистических штудиях Бахтин ведет открытую и скрытую полемику с ведущим советским лингвистом. При детальном прочтении работ Виноградова Бахтин отмечает принципиально важные для него моменты. В интерпретации Гоготишвили, бахтинский метод «пристального чтения» представлен следующим образом: «Специальной работы по неполным предложениям именно в разговорной речи в библиографии трудов В.В. Виноградова не числится. М.М.Б. имеет здесь в виду, вероятно, статью Виноградова “Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения” (ВЯ, 1954, № 1); статья была прочитана М.М.Б. – в принадлежащем ему номере журнала имеются соответствующие пометы. Именно в этой виноградовской статье вводится со ссылкой на работу С.И. Поповой само понятие “неполных” предложений» [1, с. 603].

Не менее внимателен Бахтин и к статье «Язык художественного произведения», более того, как фиксирует комментатор, даже система его помет становится разнообразнее: «Характерно, что М.М.Б., крайне редко делавший пометы непосредственно в тексте читаемой им статьи (обычно все пометы идут лишь на полях), подчеркнул виноградовскую формулировку этой темы – “комбинаторные приращения смысла”» [1, с. 610].

К сожалению, ограниченность доступа к источникам не дала возможности комментатору представить более широкий ряд использовавшихся Бахтиным изданий. Так, в комментарии к бахтинскому фрагменту «Проблема текста» исследовательница указывает на

имеющийся в архиве конспект книги Виноградова «О языке художественной литературы»: «В тетради, помеченной “конспекты”, содержится конспект только одной работы – Виноградов В.В. “О языке художественной литературы. Гос. изд. худ. лит. М., 1959 (в дальнейшем – ОЯХЛ). Эта тетрадь исписана почти полностью; ничего, кроме выписок из ОЯХЛ, достаточно объемных, в ней не имеется. М.М.Б. законспектировал книгу Виноградова вплоть до ее 206 стр. (в самой книге – 653 стр.)» [1, с. 619].

Зная технику работы Бахтина с источниками, можно утверждать, что на предварительном этапе чтения законспектированной книги Виноградова на экземпляре, имевшемся у ученого, были сделаны отчеркивания и только потом составлен описанный конспект. То, что Бахтин использовал именно такой метод последовательного освоения интересующего его материала, подтверждает его работа с книгой О.М. Фрейденберг «Поэтика сюжета и жанра». Как удалось установить О.Е. Осовскому, практически сразу по приезде в Саранск, 17 ноября 1936 г., Бахтин берет эту книгу в библиотеке Мордовского пединститута [12]. Она становится одним из важнейших источников не только для работы, посвященной проблемам романа воспитания, но и рукописи о Рабле. Осовским был подробно проанализирован характер бахтинских маргиналий, специфика выделения наиболее важных для ученого мест книги, включая ее библиографию [12]. Отметим, что маргиналиями дело не ограничилось: Бахтиным были составлены два подробных конспекта этой книги Фрейденберг, один из которых датируется приблизительно концом 1930-х гг., другой – второй половиной 1940-х гг. Американская исследовательница Нина Перлина предприняла примечательную попытку сопоставить бахтинские маргиналии на страницах книги Фрейденберг с ее первым конспектом и соотнести сделанное Бахтиным с текстом «Форм времени и хронотопа в романе». Это позволило Перлиной сделать обоснованный вывод: «Бахтин следует Фрейденберг и пользуется ее научным аппаратом, когда рассматривает корреляции вертикальных однонаправленных хронологических и циклических атемпоральных рядов; когда приводит перечни параллельных слову серий или рядов предметов (объектов материально-вещного мира, ФВХ, 319, 322, 332–5, 327, 328). От Фрейденберг идут и указания Бахтина на мотивное, “словесное и предметное соседство склепа и питья вина” (329), данные в контексте генезиса и родословной героев» [14, с. 223].

Не менее важные находки были сделаны С.А. Дубровской и О.Е. Осовским, которые выявили источник цитат из А.И. Герцена в бахтинской диссертации (редакция 1949–1950 гг.) и монографии 1965 г. [6]. Этим источником оказался сборник статей «А.И. Герцен», подаренный Бахтину 15 ноября 1946 г. литературоведом и историком культуры Н.П. Анциферовым. Анализ бахтинских маргиналий в книге позволил установить, что именно в ней были отмечены герценовские цитаты о смехе, включенные затем в переработанный текст диссертации.

Важность бахтинских помет для реконструкции не столько бахтинского отношения к злободневным вопросам политической современности, сколько к самой атмосфере и идеологическому дискурсу познесталинской эпохи убедительно показал Г. Тиханов: «В начале 1950-х годов, когда накладывающиеся друг на друга волны антикосмополитической кампании в Советском Союзе постепенно отступали, он жадно прочитал и подчеркнул несколько статей в санкционированном партией “Кратком философском словаре”. Среди них была статья о “космополитизме”» [7, с. 49–50]. Анализируя пометы Бахтина на статье «Космополитизм» в принадлежащем мыслителю экземпляре «Краткого философского словаря», английский славист сосредоточивает свое внимание на том, что именно важно Бахтину-читателю, отчеркивающему тот или иной тезис.

Бахтинские маргиналии оказываются не только маркерами движения мысли и читательского внимания ученого в конкретный период, они в значительной мере позволяют расширить представление о ходе его научной работы в целом, уточнить характер его научных интересов. Так, опираясь на список изданий (в их числе – книги и статьи с бахтинскими пометами), который был впервые приведен в монографии И.В. Ключевой и Л.М. Лисуновой [8],

Н.Л. Васильев углубил свои выводы о взаимоотношениях Бахтина и представителей московско-тартуской семиотической школы [4, с. 367–369].

В заключение отметим, что работа по выявлению изданий с пометами М.М. Бахтина является важной и актуальной для современного бахтиноведения. Эти материалы заметно расширят исследовательские возможности бахтиноведов, верифицируют ряд имеющихся гипотез, будут способствовать уточнению круга источников и повышению качества комментария к бахтинским текстам.

1. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений [в 6 (7) т.]. Т. 5: Работы 1940-х – начала 1960-х гг. М.: Русские словари, 1996. 732 с.
2. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений [в 6 (7) т.]. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960–1970-х гг. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. 800 с.
3. Бочаров С.Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. 1993. № 2. С. 70–89.
4. *Васильев Н.Л.* Михаил Михайлович Бахтин и феномен «Круга Бахтина»: В поисках утраченного времени. Реконструкции и деконструкции. Квадратура круга. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 408 с.
5. *Дубровская С.А.* М.М. Бахтин в литературной жизни Мордовии 1940-х –1960-х гг. // Вестник угроведения. 2020. Т. 10. № 4. С. 633–641.
6. *Дубровская С.А., Осовский О.Е.* О цитатах из Герцена в исследовании М.М. Бахтина о Рабле // Русская литература. 2020. № 3. С. 252–255.
7. Идеи Михаила Бахтина и вызовы XXI столетия: от диалогического воображения к полифоническому мышлению. Материалы XVII Международной Бахтинской конференции / отв. ред. Н.И. Воронина, ред.-сост.: С.А. Дубровская, И.В. Ключева, А.А. Сычев. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2021. 325 с.
8. *Ключева И.В., Лисунова Л.М.* М. М. Бахтин – мыслитель, педагог, человек. Саранск: [Б.и.], 2010. 468 с.
9. М.М. Бахтин: Беседы с В.Д. Дувакиным. М.: Согласие, 2002. 400 с.
10. Михаил Михайлович Бахтин: личность и наследие: монография / О.Е. Осовский, В.П. Киржаева, С.А. Дубровская [и др.]; отв. ред. С.А. Дубровская. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2020. 232 с. (Бахтинская энциклопедия: материалы. Выпуск 2).
11. Собрание инскриптов на изданиях из личной библиотеки М.М. Бахтина / Авт.-сост.: И.В. Ключева, Н.Н. Земкова; науч. ред. Н.И. Воронина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2020. 320 с.
12. *Осовский О.Е.* М.М. Бахтин читает Ольгу Фрейденберг: о характере и смысле бахтинских маргиналий на страницах «Поэтики сюжета и жанра» // М.М. Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Саранск, 2002. С. 24–35.
13. *Паньков Н.А.* Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. М.: МГУ, 2009. 719 с.
14. *Перлина Н.* Еще раз о том, как по ходу работы над книгой о Рабле Михаил Бахтин читал *Поэтику сюжета и жанра* Ольги Фрейденберг // Хронотоп и окрестности: Юбилейный сборник в честь Николая Панькова / под ред. Б.В. Орехова. Уфа: Вагант, 2011. С. 209–235.
15. *Тульчинский Г.* Новые уроки рецепции философского наследия М.М. Бахтина (Обзор XVII Международной Бахтинской конференции) // Вопросы философии. 2022. Т. № 3. С. 216–222.

Bakhtin's Marginalia as a Source for the Study of the Thinker's Creative Laboratory

© 2022 S.A. Dubrovskaya*, A.D. Vladimirova*

Svetlana A. Dubrovskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Chair of Russian as a Foreign Language, Deputy Director of the M.M. Bakhtin Center at the Mordovia State University.

E-mail: s.dubrovskaya@bk.ru

Anna D. Vladimirova, first year student Department of Foreign Languages at the Mordovia State University

E-mail: kiunru.2436@gmail.com

Annotation. The article examines M.M. Bakhtin's marginalia as an essential source for modern research. The authors analyze the cases available in Bakhtinology, presented in the commentaries to the thinker's collected works, Bakhtin's reading notes on the pages of O.M. Freidenberg's monograph, the collection of articles "A.I. Herzen" and others. The conclusion is made that these Bakhtin materials should be included in the scientific turnover.

Keywords: M.M. Bakhtin, marginalia, archive, personal library, commentary, scientific biography.

1. Bahtin M.M. *Sobranie sochinenij* [v 6 (7) t.]. T. 5: Raboty 1940-h – nachala 1960-h gg. M.: Russkie slovari, 1996. 732 s.
2. Bahtin M.M. *Sobranie sochinenij* [v 6 (7) t.]. T. 6: Problemy pojetiki Dostoevskogo, 1963. Raboty 1960-1970-h gg. M.: Russkie slovari; Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 800 s.
3. Bocharov S.G. Ob odnom razgovore i vokrug nego // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 1993. № 2. S. 70–89.
4. Vasil'ev N.L. Mihail Mihajlovich Bahtin i fenomen «Krug Bahtina»: V poiskah utrachennogo vremeni. Rekonstrukcii i dekonstrukcii. Kvadratura kruga. M.: LIBROKOM, 2013. 408 s.
5. Dubrovskaja S.A. M.M. Bahtin v literaturnoj zhizni Mordovii 1940-h –1960-h gg. // *Vestnik ugrovedenija*. 2020. T. 10. № 4. S. 633–641.
6. Dubrovskaja S.A., Osovskij O.E. O citatah iz Gercena v issledovanii M.M. Bahtina o Rable // *Russkaja literatura*. 2020. № 3. S. 252–255.
7. Idei Mihaila Bahtina i vyzovy XXI stoletija: ot dialogicheskogo voobrazhenija k polifonicheskomu myshleniju. *Materialy XVII Mezhdunarodnoj Bahtinskoj konferencii* / otv. red. N.I. Voronina, red.-sost.: S.A. Dubrovskaja, I.V. Kljueva, A.A. Sychev. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2021. 325 s.
8. Kljueva I.V., Lisunova L.M. M. M. Bahtin – myslitel', pedagog, chelovek. Saransk: [B.i.], 2010. 468 s.
9. M.M. Bahtin: Besedy s V.D. Duvakinym. M.: Soglasie, 2002. 400 s.
10. Mihail Mihajlovich Bahtin: lichnost' i nasledie: monografija / O.E. Osovskij, V.P. Kirzhaeva, S.A. Dubrovskaja [i dr.]; otv. red. S.A. Dubrovskaja. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2020. 232 s. (Bahtinskaja jenciklopedija: materialy. Vypusk 2).
11. *Sobranie inskriptov na izdanijah iz lichnoj biblioteki M.M. Bahtina* / Avt.-sost.: I.V. Kljueva, N.N. Zemkova; nauch. red. N.I. Voronina. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2020. 320 s.
12. Osovskij O. E. M. M. Bahtin chitaet Ol'gu Frejdenberg: o haraktere i smysle bahtinskih marginalij na stranicah «Pojetiki sjuzheta i zhanra» // *M. M. Bahtin v Saranske: dokumenty, materialy, issledovanija*. Saransk, 2002. S. 24–35.
13. Pan'kov N. A. *Voprosy biografii i nauchnogo tvorchestva M. M. Bahtina*. M.: MGU, 2009. 719 s.
14. Perlina N. Eshhe raz o tom, kak po hodu raboty nad knigoj o Rable Mihail Bahtin chital Pojetiku sjuzheta i zhanra Ol'gi Frejdenberg // *Hronotop i okrestnosti: Jubilejnyj sbornik v chest' Nikolaja Pan'kova* / pod red. B. V. Orehova. Ufa: Vagant, 2011. S.209-235.
15. Tul'chinskij G. Novye uroki recepcii filosofskogo nasledija M.M. Bahtina (Obzor XVII Mezhdunarodnoj Bahtinskoj konferencii) // *Voprosy filosofii*. 2022. T. № 3. S. 216–222.

«Диалогизм» М.М. Бахтина как историко-философская проблема*¹

© 2022 В.Л. Махлин

*Виталий Львович Махлин, доктор философских наук, кандидат филологических наук,
ведущий научный сотрудник Отдела литературоведения ИНИОН РАН
E-mail: vitmahlin@mail.ru*

Институт научной информации по общественным наукам Российской Академии наук.
Москва, Российская Федерация

*Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда:
проект № 22-28-00262

Аннотация. Статья посвящена трем взаимосвязанным проблемам. Во-первых, сделана попытка прояснить обстоятельства и причины утраты интереса к так называемому диалогизму М.М. Бахтина в России и на Западе после конца Нового времени в прошлом столетии. Во-вторых, новая социокультурная и научно-гуманитарная ситуация в XXI в. дает возможность снова и по-новому поставить старый вопрос бахтиноведческих исследований: «Откуда взялся Бахтин?», акцентируя при этом собственно философские истоки бахтинской мысли. В-третьих, наконец, заметное смещение внимания исследователей от более поздних работ Бахтина к ранним (программным) текстам (1919–1924) позволяет лучше понять исходную и ведущую идею бахтинского авторства с опорой на концепт «причастной автономии – или автономной причастности», причем в двойной перспективе: с точки зрения внутреннего единства научно-философского творчества Бахтина, и с точки зрения того, каким образом его замысел «участного мышления» участвовал в экзистенциально-диалогическом повороте к «новому мышлению» 1920-х гг. на Западе. В этом событии трансформации «первой философии» Бахтин участвовал как русский мыслитель, «причастно» и «автономно» своим европейским современникам.

Ключевые слова: конец Нового времени, причастная автономия, диалог/диалогизм, автор/авторство, новое мышление, «первая философия», бахтиноведение.

Постановка вопроса

В конце жизни, оглядываясь на пройденный путь, русский философ и ученый Михаил Михайлович Бахтин записал в рабочей тетради: «Единство становящейся (развивающейся) идеи... Моя любовь к вариациям и к многообразию терминов к одному явлению...» [10, с. 431].

Предлагаемая статья – комментарий к приведенному высказыванию и в развитие главного моего тезиса, который можно формулировать так: «единство становящейся (развивающейся) идеи» в мышлении Бахтина определяется не самим по себе термином «диалог» (правда, наиболее развернутым в дошедших до нас его поздних текстах), но скорее множеством «вариаций», отчасти предшествовавших этому термину и применяемых к *одному* явлению всякий раз по-разному в разные периоды, в разных контекстах, разных региональных онтологиях исторического опыта мира жизни. Но это одна сторона вопроса. С другой стороны, вариативно развивавшееся единство бахтинской «идеи» не замкнуто на себя ни в индивидуальном, ни в национальном отношении; напротив, это единство, входит в «большой контекст» самокритики и трансформации западноевропейской философии на исходе Нового времени в прошлом столетии. В этом переломном и магистральном событии – таков наш следующий тезис – Бахтин участвовал самобытно, как русский мыслитель *своего* времени, но

¹ Расширенный и дополненный вариант статьи «Причастная автономия. К вопросу о “диалогизме” М.М. Бахтина» [19].

как бы выпавший из времени события и даже из собственной биографии, начиная (по его позднему признанию), «конечно, не с детства, не с юности, а с Октябрьской революции» [5, с. 219].

Двусторонняя постановка вопроса – персональная и историко-философская – позволяет, как кажется, лучше понять принципиальное единство бахтинского авторства и возобновить старый вопрос бахтиноведческих исследований – «Откуда взялся Бахтин?» – в *историко-систематическом* измерении. Вопрос стоит так: каким образом в условиях «рассечения» русского мира жизни и мысли в советский век было возможно прерывистое и все же непрерывное *единство развития* бахтинской научно-философской программы в применении к некоторому устойчивому феномену, выраженному разнообразными терминами и указывающему на одну и ту же *развивающуюся идею*? Тот же вопрос, но как бы с другого конца: каким образом так понятая «идея», по гротескному выражению самого Бахтина, «выходит сама за себя» и отражает трансформацию большой философии на исходе Нового времени, тот «решающий поворот», или перелом, который немецкий современник русского мыслителя Ганс-Георг Гадамер (1900–2002) определил в своем обращении «К русским читателям» (1991), как «переход от мира науки к миру жизни» [14] в самом научно-философском познании?

Переориентация

Такая постановка вопроса требует, как кажется, определенной методической переориентации в понимании того, что такое «диалог» вообще и так называемый «диалогизм» Бахтина в частности и в особенности. Как раз теперь, когда слово-понятие «диалог», похоже, почти утратило прежнюю перспективу в научном и в общественном сознании современности, целесообразно вернуться к конкретно-историческим истокам этого термина у Бахтина и у его современников для того, чтобы вскрыть импликации и мотивации этого термина, «заставленные» (по слову молодого Хайдеггера) инерцией словоупотребления, и освободить утраченные возможности понимания, по бахтинскому выражению, «из плена времени» *во времени же* (т. е., по-бахтински, в «большом времени»).

Всем примерно известно, что такое «диалог»; менее исследованы и оценены, многочисленные *вариации*, посредством которых Бахтин описывал на протяжении своего творческого пути принципиальное для него «явление», по-разному его именуя. Мало того, до сих пор не вполне понята *взаимосвязь* этих «вариаций» с традиционным термином «диалог». Кроме того, приходится учитывать изменение восприятия этого термина за последние десятилетия. Ведь даже устойчивый термин, как отмечал А.В. Михайлов, не остается однозначным и самодостаточным в истории своего применения: он расширяет или, напротив, теряет свое значение в новых социально-исторических контекстах. Если в последние десятилетия прошлого века «диалог» был едва ли не общезначимым и даже модным понятием-лозунгом, выражавшим или подразумевавшим возможности и перспективы *расширения границ* индивидуального и национального сознания и у нас, и по-своему на Западе, – то после конца Нового времени идея диалога, по выражению из Достоевского, «погасла в уме», наложив на общественное, интеллектуальное, эстетическое, политическое сознание отпечаток подспудного, но тем более глубокого разочарования [см.: 20].

Между тем *проблематика* диалога снова и по-новому открывается сегодня и вопреки, и благодаря общественной умонастроенности и публичной риторике. Социальная атмосфера, конечно, влияет, среди прочего, также и на науки общественно-исторического опыта мира жизни (чаще называемые гуманитарными), влияет и на отношение к наследию Бахтина. Филологи, открывшие этого автора в минувшем столетии с «опозданием» на сорок, пятьдесят, семьдесят лет, в большинстве своем как бы вдруг оступились о трудности его авторства и зачастую морщатся теперь при упоминании его имени. Философы еще только нащупывают место этого мыслителя в истории философии от Платона и Аристотеля до Гуссерля, Шелера, Гадамера и других мыслителей XX в. Во фрагменте начала 1940-х гг. «Риторика, в меру своей лживости...» Бахтин записал: «Самое несвоевременное бывает самым свободным, самым

правдивым, самым бескорыстным. Сегодняшний день не может не лгать» [9, с. 65–66]. Обсуждение наследия Бахтина в последние десятилетия явно сместилось в сторону *философских* истоков и источников; достаточно упомянуть новейшие работы отечественных и зарубежных исследователей: А. Аванесова, А. Вайман, А. Гуссейнова, И. Дворкина, И. Дьяченко, Дж. Заппена, В. Никифорова, Н. Николаева, Д. Никулина, Л. Стенбай, Г. Тиханова, А. Хаардта, Т. Щитцовой. Одиночество Бахтина, по-новому открывшееся в новом столетии, под стать его относительной уникальности: для филологов он как бы слишком «философ», а для философов слишком «филолог»; для западных гуманитариев он – чересчур «русский», а для российских – чересчур «европеец». Основная исследовательская трудность, по-видимому, в том, что Бахтин не вполне понятен ни на дореволюционном, ни на советском, ни на эмигрантском фоне; но и в контекст западной мысли его не удается удовлетворительно вписать или втиснуть (несмотря на продолжающиеся попытки). Не стоит забывать, что происшедшее в советском веке «рассечение» эпох, поколений, верований, научных и духовно-идеологических традиций сопровождалось разрывом именно с теми направлениями в европейской философии конца Нового времени, которые Бахтин, по его же характерному выражению, «развивал дальше» и которые, со своей стороны, имел в виду Гадамер в упомянутом обращении «К русским читателям» после разрушения Берлинской стены (философия жизни, феноменология, экзистенциализм, новая герменевтика, философская социология, «диалогическое мышление», философская антропология и т. п.).

Под этим углом зрения, наша задача скорее в том, чтобы актуализовать бахтинский «диалогизм», как бы разомкнув это слово-понятие на обе стороны: в сторону, во-первых, научно-философской программы Бахтина и, во-вторых, в сторону того «перехода от мира науки к миру жизни», который в советских условиях не мог состояться своевременно и нормально. Нужно освободить *диалогический принцип* от наросших на нем ходячих представлений и слов (включая отчасти и термин «диалог»). В истории философии и науки суть дела не столько в словах или терминах самих по себе, даже не в «текстах», тоже самих по себе, но скорее в «затексте» обстоятельств, событий, идей, человеческих и философских судеб, само восприятие которых изменяется во времени, как бы уходит со сцены или, наоборот, снова и по-новому возвращается в становящуюся, изменяющуюся современность.

Классификация

Терминологические вариации бахтинской «идеи» в применении «к одному явлению» можно разделить на две группы. Первая группа – это такие обозначения, в которых слово-понятие «диалог» вообще отсутствует: *я и другой*, «причастная автономия» (или «автономная причастность»), «культура границ», «архитектоника бытия-события», «ответственность», «хор» и «хоровая поддержка», «я-переживание»/«мы-переживание», «внутренняя аудитория», «явление реагирования слова на слово», «речь в речи», «апперцептивный фон слова», «внутренняя политика стиля»/«внешняя политика стиля», «двутелое тело»/«гротескное тело», «отражение отражения», наконец «взаимная венаходимость» *я и другого* в «едином и единственном событии бытия», а эпох и культур – в «большом времени». Вторую группу составляют *вариации* («моя любовь к вариациям») термина «диалог», которыми наш автор, начиная с конца 1920-х гг., замещал и обогащал ранние свои термины: «диалог, понятый широко», «диалогические отношения», «диалогичность», «диалогизация», «диалогизующий фон», «диалогизм», наконец, высшая форма диалогической коммуникации – «полифония» сознаний и голосов в единстве «радикально новой авторской позиции» в романах Достоевского. В отношении обеих этих групп пока еще отсутствует историко-систематический подход, способный реконструировать текстуально разорванное и вариативное, но все же «единство становящейся (развивающейся) идеи». В перспективе такой реконструкции нам здесь придется ограничиться подступом в направлении проблемы, которую, как кажется, стоит еще осознать.

Проблема

Поскольку термин «диалог» в новом столетии как бы вдруг утратил прежний потенциал в сознании современности, сохранив разве что формальное обозначение чего-то более или менее «известного», то можно попытаться лучше понять «идею» бахтинского авторства, отпавляясь не от ее растиражированного «конца» 1960–1980-х гг., а от программного (собственно философского) «начала» и той социокультурной ситуации, которая сделала такое начало возможным и актуальным в совершенно определенный, «единственный» момент русской и западноевропейской истории.

Наиболее продуктивным в этом отношении представляется словосочетание «причастная автономия» (или «автономная причастность») [6, с. 282]. Этот термин, употребленный Бахтиным в большом незавершенном исследовании 1924 г. по вопросам методологии эстетики словесного творчества (опубл. в 1975), более точно передает «идею» бахтинской научно-философской программы в диалоге с культур-авангардом в мировоззрении и с формальным методом в литературоведении 1920-х гг. («материальная эстетика»). Поясним этот тезис на одном историко-философском примере.

Выдающийся немецкий философ и теолог итальянского происхождения Романо Гвардини (1885–1968), которого иногда относят к «диалогическим» мыслителям, с большой остротой и ясностью проанализировал бытийно-исторический кризис европейской современности в книге «Конец нового времени» (1950; рус. перевод – 1990). По мысли Гвардини, принципиальная установка Нового времени – стремление к автономии (независимости) во всех областях общественной жизни и творчества – привела к внутреннему исчерпанию и «концу» весь духовно-идеологический потенциал последних четырех веков европейской истории. Почему это произошло? Потому, отвечает Гвардини, что «мятежная вера в автономию сделала его (Новое время. – В.М.) слепым» (курсив мой. – В.М.) [16, с. 153]. По мысли Гвардини, три ведущих понятия Нового времени – «природа», «культура», «личность», – обрета как бы самоценную автономию в научном и общественном сознании XIX и XX вв., постепенно утратили связь с тем, что фактически обуславливает и питает всякую автономию в историческом мире жизни, а именно – конкретное отношение к миру жизни и друг к другу. Культ природы, культ культуры и культ личности, в сущности, лишили эти духовные императивы их собственных условий возможности; в этом смысле Новое время, при всех своих великих достижениях, оказалось «слепым».

Ситуация, которую Гвардини описал после Второй мировой войны, Бахтин, судя по всему, осознал уже во время «столетнего десятилетия» 1914–1923 гг., сделав ее – одновременно, но независимо от западноевропейских современников – исходным пунктом своей критики «гносеологизма всей философской культуры 19-го и 20-го века» (как сказано в рукописи 1922/23 гг. [6, с. 160]) и, шире, «всей идеологической культуры нового времени» (как сказано в обоих изданиях монографии о Достоевском (1929, 1963)). Полемика с русским формализмом в упомянутой работе 1924 г. была попыткой противопоставить «новой русской поэтике», претендовавшей на независимость от систематической философии (от «ихнего *гейста*», как выражались между собой «формалисты» в частной переписке), новый проект систематического мышления, сохраняющий актуальность традиции на новом основании ее; «классическая традиционная терминология, таким образом, в основе своей остается верной» [6, с. 290].

Во всех исследованиях Бахтина, начиная со статьи-манифеста «Искусство и ответственность» (1919) и программы онтологии «участного мышления» (1921/1922), вплоть до философии «диалога» в литературно-теоретических, лингвистических, историко-культурных, философско-антропологических работах второй половины 1920-х – первой половины 1970-х гг., принцип *причастной автономии* продуман и выражен как настоящая альтернатива «мятежной вере в автономию», или, как сказано в книге о Достоевском, – «вере в самодостаточность одного сознания», вере, сложившейся на почве рационалистического утопизма и «монологизма» во всех сферах духовно-идеологического творчества Нового времени [10, с. 93].

Парадокс собственно в том, что «идея» бахтинского авторства, оказавшаяся как бы несвоевременной для своего времени, становится по-новому значимой *после* конца Нового времени.

Индивидуальное и социальное

Диалогический принцип – таков наш следующий тезис – с самого начала (т. е. еще до появления в текстах Бахтина термина «диалог») предстает как социально-онтологическая *зависимость* (индивида, сознания, эпохи, области культурного творчества) от того, чему такое-то явление *внутренне* «причастно», и что является условием возможности его относительной автономии. В этом смысле Бахтин, разрабатывая свою философию языка, мог написать уже в конце 1920-х годов: «Индивидуальный речевой акт (в точном смысле слова “индивидуальный”) – contradiction in adjecto» [4, с. 433], а в заметках 1961 г., варьируя свою основополагающую «идею», он еще радикальнее подчеркнет «внутреннюю социальность» личности, открытую в литературе Достоевским, который, в этом отношении, «противостоит всей декадентской и идеалистической (индивидуалистической) культуре, культуре принципиального и безысходного одиночества» [9, с. 344].

Подсоветский язык, на котором наш автор вынужден был изъясняться большую часть своей жизни (варьируя идею причастной автономии в зависимости от того, что он называл «внесловесным контекстом» высказывания или поступка), даже сегодня (и, пожалуй, сегодня больше, чем когда-либо прежде) затрудняет понимание «единства становящейся (развивающейся) идеи» бахтинского авторства. В общественном и отчасти в научно-гуманитарном сознании, как можно заметить, по-прежнему дает о себе знать предрассудок, в соответствие с которым «индивидуальное» и «социальное» – два как бы автономных начала, противостоящих друг другу в актуальном опыте так, как «внутреннее» противостоит «внешнему». *Взаимопроникновение* этих «начал» – едва ли не решающая проблема в философии XX в.; проблема эта упирается в следующую эпистемологическую трудность: русский мыслитель, показывая зависимость всякой автономии от того, что *больше* ее самой, утвердил, тем не менее, в качестве «развивающейся идеи» представление об относительной автономии и свободе как принципиальное и незаместимое в истории культуры.

В этом отношении Бахтин, похоже, *и радикальнее, и оригинальнее* тех своих западноевропейских современников, которые решали сходную проблему отношения «социального» и «персонального», оставаясь в пределах в основном *только* философии. «Становящуюся (развивающуюся) идею» нашего автора можно теперь формулировать так: любая «автономия» (мышления, личности, сознания, искусства, науки, культуры, исторической эпохи и т. д. и т. п.) находится *внутри* чего-то бóльшего, чем сама эта автономия, чему она «причастна», но так, что такая зависимость не отрицает и не унижает индивидуальную творческую инициативу – как это, в известной мере, происходило и происходит под влиянием таких понятий, как «идеология», «детерминация», «бессознательное», «классовое сознание», неоструктуралистская *altérité* и т. п. Скорее наоборот: то, на что ответственно опирается наше *я*, поступая, высказываясь, творя, – *внутренне убедительное слово*, [7, с. 95–96], – причастно чему-то более убедительному для меня самого, чем я «сам». Именно в этом смысле, как мы помним, индивидуальный речевой акт (или поступок) не только и не просто индивидуален, причем в позитивном смысле. Как это возможно?

Другость

Уже ранний (программный) Бахтин начала 1920-х годов использует термин *другость*, характеризуя, казалось бы, самую свободную, индивидуально-монологическую форму словесно-художественного высказывания – лирическую поэзию. Вопреки представлениям Нового времени (в особенности XIX в.), лирика интуится и иницируется не автономно собою (не «романтически»), но интериоризованным «хором», «хоровой поддержкой»,

«хоровой ценностной оплотненностью души – «дружество» [6, с. 232, 231]. Соответственно, концепт «внутренне убедительного слова», развитый в бахтинской работе «Слово в романе» (1934/35), явным образом, только *вариация*, т. е. углубленный перевод «дружести» на литературно-филологический язык изначального коммуникативно-диалогического взаимоотношения «индивидуального» и «социального». В так называемых «спорных тестах» Бахтина, опубликованных под именами друзей во второй половине 1920-х гг., «дружество» и «хоровая поддержка» становятся «идеологической средой сознания», «социальностью», «внутренней аудиторией» всякого я, как, например, в случае сжатой полемики с натуралистическим монологизмом Льва Толстого в «Марксизме и философии языка» (1929): «Слова Толстого о том, что существует мышление для себя и мышление для публики сопоставляют лишь две концепции публики. Это толстовское “для себя” на самом деле означает только другую, ему свойственную социальную концепцию слушателя» [4, с. 424].

Представление о том, что «я один» в своем самосознании, поступке, высказывании, в своем «я мыслю» – это иллюзия, но не просто иллюзия. В этом решающем пункте все наиболее близкие русскому мыслителю философы-современники (не только «диалогисты») в принципе разделяют установку, выраженную в названии статьи немецко-американского христианского мыслителя Ойгена Розенштока-Хюсси (1888–1973) – «Прощание с Декартом» (1936) [22]. «Прощание» здесь означает дистанцирование от специфически нововременного представления об изолированном, самодовлеющем, как бы автономном субъекте познания, укорененном не в общественно-историческом мире жизни, не в «бытии-здесь» (*Dasein*, по терминологии Хайдеггера), а в автономном, идеальном мире «чистого» мышления, установленного на естественнонаучное познание и сознание.

Таким образом, проблема «дружести», или «внутренне убедительного слова», ставится Бахтиным в экзистенциально-онтологическом плане, но при этом (в отличие от Хайдеггера и многих других) скорее в духе монахов в последнем романе Достоевского: «Буди! буди!». В истории рецепции наследия Бахтина принцип причастной автономии не случайно интерпретировали либо «материалистически», либо «идеалистически», поскольку отсутствовал методический подступ к бахтинскому авторству по ту сторону «монологических» предпосылок и предрассудков Нового времени.

Отношение

Ранний Бахтин редко пользуется словом «дружество»; но он с самого начала вводит в свои построения принцип *отношения*, то есть конкретной взаимосвязи я и *другого* во всяком «событии бытия». Но ведь принцип отношения – диалогический принцип – только вариация идеи «автономной причастности – или причастной автономии» [6, с. 282]. В трактате «Автор и герой в эстетической деятельности» (1922/23) это видно, в частности, при характеристике причастности индивида «категории утвержденного бытия дружести» («ряд поступков начинается не из меня... В вопросе: кто я, звучит вопрос: кто мои родители, какого я рода»)). В рукописи трактата появляется в этом месте характерная приписка: «Не моя национальность, а я национальности» [6, с. 238]. Иначе говоря, не моя национальность принадлежит мне, но скорее я принадлежу своей национальности в бытийно-историческом отношении, в своей «дружести».

В курсе лекций по проблемам философии в кружке Бахтина в Ленинграде (1924) вариация этой мысли передается в неокантианской терминологии как «плоть трансгredientных моментов» (сознания), которые, вопреки современному «нигилизму», «растворены в единстве субъекта быть не могут» [6, с. 331]. Вот, вероятно, почему роль «экзистенциальной» традиции в мышлении Бахтина не следует ни преуменьшать, ни преувеличивать: она у него, можно сказать, встроена в систематическое единство бытийно-исторической «архитектоники», как это характерно для некоторых современников (Ф. Розенцвейг, отчасти М. Хайдеггер). В той же лекции в своем кружке идея *историчности* сознания переносится в сферу собственно мышления: «В каждой мысли есть момент проблемы и момент тезиса; в проблеме, *мысль выходит сама за себя* [6, с. 332].

В вышеупомянутой полемике с «материальной эстетикой» революционных лет (переворачивающей, но не преодолевающей основания идеализма и утопизма Нового времени), задача формулируется так: «Нужно перестать быть *только самим собою*, чтобы войти в историю (курсив мой. – В.М.) [6, с. 280]. Здесь это значит: футуристический разрыв с традицией, постулируемый «формальным методом» в гуманитарном мышлении, остается в границах отрицаемого, т. е. оборачивается изнанкой, которая «всегда хуже лица» [4, с. 285].

Эти и другие соображения молодого Бахтина выражают, в различных контекстах и вариациях, в сущности, одну и ту же «идею»: поступок, высказывание, сознание, культура, та или иная эпоха в своей относительно оправданной автономии, тем не менее, причастны тому, *внутри чего* они пребывают и самоопределяются в своей не риторической, не «монологический», но скорее *гротескной идентичности*.

Понятие «гротескного реализма», как известно, обосновано нашим автором в книге о Рабле в контексте исторической поэтики и эстетики [8, с. 41 и следующие]; здесь это понятие характеризует особый тип «двутелого тела», «гротескного тела» в истории европейской литературы и искусства. Этот принцип во втором издании книги о Достоевском (1963) принял жанровую форму взаимоотношения между сознаниями «героев-идеологов» в романах русского писателя. Между тем, исток идеи «полифонии голосов» находим уже в программном тексте «К философии поступка» (1921/22), именно – в феноменологическом описании сознания, или *я*, как причастно автономного *другому* в трех своих *исхождениях за себя*: «я-для-себя», «другой-для-меня», «я-для другого» [6, с. 49]. Последующее развитие бахтинской философии, таким образом, совершается на уже разработанном в программный период социально-онтологическом основании и должно мыслиться и пониматься, в первую очередь, в *отношении* к этому основанию, а уже во вторую и третью очередь – в отношении того, с кем из старших и младших современников Бахтина перспективно сравнивать.

Диалог

Термин «диалог» впервые вводится Бахтиным в книге о философии языка (1929), написанной от лица как бы марксиста и в развитие его фундаментальной онтологии не в привычном и узком, а в «широком» значении слова: «*Диалог*, в узком смысле слова, является, конечно, одной из форм, правда – важнейшей, речевого взаимодействия. Но можно понимать диалог *широко*, понимая под ним *не только непосредственное громкое речевое общение людей лицом к лицу*, а всякое речевое общение, какого бы типа оно ни было. Книга, т. е. печатное речевое выступление, является элементом речевого общения» (курсив мой. – В.М.) [4, с. 429].

Слово-понятие *общение* обесценилось сегодня еще больше, чем термин *диалог*. Бахтин здесь имеет в виду диалог, понятый «широко» (т. е. не только «лицом к лицу» и не только во внешнем композиционном выражении). Перед нами вариация так называемого диалогического принципа, а именно *отношения* как такового, не чисто идеального и не только материального, *не вещного, но коммуникативного*. Не случайно почти полвека спустя Бахтин в своих рабочих заметках сошлется на второй том «Философии» К. Ясперса (1932), посвященный феномену и проблематике «коммуникации» [10, с. 404].

Итак, во всяком взаимодействии-общении, как и во всяком «событии бытия», любое индивидуальное притязание на значимость бытийно опосредовано и мотивировано *другостью*, «хоровой поддержкой»; эти программные термины Бахтина, позднее заменяются у него, повторимся, как бы общепонятным (и тем более малопонятным) термином «социальный». Но и в этой смене терминов сохраняется идея «причастной автономии», ставшая теперь идеей «диалога»: моя автономия, моя свобода, моя экзистенциальная «самость» возможны и актуальны постольку, поскольку я причастен чему-то большему, чем я «сам». Но это опять-таки – только одна сторона дела.

И я есмь

С другой стороны, важнейший аспект становящейся (развивающейся) «идеи» Бахтина, как мы уже говорили, заключается в том, чтобы показать, каким образом человеческое сознание, личность «участны» и «ответственны» внутри своей же «другости», с которой личность *не сливается*; конкретный субъект остается относительно автономным (свободным) в самой своей зависимости, или причастности, тому, что, казалось бы, превышает идеально-смысловой горизонт и возможности индивида. Поэтому, наряду с упоминавшейся «другостью» и понятием *другого*, Бахтин с самого начала утверждает принцип «*и я есмь*» [6, с. 14, 38] – словосочетание, в котором едва ли не центральное место принадлежит союзу *и*, связывающему так называемое личное начало со всем тем, что *не* есть только я сам в событии бытия.

В этом, как мне представляется, – сущностное отличие бахтинской *другости* от *altérité* так называемого «мышления 68-го года» во Франции с его стремлением овеществить и «стереть» категорию персональности и авторства. Исторически и психологически эта тенденция вполне понятна: состояние «отчаяния», при котором романтико-индивидуалистическое сознание в конце Нового времени отрицает само себя, самоубийственно растворяясь в «односторонней причастности» («как если бы меня не было»); таков уже «пафос» философии Ницше, тенденция, которую молодой Бахтин назвал в своей философской программе «абсурдом современного дионисийства» [6, с. 47].

В программном тексте «К философии поступка» (1921/22) читаем: «Пусть я насквозь вижу данного человека, знаю и себя, но я *должен овладеть правдой нашего взаимоотношения, правдой связующего нас* единого и единственного события, в котором мы участники» (курсив мой. – В.М.) [6, с. 20]. В этом контексте понятно, каким образом и почему отправным пунктом бахтинской концепции творчества Достоевского оказывается тезис Вяч. Иванова «ты еси», оставшийся в ивановской концепции (1911) скорее тезисом, чем методической проблемой [см.: 18].

Решающее изменение

Наша постановка вопроса, однако, располагается не в литературно-эстетической, а в «онтологически-событийной» (по терминологии молодого Бахтина) плоскости. Мыслители «нового мышления» 1910–1920-х гг., независимо друг от друга, практически одновременно создали в то время философские проекты, поражающие различиями между ними почти так же, как и сходствами. Гадамер в поздней статье подчеркивал, что в 1920-е гг. целый ряд мыслителей, теологов, ученых «объединяло убеждение в том, что путь истины – это диалог» [15, с. 87]. Скупые указания Бахтина, увы, дают историку мышления не так много; приходится опираться на свидетельства его европейских современников. Руководствоваться при этом целесообразно следующим методическим соображением: русский автор не понятен вне того поворота, или перехода, в философии конца Нового времени (XX в.), о котором у нас здесь все время идет речь; но, с другой стороны, опыт современников, которых обычно сравнивают с Бахтиным, не дает подлинного представления о бахтинском авторстве в его становлении (развитии). Более адекватным и перспективным представляется понятие *события* (по-бахтински: «бытие-событие», «событие бытия» и т. п.). Событие (по-немецки *Geschehen*, или *Ereignis*) не столько субъективно, сколько *интерсубъективно*, оно собственно и отражает коммуникативно-диалогическую действительность *со-бытия*.

Интерес к понятию и категории «события» в последние десятилетия – симптом, свидетельствующий о возобновившихся попытках преодолеть так называемую субъект-объектную парадигму в теории познания (см. в этой связи: [11; 23; 25; 26]). Здесь мы снова прибегнем к историко-философскому примеру в популярном жанре *case study*.

В поздней статье «К истории диалогического принципа» (1954) немецко-еврейский религиозный философ Мартин Бубер (1879–1965) прокомментировал перелом в своем мышлении и у своих современников, происшедший в «час Везувия с его опытом Первой мировой войны» и возникшей тогда потребностью «воздать должное существующему

экзистенциально (dem Existieren) – потребностью, захватившей также и систематическую философию» [12, с. 509].

Бубер рассказывает здесь, что еще до публикации своей самой известной книги «Я и Ты» (1923) он прочитал сочинение австрийского католика Фердинанда Эбнера (1882–1931) «Слово и духовные реальности» (1921), поразившую его сходством с его собственной концепцией диалога. «Его книга, – читаем в цитируемой статье Бубера, – показала мне – как никакая другая, прочитанная мною впоследствии (причем местами близость мыслей была какой-то даже жутковатой), что в такое время, как наше, люди разного склада и традиций оказались в поисках *общего потрясенного достояния*» [12, с. 513].

«Близость мыслей», поначалу смутившая Бубера, объяснялась, как он осознал позднее, общностью европейского мира жизни, потрясенного в исторический «час Везувия»; отражением и преломлением этой конкретно-исторической ситуации оказался поворот к новой, «экзистенциальной» онтологии. Отсюда, среди прочего, удивительный феномен, появление на философском горизонте текстов С. Кьеркегора, которого начали переводить (на немецкий) еще перед Первой мировой войной. В 1920-е гг. термин «экзистенция» стал почти синонимом «нового мышления», *neue Denken*, в Германии. Бахтин, который, как известно, юношей прочитал в Одессе Кьеркегора [5, с. 41–43], обошелся в своей философской программе без термина «экзистенция», хорошо известного ему по сочинениям позднего Шеллинга. Русский мыслитель, как и некоторые его европейские современники (К. Ясперс и Ф. Розенцвейг, О. Розеншток-Хюсси и М. Хайдеггер, М. Бубер и Г. Марсель, Ф. Эбнер и Р. Гвардини, многие другие), в своей философской программе исходил из назревшей в то время общей потребности – выйти за пределы *и* объективизма, *и* субъективизма Нового времени. Относительно новым в «новом мышлении» была попытка ввести в научно-систематическое познание реальную, «участную» человеческую личность, понятую *экзистенциально, но не автономно*. Дело было, конечно, не в термине самом по себе, а в трансформации философской традиции от Античности до Нового времени включительно. Хайдеггер писал Ясперсу 27 июня 1922 г.: «Требуется критика всей прежней онтологии, самых ее корней в греческой философии, особенно Аристотеля, чья онтология (хотя уже само это понятие не годится) у Канта и Гегеля жива никак не меньше, чем у какого-нибудь средневекового схоласта» [см.: 17, с. 73].

Для нас здесь важно следующее: хайдеггеровский радикализм, при всем его индивидуальном и национальном своеобразии, выразил некоторую общую тенденцию – «воздать должное существующему экзистенциально» (Бубер). У всех вышеупомянутых европейских мыслителей новым было не «новое», а, напротив, возвращение к первоистoku европейской научной традиции, к понятию «первой философии», правда, на совершенно новом – *бытийно-историческом* – основании.

Бубер с отчетливостью первооткрывателя выразил этот новый, как тогда говорили, «коперниканский переворот» в философии в одном из афоризмов «Я и Ты»: «В начале есть *отношение* (курсив мой. – В.М.) [13, с. 25]. Дело шло о «революционной науке», но не столько в философии так называемых опытных науках (как у Т. Куна в его знаменитой книге 1962 г.), сколько в науках общественно-исторического опыта мира жизни и, прежде всего, – в философии.

У самого Бубера трансформация философии во время и после Первой мировой войны была связана с переосмыслением его же прежней (довоенной) установки – противопоставления «Я-Ты» – «Я-Оно»; само это противопоставление осталось, даже усилилось, но теперь «основанием служит уже не сфера субъективности (Sphäre der Subjektivität), а сфера *между* существами (Sphäre zwischen den Wesen)». «Но ведь именно в этом, – комментирует Бубер, – и состояло *решающее изменение*, происшедшее в годы Первой мировой войны с целым рядом мыслителей. Изменение это по своему смыслу и сферам своего проявления было самым разнообразным; но фундаментальная общность (Gemeinsamkeit) человеческой ситуации, из которой произошло это вобравшее в себя все и вся изменение, не подлежит никакому сомнению» [13, с. 513].

«Фундаментальная общность» возникла, конечно, не потому, что мыслители-современники «читали» и «вливали» друг на друг; она мотивировалась *событийно*. Только в событийном контексте «решающего изменения» можно разглядеть и осмыслить – таков наш следующий тезис – как разительные сходства, так и не менее разительные отличия становящейся «идеи» Бахтина от, казалось бы, сходных проектов его старших и младших современников. Вообще, не сами по себе сопоставления русского мыслителя с кем бы то ни было приближают нас к ответу на вопрос «Откуда взялся Бахтин?», но скорее конкретно-историческая категория «Между» является историко-систематическим условием возможности всех возможных сопоставлений.

Онтология Между

Проиллюстрируем этот тезис еще одним историко-систематическим примером. Через сорок лет после поколения Бубера и Бахтина ученица Хайдеггера и Ясперса Ханна Арендт (1906–1975) писала в своей книге «Люди в темные времена» (1968): «...мир и населяющие его люди – не одно и то же. Мир расположен *между* людьми, и это “между” – в гораздо большей мере, чем люди и даже человек как таковой, – сегодня предмет самой сильной тревоги и самого очевидного кризиса почти во всех странах планеты... Разладился и никаким диалогом и никаким самостоятельным мышлением не мог быть налажен сам мир – то есть то, что возникает *между* людьми и где все, что люди несут в себе от рождения, становится зримо и слышно» [3, с. 12; 19].

Для Арендт «мир», т. е. экзистенциально-онтологическое пространство взаимоотношения между людьми (сфера «общения»), относится в особенности к тому, что она называет «публичной сферой», хотя эта ученица Хайдеггера сама же констатирует в предисловии к процитированной книге философскую односторонность и противоречивость хайдеггеровского афоризма: «Свет публичности все помрачает» [3, с. 9]. Главное в приведенном высказывании Арендт – констатация того, что ни риторика «диалога», ни усилия «самостоятельного мышления» сами по себе не гарантируют того, к чему диалог стремится в сфере «между». Бахтин с самого начала проблематизирует так называемую «онтологию Между» (*Ontologie des Zwischen*): в его программных текстах эта сфера («мир») есть условие возможности диалогических отношений вообще, независимо от того, осознаются ли эти условия *публично*. В книге «Формальный метод в литературоведении» (1928) онтологически-событийный принцип «Между» переносится в плоскость творческого мышления как такового: «Мы охотнее всего представляем себе идеологическое творчество как какое-то внутреннее дело понимания, постижения, проникновения и не замечаем, что на самом деле оно все сплошь развернуто вовне – для глаза, для уха, для рук, что оно *не внутри нас, а между нами* (курсив мой. – В.М.) [4, с. 190]. Это – радикальный поворот от индивидуализма и монологизма Нового времени, но в то же время это *вариация* ранней философской программы с ее идеей «овнешнения» (а тем самым индивидуальной «ответственности») участников некоторого общего события. *Отношения-между* – диалогический принцип причастной автономии – отчетливо заявляет о себе уже в Невельском манифесте двадцатичетырехлетнего Бахтина «Искусство и ответственность» (1919) [6, с. 5–6], и это не случайно: *отношение* между искусством и жизнью, традиционно существенное для русского культурного сознания, формулируется здесь совершенно необычно – не традиционно и не анти-традиционно, но с сохранением «классической традиционной терминологии».

Первая философия

Понятие «Между» необходимо, но недостаточно для обоснования нашего главного тезиса, в соответствии с которым идея «причастной автономии» в мышлении Бахтина *причастно-автономна* радикальному и магистральному сюжету западноевропейской философии XX в., который Гадамер, как мы помним, определил как «переход от мира науки к миру жизни». Представляется, что русский мыслитель осуществил этот «переход» самобытно, но понять и оценить эту самобытность можно только в контексте происшедшей на исходе

Нового времени «трансформации философии» [2]. Философия диалога на Западе в значительной мере инициировала эту трансформацию, но при этом она сама была причастна более общему событию философских «поворотов» 1920-х гг. и, в первую очередь – повороту к «первой философии» (онтологии) нового типа. Программный текст Бахтина «К философии поступка» (1921/22) собственно и посвящен новой постановке вопроса о “*prima philosophia*” [6, с. 12], «учению не о едином культурном творчестве, но о едином и единственном бытии-событии» [6, с. 22]. У всех мыслителей экзистенциально-онтологического поворота в «столетнее десятилетие» речь идет не столько о «культуре», сколько о «бытии», понятием не столько в политэкономических терминах (как в историческом материализме) и не в культурологических терминах (как в неокантианстве), а на более глубоком, *дотеоретическом* уровне, введенном в научные дискуссии XX в., с одной стороны – «философией жизни» (Дильтей, Ницше, Бергсон, Зиммель и др.), с другой стороны – феноменологией Э. Гуссерля и его школой. Бахтин в позднем письме к В.В. Кожинуву от 2 июля 1962 г. писал, что «определяющее влияние» на него оказал Гуссерль, а из его учеников – Макс Шелер с его «персонализмом» [см.: 21, с. 549]. Определить так называемые влияния в случае Бахтина бывает трудно еще и потому, что наш автор, как правило, более или менее полемичен в отношении как раз тех философов и ученых, которые ему ближе других, тогда как у философских и научных оппонентов, наоборот, он подвергает критике не слабые, а сильные стороны, составляющие ту или иную реальную проблему, что в свое время подметил С.С. Аверинцев [1, с. 94].

Диалогизующий фон

Поворот к бытию как событию в западноевропейской философии проанализирован в обстоятельном труде выдающегося немецкого философа Микаэля Тойннисена (1932–2015) «Другой. Исследования по социальной онтологии современности» (1965; в США вышел в 1984 г. сокращенный перевод). «Другой, – писал Тойннисен во введении, – уже не только предмет какой-либо отдельной дисциплины, это теперь, в значительной степени, тема Первой Философии, ее «трансцендентальная праформа» [27, р. 1]. По мысли Тойннисена, «современная» версия «первой философии» сложилась в совершенно определенное время, а именно между 1917 и 1923 гг., и определила две основные линии последующего влияния и развития философии – линию «трансцендентальную» (Э. Гуссерль, Ж.-П. Сартр, М. Хайдеггер) и линию «диалогическую» (М. Бубер, Р. Гвардини, Г. Марсель, Ф. Розенцвейг, О. Розеншток-Хюсси, М. Шелер, Ф. Эбнер и многие другие). Первую философию нового типа в обеих ее разновидностях Тойннисен обозначает термином «социальная онтология» (*Socialontologie*), в отличие от более специализированной «социальной философии», а равно и от социологии. «Социальная онтология», как *prima philosophia*, определяется двумя принципиальными категориями: «я» и «другой» (точнее – *отношением* между ними). Если в социальной онтологии трансценденталистского типа *Другой* (*der Andere*) – это «другое я», то в диалогической философии *Другой* – это «Ты» и партнер в диалоге. При этом, конечно, «социальная онтология» в принципе не автономна, не изолирована от предшествующей философии: она радикализует, в частности, «постидалистический» поворот в философии, начатый, как известно, поздним Шеллингом (против Гегеля и всей предшествовавшей теоретической философии) и продолженный Кьеркегором. С другой стороны, уместно добавить: нынешняя *prima philosophia* развивает «критику исторического разума» В. Дильтея, который трансформировал (задолго до М. Фуко и иначе, чем он) Кантову идею трансцендентализма. На этом историко-систематическом фоне, наверно, можно лучше разглядеть и понять Бахтина как философа, в его *отличии* (персональном и национальном) от упомянутых выше европейских предшественников и современников, вне которых, повторимся, русский автор почти «не виден» и еще менее понятен в своей уникальности.

1. Аверинцев С. Личность и талант ученого // М.М. Бахтин: Антология критики. М.: РОССПЭН, 2010. С. 93–101.
2. Апель К.-О. Трансформация философии. М.: Логос, 2001. 344 с.

3. *Арендт Х.* Люди в темные времена. М.: Московская школа политических исследований, 2003. 312 с.
4. *Бахтин (под маской).* М.: Лабиринт. 2000. 640 с.
5. Бахтин М.М. Беседы с В.Д. Дувакиным. М.: Согласие, 2002. 400 с.
6. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2003. 955 с.
7. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. Т. 3. М.: Языки славянской культуры, 2012. 800 с.
8. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. Т. 4(2): М.: Языки славянских культур, 2010. 752 с.
9. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. Т. 5. М.: Русские словари, 1996. 733 с.
10. *Бахтин М.М.* Собрание сочинений. Т. 6. М.: Языки славянской культуры, 2002. 799 с.
11. *Бибихин В.В.* Слово и событие. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2010. 403 с.
12. *Бубер М.* К истории диалогического принципа // Антология еврейской философии Нового и Новейшего времени (источники и комментарии) / ред., сост. И. Дворкин. М. – Иерусалим: Библиотека М. Гринберга, 2022. С. 507–521.
13. *Бубер М.* Я и Ты // Бубер М. Два образа веры. М. Республика, 1995. С. 16–83.
14. *Гадамер Г.-Г.* К русским читателям // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 6–7.
15. *Гадамер Г.-Г.* Неспособность к разговору // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. С. 82–92.
16. *Гвардини Р.* Конец нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 127–163.
17. Мартин Хайдеггер, Карл Ясперс. Переписка 1920–1963 / пер. с нем. И. Михайлова. М.: Ad Marginem, 2001. 416 с.
18. *Махлин В.Л.* «Ты еси»: Достоевский между Вяч. Ивановым и М.М. Бахтиным // Вяч. Иванов: PRO ET CONTRA. Антология в 2-х тт. Т. 2. СПб.: РХГА, 2016. С. 50–76, 764–770.
19. *Махлин В.Л.* Причастная автономия. К вопросу о «диалогизме» М.М. Бахтина // Вопросы философии. 2022. № 11. С. 12–23.
20. *Михайлов А.В.* Терминологические исследования А.Ф. Лосева и историзация нашего знания // Михайлов А.В. Избранное: Историческая поэтика и герменевтика. СПб.: Изд-во СПб. ун-та. 2006. С. 459–477.
21. *Паньков Н.А.* Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. М.: МГУ, 2009. 720 с.
22. *Розеншток-Хюсси О.* Прощание с Декартом // Вопросы философии. 1997. № 8. С. 139–147.
23. Событие и событийность: сб. ст. / под ред. В. Марковича и В. Шмида. М.: Изд-во Кулагиной – Intrada, 2010. 296 с.
24. *Соколова Е.В.* «Диалог невозможен...»: Коммуникативная проблематика в современной литературе Германии: (Б. Шлинк, М. Байер, К. Хакер, В. Генаццо, К. Крахт): Аналитический обзор. М.: РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. Отд. литературоведения. М., 2008. 128 с.
25. Фактичность и событие мысли / под ред. Т. Щитцовой и В. Фурса. Вильнюс: ЕГУ, 2009. 280 с.
26. *Щитцова Т.В.* Событие в философии Бахтина. Минск: И.П. Логвинов, 2002. 300 с.
27. *Theunissen M.* Der Andere: studien zur Sozialontologie der Gegenwart. Berlin: De Gruyter, 1965. 538 s.

«Dialogism» by M.M. Bakhtin as a historical and philosophical problem*

© 2022 V.L. Makhlin

*Vitaly Lvovich Makhlin, Doctor in Philosophy, Candidate in Philology,
Leading Researcher at the Department of Literary Studies, INION RAS
E-mail: vitmahlin@mail.ru*

Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences.
Moscow, Russian Federation

*The research was supported by RSF (project No. 22-28-00262)

Annotation. This article is an attempt to solve three interrelated tasks. Firstly, to show up the circumstances and reasons why the concept and notion of dialogue and dialogism, in Bakhtin and elsewhere, have lost their initial meaning and actuality after the end of the New Times, i. e. in the 21st century.

Secondly, this very situation in the socio-cultural and scientific (scholarly) spheres seems to give us an opportunity to pose anew the old question of the so-called Bakhtin studies, namely: “Where did Bakhtin come from?” Thirdly, the recent move in the Bakhtin studies in the direction of the philosophical origins of his thinking allows us, it seems, to approach Bakhtin’s early texts (between 1919 and 1924) not only as a project in itself, but as a dynamic strategic idea of his work or authority. Moreover, this starting point, seems to give an access to the so-called *neue Denken* (“new thinking”) in the work of Bakhtin’s Western contemporaries (primarily and mostly in Germany). For, with his early transformation of the Western traditional philosophy of the New Times, with his programmatic concepts of “participative thinking” and “participative autonomy”, Bakhtin, in fact, *participated* (quite nationally and individually) in the similar transformation of traditional philosophy into a creation of the new paradigm of the “first philosophy”.

Keywords: the end of the New times, participative thinking/autonomy/consciousness, dialogue/dialogism, author/authorship, the new thinking, the “first philosophy”, Bakhtin studies.

1. Averincev S. Lichnost' i talant uchenogo // M.M. Bahtin: Antologija kritiki. M.: ROSSPJeN, 2010. S. 93–101.
2. Apel' K.-O. Transformacija filosofii. M.: Logos, 2001. 344 s.
3. Arendt H. Ljudi v temnye vremena. M.: Moskovskaja shkola politicheskikh issledovanij, 2003. 312 s.
4. Bahtin (pod maskoj). M.: Labirint. 2000. 640 s.
5. Bahtin M.M. Besedy s V.D. Duvakinym. M.: Soglasie, 2002. 400 s.
6. Bahtin M.M. Sobranie sochinenij. T. 1. M.: Jazyki slavyanskoy kul'tury, 2003. 955 s.
7. Bahtin M.M. Sobranie sochinenij. T. 3. M.: Jazyki slavyanskoy kul'tury, 2012. 800 s.
8. Bahtin M.M. Sobranie sochinenij. T. 4(2): M.: Jazyki slavyanskikh kul'tur, 2010. 752 s.
9. Bahtin M.M. Sobranie sochinenij. T. 5. M.: Russkie slovari, 1996. 733 s.
10. Bahtin M.M. Sobranie sochinenij. T. 6. M.: Jazyki slavyanskoy kul'tury, 2002. 799 s.
11. Bibihin V.V. Slovo i sobytie. M.: Un-t Dmitrija Pozharskogo, 2010. 403 s.
12. Buber M. K istorii dialogicheskogo principa // Antologija evrejskoj filosofii Novogo i Novejshego vremeni (istochniki i kommentarii) / red., sost. I. Dvorkin. M. – Ierusalim: Biblioteka M. Grinberga, 2022. S. 507–521.
13. Buber M. Ja i Ty // Buber M. Dva obraza very. M. Respublika, 1995. S. 16–83.
14. Gadamer G.-G. K russkim chitateljam // Gadamer G.-G. Aktual'nost' prekrasnogo. M.: Iskusstvo, 1991. C. 6–7.
15. Gadamer G.-G. Nesposobnost' k razgovoru // Gadamer G.-G. Aktual'nost' prekrasnogo. S. 82–92.
16. Gvardini R. Konec novogo vremeni // Voprosy filosofii. 1990. № 4. S. 127–163.
17. Martin Hajdegger, Karl Jaspers. Perepiska 1920–1963. Per. s nem. I. Mihajlova. M.: Ad Marginem, 2001. 416 s.
18. Mahlin V.L. «Ty esi»: Dostoevskij mezhdru Vjach. Ivanovym i M.M. Bahtinym // Vjach. Ivanov: PRO ET CONTRA. Antologija v 2-h tt. T. 2. SPb.: RHGA, 2016. S. 50–76, 764–770.
19. Mahlin V.L. Prichastnaja avtonomija. K voprosu o “dialogizme” M.M. Bahtin // Voprosy filosofii. 2022. № 11. S. 12–23.
20. Mihajlov A.V. Terminologicheskie issledovanija F.F.Loseva i istorizacija nashego znaniya // Mihajlov A.V. Izbrannoe: Istoricheskaja pojetika i germeneytika. SPb.: Izd-vo SPb. un-ta. 2006. S. 459–477.
21. Pan'kov N.A Voprosy biografii i nauchnogo tvorchestva M.M. Bahtina. M.: MGU, 2009. 720 s.
22. Rozenshtok-Hjussi O. Proshhanie s Dekartom // Voprosy filosofii. 1997. № 8. S. 139–147.
23. Sobytie i sobytijnost': sb. st. / pod red. V. Markovicha i V. Shmida. M.: Izd-vo Kulaginoj – Intrada, 2010. 296 s.
24. Sokolova E.V. «Dialog nevozmozhen...»: Kommunikativnaja problematika v sovremennoj literature Germanii: (B. Shlink, M. Bajer, K. Haker, V. Genacino, K. Kraht): Analiticheskij obzor. M.: RAN. INION. Centr gumanit. nauch.-inform. issled. Otd. literaturovedenija. M., 2008. 128 s.
25. Faktichnost' i sobytie mysli / Pod red. T. Shhitcovej i V. Fursa. Vil'njus: EGU, 2009. 280 s.
26. Shhitcova T.V. Sobytie v filosofii Bahtina. Minsk: I.P. Logvinov, 2002. 300 s.
27. Theunissen M. Der Andere: studien zur Sozialontologie der Gegenwart. Berlin: De Gruyter, 1965. 538 s.

Биография М.М. Бахтина как объект культурной памяти

© 2022 Лю Мяовэнь

*Лю Мяовэнь, кандидат филологических наук,
старший преподаватель Пекинского университета иностранных языков,
E-mail: miaowenliu@mail.ru*

Пекинский университет иностранных языков.
Пекин, Китай.

Аннотация. Изучение биографии М.М. Бахтина по-прежнему является актуальной проблемой бахтиноведения не только в России, но и за рубежом. При анализе данной проблемы автор использует теорию культурной памяти, поскольку изучение биографии ученого – скорее проблема культурной памяти, чем проблема истории. Память обладает неизбежной субъективностью, и то, какую биографию мыслителя можно написать сегодня, зависит от современных культурных структур. Введение категории культурной памяти направлено не на то, чтобы отменить возможность написания научной биографии, а на то, чтобы обеспечить более критическую перспективу биографического описания.

Ключевые слова: биография, М.М. Бахтин, культурная память, бахтиноведение, забывание.

Мы рассматриваем биографию М.М. Бахтина как объект культурной памяти. Изучение биографии мыслителя по-прежнему является актуальной проблемой как в России, так и за рубежом, несмотря на то, что существует большое число публикаций по этой теме. Как отмечают О.Е. Осовский и С.А. Дубровская, «бахтиноведение все еще не готово предложить его (т. е. Бахтина. – Л.М.) научную биографию, а попытки создания ориентированных на широкого читателя версий вызывают обоснованные претензии академического сообщества» [5, с. 192]. Данное замечание свидетельствует о том, что в существующих на сегодняшний день описаниях биографии Бахтина имеются значительные недостатки.

Хорошая биография зависит от широты кругозора автора, знакомства с героем биографии и его трудами, а также от уровня владения жанром биографического исследования. Среди множества образцов биографий известных писателей и ученых, назовем, на наш взгляд, лучшие: это книги «Владимир Набоков» новозеландского ученого Брайана Бойда (Brian Boyd) и пятитомник «Достоевский» Джозефа Франка (Joseph Frank), которые являются высоконаучными и в то же время доступными для широкой читательской аудитории авторскими биографиями. В отличие от биографий Достоевского и Набокова, написать биографию Бахтина гораздо сложнее.

Биография Бахтина изначально хранилась в личной памяти Бахтина, поскольку первооснова памяти – биологическая. После смерти ученого в 1975 г. основным материалом для изучения жизни Бахтина стали его рассказы, интервью, которые были так или иначе зафиксированы в виде вербального текста или фонозаписи. (Личная память становится культурной памятью, свободной от биологической основы и транслирующейся посредством культурных символов.) На самом деле, процесс преобразования органической нейронной памяти в культурную память начался еще при жизни Бахтина. Это были различные интервью, научные юбилейные конференции (например, проведенная в Тарту в 1973 г. конференция в честь дня его рождения) и т. д. После смерти ученого различные исследовательские сообщества продолжают конструирование культурной памяти. Состоявшийся семинар «Михаил Бахтин: подступы к биографии» – типичная форма закрепления памяти о Бахтине (обряд и праздник для Яна Ассмана – первичные формы организации культурной памяти [см.: 1, с. 59]).

При написании биографии мыслителя очень трудно выстроить линейное повествование, и проблема памяти является одной из самых важных. Бахтин умер 47 лет назад, не оставив

детей и утратив возможность увековечить личную и семейную память. По мнению Яна Ассмана, вид семейной памяти как носителя существования обычно ограничивается 80–100 годами (этот период, сдвигающийся вместе с современностью, охватывает временной горизонт в 3–4 поколения [1, с. 59]). Этот вид семейной памяти исчезнет из памяти человека, если только воспоминание не было записано. Алейда Ассман в своей статье также пишет: «Как правило, семейная память сохраняется на протяжении трех поколений при взаимном взаимодействии» [8, с. 49]. Этот закон напоминает Мир мертвых в американском фильме «Тайна Коко» (2017), героиня которого исчезает в Мире мертвых без благословения родственников из мира людей. Но путь семейной памяти Бахтина обрывается, что делает его биографический материал еще менее доступным и более трудным для описания. К счастью, диалоги Бахтина с формализмом в 1920-х гг. ввели Бахтина в более широкий культурный контекст, сформировав то, что Морис Хальбвакс (Maurice Halbwachs) называет коллективной памятью. В рамках культурной памяти «коллективная память» Хальбвакса интерпретируется как «коммуникативная память», которая может сохраняться только во взаимодействии [см.: 6].

Изучение биографии – это скорее проблема культурной памяти, чем проблема истории. Память о биографе может выйти за пределы времени (то есть биологический лимит) только в том случае, если она войдет в сферу культуры и станет частью культурной памяти, что достигается с помощью знаков и символов (Ассман в книге утверждает, что исследования современного французского историка Пьера Нора доказывают, что памятью манипулирует не коллективная душа или объективный разум, а общество, которое делает это с помощью знаков и символов [см.: 7, с. 122]).

Ученые изучали жизнь Бахтина как историю, в связи с чем возникает вопрос о научности биографии. Если рассматривать жизнь Бахтина как объект культурной памяти, то это совсем другое дело. Между историей и памятью существует четкое различие: история направлена на описание точного и объективного материала и стремится к объективности факта; память же – это субъективный материал, основанный на опыте отдельных людей и их окружения – с фантазиями, легендами и искажениями прошлого, проецируемыми в качестве вторичного материала. Понятно, что современное изучение жизни Бахтина ближе к последнему, и, несмотря на усилия ученых написать научную биографию Бахтина, налицо проблема ненадежности самих построений. Существуют проблемы концептуальных предубеждений; например, трилогия Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» основана на историческом материале, она служит определенной идеологии. Другой пример: Ю.Н. Тынянов использовал для проверки собственной теории литературной эволюции пушкинскую эпоху и свой роман «Пушкин». Ян Ассман говорит, что «история и память иногда противопоставлены друг другу» [1, с. 44] (Хальбвакс противопоставляет коллективной памяти в целом «историю», как антоним [см.: 6]). Если автор пишет с этой целью, то трудно уже говорить о научности и достоверности, поскольку написанное является, по сути, воображаемой реконструкцией. Одна из них – субъективная причина, упомянутая выше: использование материала биографа для выражения собственных идей, что очень распространено в академических кругах, включая самого Бахтина. Приведем пример: термин «мениппова сатира» для М.Л. Гаспарова – это не филологическое исследование, а философское, потому что в нем процент реконструкции, воображения больше, чем аргументации [см.: 2, 3]. Другой вид реконструкции основан на недостатке материала: например, если вы хотите стать биографом Сократа или Конфуция, то фантазия почти неизбежна.

Еще один вопрос, касающийся ненадежности памяти, связан с мифом. Одним из самых популярных аспектов жизни Бахтина является его «открытие» в качестве литературоведа. Иными словами, Бахтин как бы был «забыт» в первой половине XX в. и оставался вне поля зрения ученых до 1960-х гг. Это очень интересный феномен культурной памяти, где забывание является основой для создания мифов. О том, что у Бахтина было свое место в академических кругах до того, как его обнаружили в Мордовии, свидетельствует библиотека Бахтина в Саранске, в которой собраны книги, подаренные ему Л.П. Гроссманом, В.Б. Шкловским и

другими учеными [см.: 4]. То есть, Бахтин был ученым, известным академическому сообществу, просто он не имел того статуса академической звезды, который он приобрел позже.

Мифическая конструкция на самом деле подчеркивает общечеловеческое любопытство, стремление к восстановлению чего-то потерянного, создавая тем самым бахтинский миф. Сегодня миф о Бахтине отражается также в его статусе в гуманитарных и социальных науках, где бахтиноведческие исследования стали заметными, однако составили еще один миф. В Китае Бахтин стал большим, необоснованным академическим «Джаггернаутом», чей статус, злоупотребления и неправильное использование в гуманитарных и социальных науках бесконечны. Это тоже можно обсуждать.

Итак, можно сделать следующий вывод: справедливо рассматривать биографию Бахтина как объект культурной памяти, где основной закон жизни – забывание, что одинаково справедливо для каждого человека, и лишь небольшое число людей, подобных Бахтину, имеют возможность войти в культуру, превратиться из преходящих личностей в константы культуры, из конечного в бесконечное. Но в этом процессе забывание все равно неизбежно, потому что память есть память из-за наличия отсутствия. Иными словами, забвение само по себе является памятью. Французский ученый Пьер Нора утверждает: «Причина, по которой люди так много говорят о памяти, заключается в том, что памяти больше не существует» [9, с. 3]. Память неизбежно обладает субъективностью, предвзятостью, ей свойственны заблуждения. Мы не можем знать всех деталей жизненного пути человека, биографию которого пытаемся написать, поэтому абсолютно точной научной биографии, по сути, не может быть. То, что мы можем вспомнить, определяется культурным контекстом нашего времени (т. е. эпистемой Фуко). Парадигма культурной памяти дает нам иной взгляд на жизнь Бахтина, парадигма, которая в равной степени применима к изучению всех биографических работ.

Введение категории культурной памяти направлено не на то, чтобы отменить возможность написания научной биографии, а на то, чтобы обеспечить более критичную перспективу биографического описания. Во многих случаях дело не в том, что биографическое описание ненаучно, а в том, что трудности написания биографии проявляются в самой природе жанра, который представляет собой сочетание рационального и эмоционального, универсального и индивидуального. Воображение здесь почти неизбежно, и трудно избежать недостоверности повествования. Поскольку субъект памяти был заменен, наш путь назад к фактическому объекту памяти отрезан, и реконструкция и воображение являются практически единственными способами, с помощью которых мы можем к нему приблизиться.

1. *Ассман Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 363 с.
2. *Гаспаров М.Л.* История литературы как творчество и исследование: случай Бахтина // Материалы Междунар. науч. конф. 10–11 нояб. 2004 г.: «Русская литература XX–XXI веков: проблемы теории и методологии изучения». М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 8–10.
3. *Гаспаров М.Л.* М.М. Бахтин в русской культуре XX века // Гаспаров М.Л. Избранные труды: в 3 т. Т. 2. М., 1997. С. 494–496.
4. *Клюева И.В., Земкова Н.Н.* Собрание инскриптов на изданиях из личной библиотеки М.М. Бахтина. К 125-летию со дня рождения мыслителя. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2020. 320 с.
5. *Осовский О.Е., Дубровская С.А.* Бахтин, Федин, Шкловский. Два малоизвестных эпизода из биографии Михаила Бахтина // Вопросы литературы. 2021. № 1. С. 191–216. DOI: 10.31425/0042-8795-2021-1-191-215.
6. *Хальбакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.
7. *Assmann A.* Cultural Memory and Western Civilizations: Functions, Media, Archives. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2011. 410 pp.
8. *阿莱达·阿斯曼, 陶东风:* 《个体记忆、社会记忆、集体记忆与文化记忆》

。载《文化研究》，2020第3期，第48-65页。Алейда Ассман, Тао Дунфэн. Личная память, социальная память, коллективная память и культурная память. Культурные исследования. 2020. № 3. С. 48–65).

9. 皮埃尔·诺拉：记忆之场》，黄艳红等译，南京：南京大学出版社2015年版。Нора П. Поле памяти / пер. Х. Яньхун и др. Нанкин: Изд-во Нанкинского университета, 2015.

M. Bakhtin's biography as an object of cultural memory

© 2022 Liu Miaowen

*Liu Miaowen, candidate in Philological Sciences,
Senior Lecturer at the Beijing University of Foreign Studies,
E-mail: miaowenliu@mail.ru*

Beijing University of Foreign Languages.
Beijing, China.

Abstract. The study of M.M. Bakhtin's biography is still an urgent problem of twenty-first-century Bakhtinology, not only in Russia, but also abroad, since there are many problems with the extant biographies of Bakhtin. We use the theory of cultural memory to examine this issue because we are convinced that the study of a scholar's biography is more a problem of cultural memory than of history. Memory has an inescapable subjectivity, and what kind of biography we can write depends on the cultural structures of our time. The introduction of the category of cultural memory is not intended to abolish the possibility of writing a scholarly biography, but only to provide a more critical perspective on biographical description.

Keywords: biography, M.M. Bakhtin, cultural memory, bakhtinology, forgetting.

1. Assman Ya. Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti / per. s nem. M.M. Sokol'skoj. M.: Yaz. slavyan. kul'tury, 2004. 363 s.
2. Gasparov M.L. Istoriya literatury kak tvorchestvo i issledovanie: sluchaj Bahtina // Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 10–11 noyabrya 2004 g.: «Russkaya literatura XX–XXI vekov: problemy teorii i metodologii izucheniya». M.: Izd-vo MGU, 2004. S. 8–10.
3. Gasparov M.L. M.M. Bahtin v russoj kul'ture XX veka // Gasparov M.L. Izbrannye trudy: v 3 t. T. 2. M., 1997. S. 494–496.
4. Klyueva I.V., Zemkova N.N. Sobranie inskriptov na izdaniyah iz lichnoj biblioteki M.M. Bahtina. K 125-letiyu so dnya rozhdeniya myslitelya. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2020. 320 s.
5. Osovskij O.E. Dubrovskaya S.A. Bahtin, Fedin, SHklovskij. Dva maloizvestnyh epizoda iz biografii Mihaila Bahtina // Voprosy literatury. 2021. № 1. S. 191–216. DOI: 10.31425/0042-8795-2021-1-191-215.
6. Hal'baks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' // Neprikosnovennyj zapas. 2005. № 2–3 (40–41). S. 8–27.
7. Assmann A. Cultural Memory and Western Civilizations: Functions, Media, Archives. Cambridge, New York: Cambridge Univ. Press, 2011. 410 pp.
8. Assmann A., Dunfen T. Lichnaya pamyat', social'naya pamyat', kollektivnaya pamyat' i kul'turnaya pamyat'. Kul'turnye issledovaniya. 2020. № 3. С. 48–65.
9. Nora P. Pole pamyati / per. H. Yan'hun i dr. Nankin: Izd-vo Nankin. un-ta, 2015.

Витебский круг М.М. Бахтина: мыслительный коллектив или неформальная группа интеллектуалов

©2022 А.Г. Лисов

*Александр Геннадьевич Лисов, кандидат искусствоведения, доцент,
заведующий кафедрой философии и политологии
Витебской ордена «Знак Почета» государственной академии ветеринарной медицины.
E-mail: alisov@tut.by*

Учреждение образования «Витебская ордена “Знак Почета” государственная Академия ветеринарной медицины». Витебск, Республика Беларусь

Аннотация. В условиях революционного переустройства общества на рубеже 1910-х и 1920-х гг., когда М.М. Бахтин жил в Невеле и Витебске, стали существенны новые социальные статусы. Важно то, претендовал ли в то время Бахтин на подобные статусы. Претендовал ли он на лидерство в неформальной группе интеллектуалов? С позиции исторической дистанции, опираясь на его собственные оценки, определенно можно сделать вывод, что претендовал. Эти оценки стали данью тому новому месту, которое ученому отводилось в гуманитарной науке XX в. последователями, приложившими немалые усилия к возвращению его имени и заслуг. Бахтин принимал новые правила игры, включался в нее. В этой связи его собственные свидетельства (а он был, как мы убедились, склонен к мистификациям и мифотворчеству) должны быть подвергнуты объективной оценке. В какой мере его место в группах интеллектуалов в Невеле, Витебске и Ленинграде было лидирующим? В какой мере признание это лидерства отражает истинное положение вещей? Академическая биография ученого должна дать всесторонний ответ на этот и другие вопросы. Очевидно, что проблема Круга Бахтина напрямую связана с проблемой авторства. В некотором смысле это является способом объяснения феномена ранней зрелости научных идей Бахтина. Статья является итогом многолетней работы автора над проблемой Круга Бахтина, начавшейся в 1990-х гг. и продолжающейся до сегодняшнего момента.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, Витебск, Невель, Круг Бахтина, мыслительный коллектив, В.А. Рейдемейстер (Вейгер-Рейдемейстер), А.О. Ццохер.

«Круг Бахтина» – феномен, осмысление которого в 1990-х гг. стало актуальной проблемой и продолжает таковой оставаться до настоящего времени. Чрезвычайно важна она и в контексте создания научной биографии ученого. Об этом феномене написаны книги и статьи. Здесь нельзя не вспомнить самые известные публикации [2, 10, 13, 14,16]. В связи с названной проблемой сам ученый определяется как «интеллектуальный лидер» научно-философского круга, который обозначен его именем и известен как Круг Бахтина.

Попытки очертить феномен Круга Бахтина берут начало в работах, посвященных изучению периода учебы братьев Бахтиных в Виленской гимназии. Утверждение самого существования этого феномена появляется в исследованиях невельского периода жизни Бахтина, когда он жил в Невеле и преподавал в единой трудовой школе, т. е. был включен в определенный социальный круг, который можно назвать интеллектуальным. Это тесный круг единомышленников-интеллектуалов, в ряду которых традиционно называют В.Н. Волошинова, Б.М. Зубакина, М.И. Кагана, Л.В. Пумпянского, М.В. Юдину. Надо признать, что круг общения Бахтина в Невеле гораздо более широк и включает в себя имена деятелей из новой советской номенклатуры, занимавших ответственные посты в местном уездном отделе образования, способных благоприятствовать только нарождавшейся, но уже социально чуждой интеллигенции. Подтверждением этому могут служить невельские фотографии ученого.

Тем не менее, выделенный В.Л. Махлиным, перечисленный выше и традиционно называемый круг имен обозначается как «Невельский кантовский семинар», он же –

«Невельский круг Бахтина» [10]. Биографии членов этого круга чаще всего имеют отсылку: «входил в круг Бахтина». Момент выбора имен в традиционном перечне связан с биографией ученых последующих периодов, их позднейшими контактами и находит продолжение в проблеме авторства. Здесь важны не только повторяющиеся, но и новые имена. Таким в Петрограде/Ленинграде становится имя Ивана Ивановича Канаева, который входил в ближайший круг Бахтина с 1924 г.

В правомерности идеи лидерства ученого в своей версии биографии Бахтина пытается усомниться А.В. Коровашко. Он говорит о виленском кружке гимназических лет и настаивает на том, что лидерствовали там другие. Говоря о невельской поре, он заявляет, что «лидером тамошней неокантианской диаспоры Бахтин, разумеется, не был. Авторитет Кагана выглядел тогда куда весомее, а талант и эрудиция Пумпянского не нуждались в бахтинских верительных грамотах» [5, с. 231]. Наконец, Коровашко подводит итог и прямо указывает на то, что «понятие “круг Бахтина” имеет смысл только как простое множество людей, с которыми Бахтин тесно общался на каком-то отрезке своей жизни» [5, с. 231]. Несмотря на то, что многие идеи биографа вызвали острую критику, в т. ч. и те, которые касаются проблем «круга» и «авторства спорных текстов», нам представляется все же целесообразным их осмыслить. Ведь проблема авторства упирается в определение Круга. В какой бы степени ни был случаен круг общения Бахтина, есть основание задаться вопросами, что он вынес из этого общения, как оно повлияло на его научные концепции?

В сентябре 1920 г. Бахтин был принят на работу в Витебский институт народного образования. Никаких документов, подтверждающих квалификацию, для поступления на работу в Витебский институт не потребовалось. Достаточной оказалась рекомендация Пумпянского, что очень показательно в отношении характеристики еще избавленной от изрядных бюрократических проволочек процедуры. Это создавало основу для самых разнообразных мистификаций, ведь уже в середине 1920-х гг., а тем более, в 1930-е гг. даже в провинциальных витебских вузах такое было бы невозможно. Известны случаи, когда по поводу «самозванства» педагогов, их квалификации и званий, проводились расследования и звучали обвинения о том, что в педагогическую среду проникают «аферисты». Так, к примеру, обстоит дело 1934 г. с подделкой документов в Витебском ветеринарном институте профессором кафедры общественных наук Ю.А. Преображенским. Расследование коснулось кафедры общественных наук, марксизма-ленинизма, где уже с середины 1920-х гг. проводилось пристальное изучение педагогических кадров, практиковались чистки.

Нам уже приходилось писать о жизненных обстоятельствах, связанных с появлением Бахтина и его семьи в Витебске. Напомним важнейшие детали. Бахтин приехал в Витебск из Невеля в начале осени 1920 г. «Невельский кружок» просуществовал недолго, но, несомненно, сильно повлиял на Бахтина, способствовал его становлению как мыслителя. Уже осенью 1918 г. в Петроград уехала М.В. Юдина, в августе 1919 г. в Витебск перебрался Пумпянский, а вслед за ним туда же – В.Н. Волошинов. Кружок распадался, хотя его члены пытались поддерживать между собой связи. К осени 1920 г. желание уехать из Невеля возникло одновременно у Кагана и у Бахтина. Каган тогда уехал в Петроград.

Очевидно, предложение приехать в Витебск сделал Бахтину Пумпянский, друг гимназической юности его брата – Николая Бахтина. Пумпянский жил в Витебске, трудился в созданной в 1918 г. Народной консерватории. Его занимала работа над лекционным курсом философии музыки для этого учебного заведения. В Витебске жило немало давних знакомых Льва Васильевича. Кроме того, он сблизился с группой представителей местной интеллигенции, среди которых были В.А. Вейгер-Рейдемейстер, Н.А. Малько, П.Н. Медведев, М.З. Шагал, многие известные столичные музыканты, актеры, художники, литераторы. Надо полагать, что старые связи и новые знакомства дали Пумпянскому возможность посодействовать Бахтину с переездом в Витебск. Он оказался в состоянии решить многие бытовые проблемы Бахтина, нашел для него в Витебске работу и жилье.

Пумпянский способствовал включению Бахтина в тот круг общения, который в равной мере можно было бы называть как Кругом Бахтина, так и Кругом Пумпянского. При

неизменно теплых, дружественных отзывах Бахтина о Пумпянском его свидетельства о нем не очень подробны, хотя их личные отношения длились вплоть до ареста Бахтина и его последующего отъезда в ссылку. Возможно, и переезд Бахтина из Витебска в Петроград, куда Пумпянский отправился в 1920 г., состоялся бы гораздо раньше, если бы не его личные обстоятельства: болезнь. В Витебске внимание к Бахтину поддерживалось неформальным авторитетом Пумпянского. Чем более пристально мы будем изучать научную биографию Пумпянского, тем больше будем находить подтверждений предположению, что многие наиболее ранние интересы Бахтина в литературной сфере возникли благодаря Пумпянскому. Одно из центральных имен здесь, конечно, Ф.М. Достоевский. От достаточно отвлеченных философских устремлений невеликого времени, сформировавшихся при непосредственном участии Кагана, Бахтин обращается к изучению историко-культурной, литературной проблематики.

Одним из первых документов, относящихся к витебскому периоду биографии Бахтина, является его краткая автобиография для поступления на работу в институт народного образования, впервые опубликованная нами [8]. В ней он указывает свой первый витебский адрес: улица Суворовская, 63, квартира Бескина. Именно по этому адресу проживал в Витебске Пумпянский, что подтверждают его консерваторские документы. В связи с этим можно говорить, что по приезду в Витебск Бахтин первоначально поселился у Льва Васильевича. Лишь позднее появился новый адрес Михаила Михайловича, ставший основным на все оставшееся время проживания в Витебске: улица Смоленская, 61, квартира доктора Алексеевской.

На заседании Совета Витебского института народного образования от 23 сентября 1920 г. слушался вопрос об избрании Бахтина преподавателем по кафедре истории западноевропейской литературы. В связи с избранием и появился известный документ, на котором нет даты, но имеется штамп входящей корреспонденции Института народного образования с датой: «6 октября 1920 г.».

В ноябре 1920 г. Пумпянский решил окончательно покинуть Витебск, с 15 ноября он оставил должность преподавателя консерватории. Вероятнее всего, по его же рекомендации чтение лекционного курса философии музыки было предложено Бахтину.

В автобиографической заметке приведена наиболее ранняя (известная на сегодняшний день по витебским документам) дата рождения ученого – 1891 г. [см. подробнее: 8]. В то же время в многочисленных анкетах, именных списках преподавателей института и консерватории встречаются даты: 1892 г., 1893 г. Для чего Бахтину это понадобилось? Мы усматриваем в этом его желание уложить все свое «университетское образование» в период, предшествовавший первой мировой войне. Все даты этой автобиографической версии заметно сдвинуты, отнесены к более раннему периоду.

Автобиография Бахтина рождается из основных жизненных вех его брата, трансформируясь во времени. К этому приему Бахтин впоследствии прибегал постоянно, но вот приведенный вариант явно отличается от всех последующих, обнаруживая на себе влияние другой замечательной биографии – Кагана, который был несколько старше других членов невеликого кружка. Ко времени своего возвращения в Невель он был уже сложившимся ученым, за плечами которого была выполненная в университетах Германии диссертация. Рассказы Матвея Исаевича, превратности его научной карьеры, контакты, несомненно, увлекли Бахтина. Убеждает в этом и многое из сказанного самим Михаилом Михайловичем многие годы спустя. Эти заимствования – свидетельство произведенного впечатления. Они стали для Бахтина своеобразной игрой, граничащей с авантюрой.

Как свидетельствуют биографические материалы и некоторые архивные документы, витебский период жизни ученого продлился до лета 1924 г.

Нас интересует круг постоянного общения Бахтина в Витебске, где он продолжил вести активную педагогическую, общественную деятельность и, по сути, начал целенаправленную научную жизнь. Он был публичной фигурой вплоть до февраля 1921 г., когда болезнь приковала его постели. Летом–осенью того же 1921 г. последовало некоторое улучшение

состояния его здоровья. Но с этого времени он нуждался в помощи и опеке, чтобы сохранять надежду на то, что будет выступать публично и участвовать в общественной жизни.

В витебский кружок интеллектуалов входили приехавшие из Невеля Пумпянский и Волошинов, к ним обычно прибавляют Медведева и Соллертинского, с которыми Бахтин сблизился уже на новом месте. О двух последних в их витебский период жизни написано достаточно [см.: 11, 12, 13]. Оба занимали в культурной жизни города рассматриваемого периода значительное место, и это немало связано с их административными должностями. Но круг витебского общения Бахтина не исчерпывается только названными именами, он несколько шире. В нем оказываются те, кого сам Бахтин называет в своих беседах с В.Д. Дувакиным и те, кого он не называет, но кто известен по письмам и архивным документам.

Ю.П. Медведев, сын одного из тех, кто примкнул к Кругу Бахтина в Витебске, оказывал мыслителю действительную помощь и в витебской ситуации, и в более позднее время – в Петрограде, в кустанайской ссылке – и поспособствовал, как известно, его трудоустройству в Саранске, говорит о круге Бахтина как о «мыслительном коллективе»; Бахтин в нем – «лидер творческого содружества единомышленников» [см.: 13].

Эта оценка может восприниматься эмоционально или концептуально в контексте идей Людвика Флека, изложенной в его книге «Возникновение и развитие научного факта: введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива». Основу «мыслительного коллектива» в соответствии с этой концепцией составляет стиль мышления. Индивидуальный член никогда не осознает коллективный стиль, тогда как этот стиль оказывает на него принудительное воздействие. Он становится заложником этого стиля [см.: 16]. В некотором смысле это смыкается с идеей коллективного творчества, которую развивал К.С. Малевич в витебский период жизни. С ним, как известно, Бахтин общался в Витебске. Но здесь следует различать понятия «коллективного творчества» и «творчества в коллективе».

В беседах с В.Д. Дувакиным Бахтин называл наиболее заметные имена людей, игравших важную роль в культурной жизни Витебска послереволюционного времени: дирижера и ректора Витебской народной консерватории Н.А. Малько, балетмейстера В.И. Преснякова, пианиста и педагога Н.А. Дубасова. Это его субъективный взгляд на культурную ситуацию. Из этого вовсе не вытекает, что со всеми ними Михаил Михайлович близко общался. О Малевиче он прямо говорит: «мы с ним были в те годы близки» [1, с. 137]. Очевидно, взаимный интерес косвенно подтверждается фактом включения Малевича и Бахтина в научно-философскую ассоциацию, попытка создания которой в Витебске была предпринята весной-летом 1922 г. В нее должны были входить члены группы УНОВИС и профессора В.А. Рейдемейстер, П.Н. Медведев и М.М. Бахтин.

В той части бесед с Дувакиным, которая имеет отношение к Витебску, Бахтин дает общую характеристику культурной жизни города. Вместе с тем он характеризует круг своего общения. Так, Дувакин спрашивает про Витебск: «Вы не пользовались громкой известностью?». Бахтин отвечает: «Нет, я пользовался в очень узких кругах известностью только. Вокруг меня был круг, который называют сейчас “круг Бахтина”... Вот о нем последнее время часто пишут. Сюда включают, прежде всего, Пумпянского, Медведева Павла Николаевича, Волошинова. Кстати сказать, все они были и в Невеле, кроме, правда, Медведева» [1, с. 143].

Волошинов занимал административную должность заместителя заведующего музыкальным подотделом Витебского губернского отдела народного образования. Направленность его научной деятельности довольно невнятна [см.: 3]. Во всяком случае, она далека от проблем лингвистики и более связана с его музыкальными и культурно-художественными интересами. Однако именно лингвистическая тематика в дальнейшем становится камнем преткновения в решении «проблемы авторства». Заметим, что в Витебске и Волошинов, и Бахтин были в своих интересах весьма далеки от этой тематики. Очевидно, биографии Пумпянского и Волошинова витебского периода требует более пристального изучения и, в частности, в связи с Бахтиным. Положение Волошинова поспособствовало

налаживанию укреплению профессиональных и личных связей Бахтина с музыкантами, педагогами, его участием в работе Пролетарского университета в Витебске, личным контактам с его создателем, одним из руководителей губернского отдела образования и новым персонажем среди «невельцев» – Павлом Николаевичем Медведевым [см. подробнее: 6, с. 11].

Согласно оценке Ю.П. и Д.А. Медведевых, духовная близость П.Н. Медведева с М.М. Бахтиным была «гораздо более глубинной и широкой по спектру, чем это осознано сегодняшней бахтинистикой»; по их мнению, связь Медведева с «невельцами» вытекает из соображений самого Бахтина, которыми он делится с В.Д. Дувакиным [11, с. 77]. Ю.П. и Д.А. Медведевы настаивают, с одной стороны, на идее «суверенности сознаний», принимавших участие в творчестве «Бахтинского Круга», с другой стороны, на «диалогической общности той концепции словесного творчества, которая была коллективно создана в этом кругу и которую сам Бахтин считал “общей”» [11, с. 77]. И здесь суждение о «Круге Бахтина» становится оборотной стороной проблемы авторства, что заставляет авторов отстаивать суверенность сознания участников научного сообщества. А нужно ли настаивать на том, что в Витебске П.Н. Медведев «легко и органично вошел в среду бывших невеньцев и вскоре стал непременным участником тех бесед, которые велись в этом кругу», что «обнаружившаяся общность интересов и занятий ... не могла не привести к сближению Медведева с Бахтиным» [11, с. 77]. Заметим, что в перечислении этих интересов фигурирует, как и в случае с Л.В. Пумпянским, имя Ф.М. Достоевского. Требуется ли отстаивать суверенитет Медведева – ведь он в ряду многих, с кем Бахтин контактировал и в Невеле, и в Витебске? Медведев был старше и опытнее Бахтина и в научно-творческом, и в преподавательском отношении, к тому же Медведев занимал в витебский период его биографии достаточно высокое положение и в губернном отделе образования, и в профессиональном союзе работников искусств. Пользуясь этим положением, он, очевидно, оказывал Бахтину весьма существенную помощь и поддержку, как делал это и позднее, спустя десятилетие в драматической ситуации ссылки.

В числе общих друзей Бахтина и Пумпянского, Бахтина и Медведева витебских времен назван И.И. Соллертинский, который был их студентом в Институте народного образования. Сохранились записи лекций педагогов в его архиве и зафиксированы некоторые события культурной жизни, участниками которых они были. Для Бахтина Соллертинский остался навсегда бывшим учеником, на успехи которого он обратил внимание позднее, уже в Петрограде-Ленинграде.

Имя Альфреда Оскаровича Цшохера отсутствует в беседах Бахтина с Дувакиным, но упоминается в выявленном письме Бахтина на имя директора Витебской консерватории, датированном 1954 г., где он просит подтвердить свой стаж работы в учебном заведении в связи с оформлением документов на пенсию. В письме Бахтин указывает лиц, которые могли бы подтвердить факт его работы в консерватории на случай отсутствия документальных свидетельств: профессоров Дубасова, Ивановского, Штейна, Зимина, Крейсера. В определенной мере Бахтин сам очертил круг его общения по работе в консерватории. Здесь же он сообщает, что, уезжая, передал чтение курсов эстетики Цшохеру [1, с. 301–302]. Цшохер – весьма примечательная фигура, никак не обозначенная в круге Бахтина. Цшохер в своих дневниковых записях, датированных 1941 г., также не сообщает ничего о Бахтине.

Цшохер получил юридическое образование в Петербургском университете, накануне Первой мировой войны продолжал учебу в Германии, учился в Мюнхенской академии музыки. Начало военных действий вынудило его возвратиться в Россию. Война, революция, а затем голод и разруха вынудили большую семью Цшохеров, как и многих представителей столичной интеллигенции искать место для жизни в провинции. Как и Медведев, Цшохер занимал административные должности в послереволюционном Витебске (губернский отдел образования, отдел профсоюза работников искусств), преподавал в учебных заведениях, участвовал в событиях культурной жизни города, был организатором и автором ряда изданий, посвященных проблемам художественной культуры [см.: 9].

Весной 1918 г. в Витебске была инициирована подготовка к открытию Народной консерватории, возглавить ее был приглашен известный петроградский музыкант Н.А.

Малько. На пост уполномоченного музыкального отдела Народного комиссариата по просвещению по Витебской губернии был назначен Цшохер, который до этого работал в Петрограде в аппарате Наркомпроса. Как представитель центральной власти Цшохер играл заметную роль в создании консерватории, ее обеспечении кадрами и материальной базой.

Распоряжением Центрального музыкального отдела Наркомпроса от 10 февраля 1919 г. был учрежден Витебский музыкальный округ в составе Витебской, Смоленской, Могилевской и Минской губерний, управление которым осуществлял музыкальный отдел. В задачи Округа входило удовлетворение нужд подведомственных учреждений, расположенных в губерниях. Заведующим окружным музыкальным отделом был назначен Цшохер, губернский эмиссар МУЗО. С января 1919 г. Цшохер входил в состав коллегии губоно, руководил его музыкальным подотделом, а с мая – музыкальной секцией в составе внешкольного подотдела. Новый круг полномочий давал Цшохеру возможность влиять не только на музыкальную жизнь Витебска, но на изобразительное искусство, театр. Он организовывал митинги-диспуты, лекции-концерты. Несмотря на статус чиновника, Цшохер на публичных мероприятиях и на заседаниях в подотделе искусств (а позднее в профсоюзах) не отказывался высказывать свою личную позицию, которая нередко не совпадала с официальной, его взгляды зачастую были радикально левыми, в отличие, к примеру, от более сдержанных позиций Медведева. Цшохер настаивал на необходимости революционного контроля со стороны государственных органов и профсоюза за проведением мероприятий в разных сферах искусства, особо в театральной деятельности из-за безыдейной частной инициативы.

В январе 1919 г. Витебский губоно заявил вместе с правлением Витебского пролетарского университета, создателем и руководителем которого был Медведев, о необходимости открытия в Витебске государственного института гуманитарных наук и искусств с факультетом внешкольного просвещения. Проект института не удался.

С лета 1920 г. Цшохер активно работал в профсоюзе работников искусств. С этой позиции он подверг критике новое руководство музыкального подотдела и подотдела искусств губоно. Цшохер из музыкального подотдела ушел, хотя преподавательской работой в консерватории продолжал заниматься. Руководителем подотдела был назначен Э.Е. Беллинг, тогда же в его состав был назначен В.Н. Волошинов. Цшохер имел представление о Круге Бахтина, контактировал с его участниками.

В мае 1922 г. Цшохер был уволен с должности заведующего художественным подотделом губпрофобра «по сокращению штатов». Таким образом, он был отстранен от должности в аппарате губоно. Спустя год он был смещен и с должности председателя правления губсорабиса.

Заведуя культурно-просветительной комиссией, а затем культотделом профсоюза, он занимался организацией лекционного бюро. В состав бюро входили В.А. Вейгер-Рейдемейстер, С.О. Грузенберг, П.Н. Медведев, Л.В. Пумпянский, А.Г. Ромм. Цшохер читал лекции по истории музыки, социологии искусства, художественно-эстетической проблематике. Любимой темой его лекций стало творчество Р. Вагнера. В эту работу с осени 1920 г. был втянут и Бахтин. С октября 1921 г. при губернском отделе профсоюза работников искусств была организована литературная студия. В числе профессоров и лекторов студии были М.М. Бахтин, В.Н. Волошинов, П.Н. Медведев, М.Я. Пустынин, А.Г. Ромм и А.О. Цшохер.

Цшохер был инициатором создания журнала «Искусство» под эгидой профсоюза, первый номер которого в труднейших условиях отсутствия средств и «бумажного голода» удалось выпустить в марте 1921 г. Именно в хронике этого издания, уже в № 1, появилось сообщение о том, что «М.М. Бахтин продолжает работать над книгой, посвященной проблемам нравственной философии» [см. подробнее: 9].

Цшохер преподавал историю музыки в реорганизованном из консерватории музыкальном техникуме, который затем стал профессиональной музыкальной школой. Также вплоть до 1931 г., он занимался в Витебске адвокатурой. В отличие от Бахтина, который

вернулся в Петроград-Ленинград в 1924 г., Цшохер уехал из Витебска в 1932 г. Вернувшись в Ленинград, он не искал контактов с бывшими витебскими коллегами, что было в начале 1930-х гг. уже и не безопасно.

Необходимо назвать имя еще одного витебского знакомого Бахтина, Валериана Адольфовича Вейгер-Редемейстера. Он упоминается в переписке Бахтина и Кагана. Так, в ответном письме от 20 февраля 1921 г. Бахтин пишет из Витебска Кагану, который в то время жил в Орле и преподавал в университете, о том, что его письмо получил через Редемейстера [4, с. 66]. В.А. Редемейстер был местным уроженцем, получившим в Петрограде образование и сделавшим себе на революционном переломе известную и очень непрочную карьеру [см.: 7]. Получив университетское образование, он выдвинулся на гребне революционного февраля 1917 г. в аппарате Временного правительства благодаря многолетним дружеским связям с А.Ф. Керенским. Политическая карьера Керенского оказалась недолговечной. Редемейстер, занимавший заметный пост в аппарате правительства, должен был решить для себя дилемму: покинуть родину или затеряться в провинции.

Конец политической карьеры вынудил его искать работу в Петроградском университете, пользуясь своими научными связями. Обстановка в Петроградском университете была накалена – среди профессуры и студенчества господствовали антибольшевистские настроения. В конце августа 1918 г. Валериан Адольфович приехал из Петрограда в Витебск. Однако и в провинции новая власть постепенно начинала брать верх. Рейдемейстерам принадлежал в городе дом и пригородное имение Тересполь. Имение было конфисковано, подверглось «уплотнению» и городской дом.

В поисках работы осенью 1918 г. Валериан Рейдемейстер занялся преподаванием в только что созданном Пролетарском университете, что в определенном смысле сблизило его с Медведевым. Вместе с Грузенбергом и Пумпянским он вошел в состав правления Университета. При университете было создано Общество свободного искусства. Позднее Рейдемейстер читал в университете лекции по истории культуры, русской истории, социологии. На протяжении 1918–1920 гг. он делал попытки поступить на службу в Витебский институт народного образования. До конца трудно объяснить причины осторожного отношения к нему руководства этого учебного заведения, но лишь в августе 1920 г., почти в одно время с Бахтиным, Рейдемейстер был избран по конкурсу на должность профессора по кафедре истории культуры.

Одной из причин контактов Рейдемейстера и Бахтина являлась высокая общественная активность Рейдемейстера: с апреля 1919 г. он стал заведующим секцией лекций и чтений губоно, много ездил по уездам, приглашал для чтения лекций из Невеля и Пумпянского, и Кагана, и Бахтина. Как заведующий подотделом подготовки школьных работников осенью 1919 г. он посещал уезды для организации педагогических курсов (в октябре, соответственно, был в Невеле). Наконец, поездки по уездам связаны были не только с привлечением лекторов для педкурсов, но и в связи с работой в губернской комиссии по охране памятников старины и искусства. Бахтин же, как известно, занимался этой работой в Невеле, хотя и достаточно вяло. Не приходится сомневаться, что Рейдемейстер и Бахтин были знакомы еще до переезда последнего из Невеля в Витебск. Михаил Михайлович к тому времени уже прошел «школу» Кагана и оказался чрезвычайно восприимчив к философским идеям, их переосмыслению, почувствовал в себе силы к научной деятельности. Рейдемейстер, как и Каган, был старше Бахтина и так же, как Каган, имел опыт учебы за границей и самостоятельной научной работы.

Рейдемейстер периодически выезжал в Орел для чтения лекций в местном университете, где преподавал и Каган. Отсюда и упоминание его в письме Бахтина к последнему.

Среди документов Витебского института народного образования сохранилось несколько программ курсов, которые читал Рейдемейстер в этом учебном заведении: истории первобытной культуры, культуры Древнего Востока, русской культуры, культуры Ренессанса. В программе по истории культуры Ренессанса среди основных вопросов курса обозначен и такой, как «Смех и его место в жизни кватроченто и квинченто». Сама формулировка вопроса

как бы предвосхищает бахтинское понятие смеховой культуры. Трудно без текста лекции делать какие-то далеко идущие выводы, но сам факт примечателен. В своей педагогической и научной деятельности Вейгер-Рейдемейстер продемонстрировал подлинно культурологическое понимание исторического материала. Этот факт можно отметить даже исходя из формулировок тем его публичных лекций, которые были прочитаны в последующие годы. Среди тематики этих лекций следует отметить такие, как «Средневековая культура и ее движущие факторы», «Человеческая личность и ее переживания в эпоху Возрождения», «Новейшие теории исторического знания», «Человеческая личность в эпоху французской революции и после нее». В Витебске появились замыслы двух его книг, рукописи которых были подготовлены к изданию в 1921 и 1923 г. («Очерки средневековой культуры в ее отношениях к католицизму» и «Очерки по греческой религии»), и которые, как и книга Бахтина, были анонсированы в витебской периодике, но так и не были изданы.

Рейдемейстер вел большую педагогическую работу в Витебском институте народного образования, педагогическом техникуме, Витебском отделении Московского археологического института, административную и научную работу в губернском отделе народного образования, комиссии по охране памятников старины и искусства, разборочной комиссии при губернском архиве, читал лекции в институте социальной психологии в Москве, в Орловском государственном университете, в Смоленском институте народного образования. Ученый был в числе организаторов и членов ряда общественных организаций, в частности Витебского отделения Всероссийской научно-педагогической ассоциации.

В 1924 г. в связи реорганизациями, последовавшими в связи с переходом Витебска и части губернии в состав Белорусской ССР, понижением статуса административных и учебных заведений, а, главное, пристального интереса репрессивных органов к его политической карьере и членству в бывшей партии эсэров, Рейдемейстер вынужден был покинуть Витебск. Имя его неожиданно исчезло с общественного горизонта. 1924 г. стал финалом его общественной деятельности. Он уехал в Ленинград, где жил тихо, стремясь не привлекать к себе внимания карающих органов. Он жил в Ленинграде и в группу кружковцев там не входил. От репрессий 1930-х гг., широко развернувшихся после убийства С.М. Кирова, это его не спасло.

В условиях революционного переустройства общества на рубеже 1910-х и 1920-х гг., когда Бахтин жил в Невеле и в Витебске, стали существенны новые социальные статусы. Важно то, претендовал ли в то время Бахтин на подобные статусы. Претендовал ли он на лидерство в неформальной группе интеллектуалов? Определенно, что с позиции исторической дистанции, опираясь на его собственные оценки, можно сделать вывод, что претендовал. Эти оценки стали данью тому новому месту, которое ученому отводилось в гуманитарной науке XX в. последователями, приложившими немалые усилия к возвращению его имени и заслуг. Бахтин принимал новые правила игры, включался в нее. В этой связи его собственные свидетельства (а он был, как мы убедились, склонен к мистификациям и мифотворчеству) должны быть подвергнуты объективной оценке. В какой мере его место в группах интеллектуалов было лидирующим в Невеле, в Витебске и Ленинграде. В какой мере это признание это лидерства отражает истинное положение вещей? Академическая биография ученого должна дать всесторонний ответ на этот и другие вопросы.

Очевидно, что проблема Круга Бахтина напрямую связана с проблемой авторства. В некотором смысле это является способом объяснения феномена ранней зрелости гуманитарных научных идей Бахтина.

В какой мере этот круг общения случаен или не случаен? В той же степени, в какой степени круг общения каждого из нас. Он, разумеется, отражает наш интеллектуальный уровень, наши интересы. Влияние в круге общения, безусловно, является взаимным, но характер этого влияния зависит от формальных и неформальных статусов, склонности и способности быть лидером. Претендовал ли Бахтин на лидерство? В какой мере его положение в неформальной группе способствовало его продуктивной научной деятельности? Во всяком случае, с Витебском впервые были связаны известные амбиции ученого стать автором строго

научного труда, но никак не удовлетвориться скромной статьей в газетной периодике. Определенно, эти амбиции формировала та интеллектуальная среда, в которой Бахтин жил, от которой подпитывался научным, литературным, педагогическим опытом.

Нет сомнения, что в губернском Витебске, где в послереволюционные годы жило много видных представителей столичной интеллектуальной элиты, в сравнении с уездным городом Невелем, круг общения мог быть более широк. Но был ли он достаточно широк, чтобы обрести прочный социальный статус в новой системе общественных отношений, учитывая рецидивы болезни, которые стали для ученого серьезной проблемой? Вероятно, нет.

Далее в ленинградском круге Бахтина называют уже известных по Невелю и Витебску В.Н. Волошинова, Л.В. Пумпянского, М.В. Юдину, по Витебску – П.Н. Медведева, И.И. Соллертинского. Появляются здесь и новые персонажи: К.К. Вагинов, Б.В. Залесский, И.И. Канаев, Н.И. Конрад, М.И. Тубянский.

1. Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным / вступит. ст. С.Г. Бочарова и В.В. Радзишевского; закл. ст. В.В. Кожина. М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. 342 с.
2. *Васильев Н.Л.* Михаил Михайлович Бахтин и феномен «Круга Бахтина». СПб.: Ленард, 2021. 408 с.
3. *Волошинов В. Н.* Философия и социология гуманитарных наук. СПб.: Аста-пресс Ltd, 1995. 383 с.
4. *Каган Ю. М.* О старых бумагах из семейного архива (М.М. Бахтин и М.И. Каган) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 60–89.
5. *Коровашко А.В.* Михаил Бахтин. М.: Молодая гвардия, 2017. 452 с.
6. *Лисов А.Г.* П.Н. Медведев в Витебске. Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 2 (31). С. 85–119.
7. *Лисов А.Г., Подлипский А. М.* Историк В.А. Вейгер-Рейдемейстер. Витебск: Витеб. обл. тип., 2004. 32 с.
8. *Лисов А.Г., Трусова Е.Г.* Реплика по поводу автобиографического мифотворчества М.М. Бахтина (Новая находка в фондах Витебского архива) / Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. № 3. С. 161–165
9. *Лисов А.Г., Трусова Е.Г.* Витебский музыкальный комиссар // Хронотоп и окрестности. Юбилейный сборник в честь Николая Панькова / под ред. Б.В. Орехова. Уфа: Вагант, 2011. С. 152–164.
10. *Махлин В.Л.* Невельская школа. Круг Бахтина // М.М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт (РХГИ), 2001. С. 122–135.
11. *Медведев Ю.П., Медведева Д.А.* Творческое наследие П.Н.Медведева в свете диалога с М.М. Бахтиным // Диалог. Карнавал. Хронотоп, 2001. № 2. С. 73–94.
12. *Медведев Ю.П., Медведева Д.А.* Феномен «Круга» // П.Н. Медведев. Собрание сочинений: в 2 т. СПб.: Росток, 2018. Т. 1, 848 с. Т. 2. 928 с.
13. *Медведев Ю.П., Медведева Д.А.* Круг М.М. Бахтина. К обоснованию феномена // Звезда. 2012. № 3. С. 202–215.
14. *Николаев Н.И.* М.М. Бахтин в 1910-е и 1920-е годы: единство пути // Идеи Михаила Бахтина и вызовы XXI столетия: от диалогического воображения к полифоническому мышлению. Материалы XVII междунар. Бахтинской конф. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2021. С. 32–34.
15. *Пумпянский Л.В.* Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000. 847 с.
16. *Флек Л.* Возникновение и развитие научного факта: Введение в теорию стиля мышления и мыслительного коллектива / составл., предисл., перевод с англ., нем., польского яз., общая ред. Поруса В.Н. М.: Идея-Пресс, Дом интеллект. кн., 1999. 220 с.
17. *Brandist C.* The Bakhtin Circle. London: Pluto Press, 2002. 221 p.

Vitebsk Circle of M.M. Bakhtin: A Thinking Collective or an Informal Group of Intellectuals

©2022 A.G. Lisov

Aleksandr G. Lisov, PhD in Art History, Associate Professor,

Educational Institution «Vitebsk Order of the "Badge of Honor"
State Academy of Veterinary Medicine». Vitebsk, Republic of Belarus

Abstract. In the context of the revolutionary reorganization of society at the turn of the 1910s and 1920s, when M.M. Bakhtin lived in Nevel' and in Vitebsk, new social statuses became essential. The important thing is whether at that time Bakhtin claimed such statuses. Did he claim leadership in an informal group of intellectuals? Definitely, from the position of historical distance, based on his own assessments, we can conclude that he claimed. These assessments were a tribute to the new place that the scientist was given in the humanities of the 20th century by followers who made considerable efforts to return his name and merits. Bakhtin accepted the new rules of the game and joined it. In this regard, his own evidence (and, as we have seen, he was prone to hoaxes and myth-making) must be subjected to an objective assessment. To what extent was his place in the groups of intellectuals leading in Nevel', in Vitebsk and Leningrad. To what extent does this recognition of this leadership reflect the true state of affairs? The academic biography of a scientist should give a comprehensive answer to this and other questions. Obviously, the problem of the Bakhtin Circle is directly related to the problem of authorship. In a sense, this is a way of explaining the phenomenon of the early maturity of Bakhtin's scientific ideas. This article is the result of the author's many years of work on the problem of Bakhtin's circle, which began in the 1990s and continues to the present day.

Keywords: M.M. Bakhtin, Vitebsk, Nevel, Bakhtin Circle, thinking collective, V.A. Reydemeyster (Veyger-Reydemeyster), A.O. Tshokcher.

1. Besedy V.D. Duvakina s M.M. Bahtinym / vstupit. st. S.G. Bocharova i V.V. Radzishhevskogo; zakl. st. V.V. Kozhinova. M.: Izdatel'skaya gruppa «Progress», 1996. 342 s.
2. Vasil'ev N.L. Mihail Mihajlovich Bahtin i fenomen «Krug Bahtina». SPb.: Lenard, 2021. 408 s.
3. Voloshinov, V. N. Filosofiya i sociologiya gumanitarnykh nauk. SPb.: Asta-press Ltd, 1995. 383 s.
4. Kagan Yu. M. O starykh bumagah iz semejnogo arhiva (M.M. Bahtin i M.I. Kagan) // Dialog. Karnaval. Hronotop. 1992. № 1. S. 60–89.
5. Korovashko A.V. Mihail Bahtin. M.: Molodaya gvardiya, 2017. 452 s.
6. Lisov A.G. P.N. Medvedev v Vitebske. Dialog. Karnaval. Hronotop. 2000. № 2 (31). S. 85–119.
7. Lisov A.G., Podlipskij A. M. Istorik V.A. Vejger-Rejdemejster. Vitebsk: Viteb. obl. tip., 2004. 32 s.
8. Lisov A.G., Trusova E.G. Replika po povodu avtobiograficheskogo mifotvorchestva M.M. Bahtina (Novaya nahodka v fondah Vitebskogo arhiva) / Dialog. Karnaval. Hronotop. 1996. № 3. S. 161–165
9. Lisov A.G., Trusova E.G. Vitebskij muzykal'nyj komissar // Hronotop i okrestnosti. Yubilejnyj sbornik v chest' Nikolaya Pan'kova / pod red. B.V. Orekhova. Ufa: Vagant, 2011. S. 152–164.
10. Mahlin V.L. Nevel'skaya shkola. Krug Bahtina // M.M. Bahtin: pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo M.M. Bahtina v ocenke russkoj i mirovoj gumanitarnej mysli. SPb.: Russkij Hristianskij gumanitarnyj institut (RHGI), 2001. S. 122–135.
11. Medvedev YU.P., Medvedeva D.A. Tvorcheskoe nasledie P.N. Medvedeva v svete dialoga s M.M. Bahtinym // Dialog. Karnaval. Hronotop, 2001. № 2. S. 73–94.
12. Medvedev YU.P., Medvedeva D.A. Fenomen «Krug» // P.N. Medvedev. Sobranie sochinenij: v 2 t. SPb.: Rostok, 2018. T. 1, 848 s. T. 2. 928 s.
13. Medvedev YU.P., Medvedeva D.A. Krug M.M. Bahtina. K obosnovaniyu fenomena // Zvezda. 2012. № 3. S. 202–215.
14. Nikolaev N.I. M.M. Bahtin v 1910-e i 1920-e gody: edinstvo puti // Idei Mihaila Bahtina i vyzovy XXI stoletiya: ot dialogicheskogo voobrazheniya k polifonicheskomu myshleniyu. Materialy XVII mezhdunar. Bahtinskoj konf. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2021. S. 32–34.
15. Pumpyanskij L.V. Sobranie trudov po istorii russkoj literatury. M.: YAzyki russkoj kul'tury, 2000. 847 s.
16. Flek L. Vozniknovenie i razvitie nauchnogo fakta: Vvedenie v teoriyu stilya myshleniya i myslitel'nogo kollektiva / sostavl., predisl., perevod s angl., nem., pol'skogo yaz., obshchaya red. Porusa V.N. M.: Ideya-Press, Dom intellekt. kn., 1999. 220 s.
17. Brandist C. The Bakhtin Circle. London: Pluto Press, 2002. 221 p.

О переводе «Проблем творчества Достоевского» на португальский язык

© 2022 Ш. Грилло, Е. Волкова Америко

*Грилло Шейла Виейра де Камарго, доктор филологических наук,
профессор кафедры португальского языка
Государственного университета Сан-Пауло
E-mail: sheilagrillo@usp.br*

Государственный университет Сан-Пауло. Сан-Пауло, Бразилия

*Волкова Америко Екатерина, кандидат филологических наук, доцент кафедры современных
иностраных языков Федерального университета Флуминенсе.
E-mail: ekaterinamerico@gmail.com*

Федеральный университет Флуминенсе. Нитерой (штат Рио-де-Жанейро), Бразилия

Аннотация. Цель статьи – рассказать о длительном процессе анализа, обсуждений и перевода, результатом которого стала публикация на португальском языке книги М.М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского». Этот процесс состоял из следующих этапов: сбор в российских библиотеках и архивах данных о произведении, контексте его написания и рецепции; организация в 2019 г. в Университете г. Сан-Пауло (Бразилия) Международного colloquium, посвященного 90-летию первого издания книги и издание двух тематических выпусков журналов со статьями бразильских и российских исследователей; и, наконец, перевод текста, сопровождаемого вводной статьей, послесловием и глоссарием, а также его публикация в бразильском издательстве «34».

Ключевые слова: М.М. Бахтин, «Проблемы творчества Достоевского», мировая рецепция наследия М.М. Бахтина, бахтиноведение в Бразилии, диалог культур.

Проект перевода

Одним из важнейших аспектов мировой рецепции наследия М.М. Бахтина представляется его восприятие за пределами России. Ключевую роль в этом процессе играет перевод бахтинских текстов на другие языки, и к сегодняшнему дню можно говорить о формировании в разных странах Америки, Европы и Азии определенных переводческих традиций. В этом контексте важны не только оценки замысла и качества реализации переводов со стороны профессионального сообщества, но и переводческая саморефлексия, понимание того, что и как должно быть представлено другой культуре и на другом языке.

Процесс работы над переводом «Проблем творчества Достоевского» – первого издания известного труда Бахтина, отредактированного и опубликованного в 1963 г., – начался в 2013 г., когда профессор Университета Сан-Пауло Шейла Грилло во время исследовательской командировки в Москве встретила с С.Г. Бочаровым, которому на тот момент принадлежали права на издание произведений Бахтина, и получила от него разрешение на публикацию в Бразилии перевода первой книги о Достоевском, а также статьи «Вопросы стилистики на уроках русского языка» – единственного текста, в котором Бахтин пишет о своем опыте работы в качестве учителя средней школы.

Основой для перевода «Проблем творчества Достоевского» стало первое издание, фотокопия которого была сделана в Российской государственной библиотеке во время научной стажировки Шейлы Грилло. К тому времени в Бразилии уже была хорошо известна книга «Проблемы поэтики Достоевского» в переводе Пауло Безерры [8].

На наш взгляд, перевод книги «Проблемы творчества Достоевского» необходим по двум причинам: во-первых, для того, чтобы читатели, сопоставив текст 1929 г. с текстом 1963

г., имели представление об эволюции и возможных преобразованиях бахтинской мысли и, во-вторых, чтобы они имели возможность узнать о роли Бахтина в построении социологической поэтики, понимаемой в смысле общей теории высказывания, теории жанров (как литературных, так и нелитературных).

Что касается первого аспекта, необходимо отметить, что существуют три издания, в которых тексты 1929 и 1963 гг. представлены вместе. Таким образом, русскоязычные читатели имеют возможность рассмотреть оба произведения в сравнительном ключе. Речь идет о киевском издании 1994 г. с текстами 1929 и 1963 гг. [3], а также о двух новых переизданиях, вышедших в России в 2017 г. Тексты монографий о Достоевском в издании «Центра гуманитарных инициатив» предваряются кратким обзором тома и предисловием историка русской философии, культуролога и переводчика Н.К. Бонецкой [1]. Издательство «Эксмо» выпустило «Проблемы творчества Достоевского» и «Проблемы поэтики Достоевского» в серии «Библиотека Всемирной литературы» с развернутым послесловием С.Г. Бочарова [2].

Насколько нам известно, помимо нашего перевода на португальский язык существует только одно зарубежное издание первой книги о Достоевском – речь идет о вышедшем в 1997 г. переводе на итальянский язык, выполненном Маргаритой Масиел и Аугусто Понцио, итальянскими специалистами по творчеству Бахтина [9].

Коллоквиум

С 26 по 28 ноября 2019 г. в Университете Сан-Пауло состоялся Международный коллоквиум «90 лет книге “Проблемы творчества Достоевского”» [1929–2019], организованный участниками исследовательской группы «Диалог» (аспирантская программа по филологии и португальскому языку Университета Сан-Пауло), аспирантской программы «ЛЕТРА» (кафедра современных иностранных языков, Университет Сан-Пауло) и аспирантской программы по литературе (Федеральный университет Флуминенсе, Рио-де-Жанейро). В это же время продолжалась работа над переводом книги «Проблемы творчества Достоевского».

Наряду с исследователями из разных университетов Бразилии в коллоквиуме приняли участие специалисты из российских университетов: А.Ф. Кофман (Институт мировой литературы РАН им. А.М. Горького, Москва), Н.Л. Васильев и С.А. Дубровская (Мордовский государственный университет им. Огарёва, Саранск).

Хотя Бахтин анализирует творчество одного из крупнейших русских писателей, в книге он выступает и как лингвист, так как целью предлагаемого им социологического (1929) и металингвистического (1963) методов исследования являются диалогические отношения и двуголосое слово, присутствующие в высказываниях из самых разных сфер человеческой деятельности (научной, политической, религиозной и т. д.)

Для коллоквиума мы предложили обсуждение трудов Бахтина по следующим направлениям:

1. Критическая рецепция «Проблем творчества Достоевского» и «Проблем поэтики Достоевского» в Советском Союзе, России и за рубежом. Работы данного направления сосредоточены на отборе, систематизации и обсуждении критических рецензий, обзоров и ссылок на тексты в библиографии разных стран мира, причем особое внимание уделено Бразилии, Советскому Союзу и России.

2. Анализ переводов «Проблем творчества Достоевского» и «Проблем поэтики Достоевского» на разные языки мира, обсуждение переводческих решений, различных притекстовых элементов (предисловие, глоссарий, примечания и т. п.), применение различных теорий перевода и др.

3. Обсуждение сформулированных в работе понятий: полифония, голос, диалогизм, диалог, диалогические отношения, слово/речь, монологический роман, полифонический роман, пародия, стилизация, открытая и скрытая полемика и др.

4. Восстановление контекста создания «Проблем творчества Достоевского» и «Проблем поэтики Достоевского», в частности на фоне российской/советской и европейской

науки, представленной философами, литературоведами и психологами, произведения которых вступили в диалогические отношения с бахтинской мыслью.

5. Связь «Проблем творчества Достоевского» с другими текстами Бахтина и, в частности, с текстами участников так называемого «круга Бахтина», книги которых вышли в свет почти одновременно в том же советском издательстве «Прибой» (Ленинград) («Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику» П.Н. Медведева (1928) и «Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке» В.Н. Волошинова (1929)).

Журналы «Linha d'Água» и «Бахтинiana»

По материалам Международного colloquium «90 лет книге «Проблемы творчества Достоевского» было подготовлено два тематических номера журналов «Linha d'Água» и «Bakhtiniana». Выступления профессоров, исследователей, аспирантов и студентов из разных университетов мира были представлены в виде статей в специальном выпуске журнала «Linha d'Água», составленном Шейлой Грилло и Анной Лусией Гуедес-Пинто, под редакцией Марии Инес Батисты Кампос [23].

В работе круглых столов вышеупомянутого colloquium приняли участие исследователи из университетов различных регионов Бразилии, а также из России. Материалы участников вошли в состав специального выпуска журнала «Bakhtiniana» за 2021 г. Отобранные статьи сгруппированы вокруг следующих представленных на colloquium направлений:

1. Критическая рецепция «Проблем творчества Достоевского» и «Проблем поэтики Достоевского» в Советском Союзе, России и за рубежом. Данная тематическая группа включает три работы: «"Бахтин был почти мой товарищ...": о специфике последней волны русской рецепции "Проблем творчества Достоевского"» С.А. Дубровской (Мордовский государственный университета им. Н.П. Огарева) [6]; «Бахтин. Воспоминания об ученом» Кристовао Теззы, известного писателя, лауреата нескольких литературных премий, литературоведа [25], «Бахтин и Луначарский: диалог» Жоао Вианья Кавалканти (Федеральный университет г. Бразилиа) [15].

2. Анализ переводов «Проблем творчества Достоевского» и «Проблем поэтики Достоевского» на разные языки мира, обсуждение переводческих решений, различных притекстовых элементов (предисловие, глоссарий, примечания и т. д.), применение различных теорий перевода и т. п. К этому направлению относятся следующие статьи: «"Проблемы поэтики Достоевского" – бразильская рецепция» Бет Брайт (Католический университет Сан-Пауло) [13] и «Концерт голосов: бахтинская концепция полемики» Марии Инес Батисты Кампос (Университет Сан-Пауло) [14].

3. Обсуждение сформулированных в работе понятий: полифония, голос, диалогизм, диалог, диалогические отношения, слово/речь, монологический роман, полифонический роман, пародия, стилизация, открытая и скрытая полемика и др. Данный тематический блок представлен следующими работами: «Следуя путями Бахтина...» А.Ф. Кофмана (Институт мировой литературы РАН им. А.М. Горького) [7]; «Концепция идеологемы в художественном творчестве Достоевского» Ирене Машадо (Университет Сан-Пауло) [20]; «Сравнительный дискурсивный анализ в Бразилии: размышления по поводу понятия категории» Даниелы Ниенкоттер Сарды (FAPESP-Dialogo-USP) [24]; «Диалогические отношения и двуголосое слово в работе редактора диссертаций» Ванессы Фонсеки Барбозы (CAPES-Dialogo-USP) [11]; «(Не)встреча(и) голосов, диалогическое строение полемики в высказываниях на религиозно-политические темы» П.Ф. Франселино (Федеральный университет Параибы) [16].

4. Восстановление контекста создания «Проблем творчества Достоевского» и «Проблем поэтики Достоевского», в частности на фоне российской/советской и европейской науки, представленной философами, литературоведами и психологами, произведения которых вступили в диалогические отношения с бахтинской мыслью.

Данной тематике посвящены следующие статьи: «Читательские заметки по поводу книги М.М. Бахтина “Проблемы творчества/поэтики Достоевского”» Н.Л. Васильева (Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва) [5]; «Религиозный подтекст в “Проблемах творчества Достоевского”: от всечеловечества к полифонии» Е. Волковой Америко (Федеральный университет Флуминенсе) [26]; и «“Проблемы творчества Достоевского” (1929): генезис текста и библиографические источники» Шейлы Грилло (Университет Сан-Пауло) [18].

Перевод

Между началом исследовательской работы над произведением в 2018 г. и публикацией перевода в 2022 г. прошло пять лет. За этот период была изучена часть библиографических источников, на которые ссылается Бахтин. Результатом этой работы стало вступительное эссе Шейлы Грилло «“Проблемы творчества Достоевского”: генезис текста и библиографические источники». С некоторыми изменениями это эссе было ранее представлено на Международном коллоквиуме «90 лет книге “Проблемы творчества Достоевского” (1929–2019)». В формате статьи оно вошло в журнал «Bakhtiniana», в котором были собраны работы участников упомянутого мероприятия. Были также исследованы рецензии на книгу Бахтина, опубликованные в конце 1920-х гг. в Советском Союзе и за его пределами, в результате чего появилось послесловие, также написанное Шейлой Грилло: «“Проблемы творчества Достоевского” в зеркале советской и зарубежной критики». Кроме того, в книгу был включен глоссарий, подготовленный Шейлой Грилло и Екатериной Волковой Америко, в котором отражены ключевые концепции творчества Бахтина.

Наш перевод, не имеющий аналогов в Бразилии, был выполнен на основе издания 1929 г. Во втором издании книги «Проблемы поэтики Достоевского» во введении Бахтин упоминает о существовании первого варианта книги следующим образом: «Для настоящего, второго издания наша книга, вышедшая первоначально в 1929 году под названием “Проблемы творчества Достоевского”, исправлена и значительно дополнена» [4, с. 8].

Крупнейший бразильский переводчик трудов Бахтина и Ф.М. Достоевского Пауло Безерра, переводит слово «творчество» на португальский как «obra» (то есть произведение, результат творчества). Однако в работе «Mikhail Bakhtin. Creation of a Prosaics» северо-американские исследователи Гэри Сол Морсон и Кэрил Эмерсон переводят название книги 1929 г. на английский следующим образом: *Problems of Dostoevsky's Creative Art [or Creativity]* [22, с. 231], предлагая тем самым другую возможность понимания и перевода заглавия.

Действительно, слово «творчество» – существительное, образованное от глагола «творить» – может означать как совокупность произведений автора, так и процесс, творческую деятельность. В ходе вышеупомянутого по этому поводу высказалось несколько ученых, в частности, профессор русской литературы и культуры Университета Сан-Пауло Е.Н. Васина, предложившая перевести «творчество» как «criação» (процесс творения) – вариант, делающий акцент на творческом процессе, а не на совокупности авторских текстов.

Таким образом, учитывая, что книга уже известна в Бразилии и за рубежом преимущественно как «Problemas da obra de Dostoiévski» (причем это вполне приемлемый перевод русского слова «творчество»), мы решили сохранить слово «obra» (совокупность произведений) в названии книги на португальском языке. Тем не менее, в самом тексте перевода мы оставили слово «criação» в тех случаях, когда посчитали, что речь идет, прежде всего, о творческом процессе; что же касается тех отрывков, в которых слово «творчество» больше относится к совокупности сочинений Достоевского, мы выбрали слово «obra». Наконец, периодически появляется термин «произведение» (существительное от глагола «производить», несущее идею результата работы), которое мы всегда переводим как «obra» (работа, произведение).

Говоря о процессе перевода и создания глоссария (помимо, конечно, уже сложившихся понятий полифонии, диалогических отношений, двуголосого слова и т. п.), специально нужно остановиться на двух понятиях.

Во-первых, речь идет о понятии «незавершенность» («незавершимость»). Это существительное, образованное от русского глагола «завершать», можно перевести на португальский как «acabar», «terminar», «concluir» («заканчивать», «завершать», «заключать»). Русское несовершенное причастие «завершающий» указывает на то, что внешние портреты персонажей Достоевского, рассказчика и даже автора, не ставят перед собой задачу завершения образов. В мире Достоевского нет завершенности, что проявляется на разных уровнях его творчества: в переносе завершающего определения автора на незавершенное самосознание героев; в отсутствии заключительного слова героев о себе; в отсутствии заключающих выводов о героях; в слиянии слова героя о себе самом с его идеологическим словом о мире, что значительно усиливает непосредственную интенциональность самовысказывания, увеличивая его внутреннее сопротивление любому внешнему завершению; в незамкнутости и незавершенности самого автора; в создании незавершенного и незамкнутого образа человека в мире; в незавершенности сюжета; в том, что у рассказчика отсутствует необходимая перспектива для художественно-завершающего охвата образа героя и его поступков; в незавершенности и бесконечности внешних и внутренних диалогов; в том стиле, в котором герой говорит о себе и который также чужд завершению. По Бахтину, Достоевский использует самосознание и самовыражение героев в качестве принципов художественного построения, придавая им незавершенный характер. Этическая незавершенность, свойственная человеку в жизни, у Достоевского переходит в принцип незавершимости или художественно-формальной незавершенности характеров. В монологическом же художественном мире, когда идея вложена в уста героя, она выражает цельное и завершающее представление о действительности.

Во-вторых, речь идет о понятии «интенциональный», которое берет свое начало в средневековой схоластике и которое было возрождено в гуссерлевской феноменологии для обозначения того факта, что человеческое сознание стремится к объекту вместо того, чтобы разрешаться в себе самом. При этом феноменология хотела избежать психологического подхода к сознанию, полагая, что оно объективно в своей конститутивной тенденции обращаться к объектам мира вовне. В развернутом комментарии, данном во втором томе собрания сочинений Бахтина, С.Г. Бочаров показывает, как в «Проблемах поэтики Достоевского» этот термин подвергся систематической замене другими его эквивалентами, такими как «ориентированный», «ориентация», «одноголосый», «значение». С.Г. Бочаров составил семистраничный список употребления данного термина, доказывающий его постоянное присутствие в первом издании книги о Достоевском. Прилагательное «интенциональный», существительные «интенция» и «интенциональность» встречаются в «Проблемах творчества Достоевского» в различных выражениях, а именно: «прямая полновесная интенциональность слова героя», «полноценно-интенциональная смысловая позиция», «непосредственная интенциональность», «непосредственно интенциональное слово», «непосредственное/прямое интенциональное слово», «преломление авторских интенций в слове рассказчика», «прямое интенциональное слово», «авторские интенции» и др.

В «Проблемах поэтики Достоевского» термин «интенциональный» был заменен на следующие эквиваленты: «авторский замысел», «авторские устремления», «смысловая направленность», «голос», «устремление», «чужие устремления», «оценка», «понимание и оценка», «осмысление», «чуждое осмысление», «замысел», «мысль», «полнозначное слово», «интонация», «авторское понимание». Интенция как бы связана с активностью субъекта и, главным образом, автора в построении своего произведения, своего слова, своей речи и своего дискурсивно-смыслового замысла по отношению к чужому слову.

В заключение добавим, что наш перевод вышел в июле 2022 г. в известном бразильском издательстве «34» (Сан-Пауло), располагающем обширным каталогом переводов русскоязычных художественных и критико-публицистических произведений.

1. Бахтин М.М. Избранное. В 2-х тт. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. Т. 1. 544 с.; Т. 2. 512 с.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Эксмо, 2017. 637 с.
3. Бахтин М.М. Проблемы творчества/поэтики Достоевского. Киев: Next, 1994. 510 с.
4. Бахтин М.М. Собрание сочинений [в 6 (7) т.]. Т. 6. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. 799 с.
5. Васильев Н. Читательские заметки по поводу книги М.М. Бахтина «Проблемы творчества/поэтики Достоевского» // *Bakhtiniana*. 2021. Т. 16, № 2. С. 240–262. URL: <https://revistas.pucsp.br/index.php/bakhtiniana/article/view/48178> (дата обращения: 12.11.2022). DOI: <http://dx.doi.org/10.1590/2176-457348178>
6. Дубровская С. «Бахтин почти мой товарищ...»: о специфике последней волны русской рецепции «Проблем творчества Достоевского» // *Bakhtiniana*. 2021. Т. 16, № 2. С. 14–34. URL: <https://revistas.pucsp.br/index.php/bakhtiniana/article/view/48275> (дата обращения: 12.11.2022). DOI: <http://dx.doi.org/10.1590/2176-457348275>
7. Кофман А. Следуя путями Бахтина... // *Bakhtiniana*. 2021. Т. 16, № 2. С. 124–141. URL: <https://revistas.pucsp.br/index.php/bakhtiniana/article/view/48000> (дата обращения: 12.11.2022). DOI: <http://dx.doi.org/10.1590/2176-457348000>
8. Bakhtin M. Problemas da poética de Dostoiévski / trad. Paulo Bezerra. Rio de Janeiro: Forense Universitária, 1981.
9. Bachtin M.M. Problemi dell'opera di Dostoevskij / trad. M. de Michiel e A. Ponzio. Bari: Edizioni dal Sud, 1997 [1929].
10. Bakhtin M.M. Problemas da obra de Dostoiévski (1929) / trad., glossário, notas S. Grillo e E.V. Américo. São Paulo: Editora 34, 2022.
11. Bakhtin M.M. Questões de estilística no ensino da língua / trad. S. Grillo e E.V. Américo. São Paulo: Editora 34, 2013.
12. Barbosa V.F. Relações dialógicas e discurso bivocal na atividade de trabalho do revisor em teses acadêmicas: tensões e(m) sentidos. *Bakhtiniana*. 2021. Vol. 16, No. 2. P. 178–199. Available at: <https://revistas.pucsp.br/index.php/bakhtiniana/article/view/48085> (дата обращения: 12.11.2022). DOI: <http://dx.doi.org/10.1590/2176-457348085>
13. Brait B. Problemas da poética de Dostoiévski: a recepção brasileira // *Bakhtiniana*. 2021. Vol. 16, No. 2. P. 70–89. Available at: <https://revistas.pucsp.br/index.php/bakhtiniana/article/view/48770> (дата обращения: 12.11.2022). DOI: <http://dx.doi.org/10.1590/2176-457348770>
14. Campos M.I. B. A concepção de polêmica velada em duas edições da obra de Bakhtin sobre Dostoiévski // *Bakhtiniana*. 2021. Vol. 16, No. 2. P. 90–108. Available at: <https://revistas.pucsp.br/index.php/bakhtiniana/article/view/48617> (дата обращения: 12.11.2022). DOI: <http://dx.doi.org/10.1590/2176-457348770>
15. Cavalcanti J.V. Bakhtin e Lunatcharski: um diálogo // *Bakhtiniana*. 2021. Vol. 16, No. 2. P. 53–69. Available at: <https://revistas.pucsp.br/index.php/bakhtiniana/article/view/47929> (дата обращения: 12.11.2022). DOI: <http://dx.doi.org/10.1590/2176-457347929>
16. Francelino P.F. No(s) (des/re)encontro(s) das vozes, a construção dialógica da polêmica em enunciados de temática político-religiosa // *Bakhtiniana*. 2021. Vol. 16, No. 2. P. 200–220. Available at: <https://revistas.pucsp.br/index.php/bakhtiniana/article/view/48687> (дата обращения: 12.11.2022). DOI: <http://dx.doi.org/10.1590/2176-457348687>
17. Grillo S.V.C. Do livro à tese de Bakhtin sobre Rabelais (1930–1952): projeto, contexto, desfecho // *Alfa: revista de linguística (unesp. Online)*. 2022. V. 66, No. 1. P. 1–29. Available at: <https://periodicos.fclar.unesp.br/alfa/article/view/15167> (дата обращения: 12.11.2022). DOI: <https://doi.org/10.1590/1981-5794-e15167>
18. Grillo S.V.C. Problemas da criação de Dostoiévski (1929): gênese do texto e fontes bibliográficas // *Bakhtiniana*. 2021. Vol. 16, No. 2. P. 266–297. Available at: <https://revistas.pucsp.br/index.php/bakhtiniana/article/view/48296> (дата обращения: 12.11.2022). DOI: <http://dx.doi.org/10.1590/2176-457348296>

19. Grillo S.V.C., Volkova Américo E. Bakhtin, Vinogradov e a estilística. Grillo S.V.C.; Volkova Américo E. (org.) // Questões de estilística no ensino da língua. 2013. São Paulo: Editora 34. P. 93–116.
20. Machado I. O conceito de ideograma na criação artística da obra de Dostoiévski // Bakhtiniana. 2021. Vol. 16. No. 2. P. 129–152. Available at: <https://revistas.pucsp.br/index.php/bakhtiniana/article/view/48601> (data обращения: 12.11.2022). DOI: <http://dx.doi.org/10.1590/2176-457348601>
21. Medviédev P. O método formal nos estudos literários. Introdução crítica a uma poética sociológica / trad. E. Vólkova Américo e S.C. Grillo. São Paulo: Contexto, 2012.
22. Morson G.S., Emerson C. Mikhail Bakhtin: creation of a prosaics. Palo Alto: Stanford University Press, 1990.
23. Autor e o ser humano por trás de «Problemas da criação de Dostoiévski» (1929) / Editoras convidadas: Sheila Vieira de Camargo Grillo (USP), Ana Lúcia Guedes-Pinto (UNICAMP); editora responsável: Maria Inês Batista Campos (USP) // Linha d'Água. 2020. V. 33. No. 3. 276 p.
24. Sardá D. N. A análise de discursos comparativa no Brasil: uma reflexão a partir da noção de categoria // Bakhtiniana. 2021. Vol. 16. No. 2. P. 153–177. Available at: <https://revistas.pucsp.br/index.php/bakhtiniana/article/view/47892> (data обращения: 12.11.2022). DOI: <http://dx.doi.org/10.1590/2176-457347892>
25. Tezza C. Bakhtin – uma memória pessoal // Bakhtiniana. 2021. Vol. 16. No. 2. P. 36–52. Available at: <https://revistas.pucsp.br/index.php/bakhtiniana/article/view/48231> (data обращения: 12.11.2022). DOI: <http://dx.doi.org/10.1590/2176-457348231>
26. Vólkova Américo E. O subtexto religioso em Problemas da criação de Dostoiévski: da união de toda a humanidade à polifonia // Bakhtiniana. 2021. Vol. 16. No. 2. P. 248–265. Available at: <https://revistas.pucsp.br/index.php/bakhtiniana/article/view/48712> (data обращения: 12.11.2022). DOI: <http://dx.doi.org/10.1590/2176-457348712>
27. Volóchinov V. (Círculo de Bakhtin). Marxismo e filosofia da linguagem. Problemas fundamentais do método sociológico na ciência da linguagem / trad., notas e glossário. S. Grillo e E. Vólkova Américo. São Paulo: Editora 34, 2017.

About the translation of “Problems of Dostoevsky’s Work” in Portuguese

© 2022 S. Grillo, E. Volkova Américo

Grillo Sheila Vieira de Camargo, DSc in Philology, professor at the Department of Portuguese Language, Faculty of Philology, State University of São Paulo.

E-mail: sheilagrillo@usp.br

State University of São Paulo, São Paulo, Brazil.

Volkova Américo Ekaterina, PhD in Philology, associate professor of the Department of modern foreign languages, Federal University Fluminense São Domingos.

E-mail: ekaterinamerico@gmail.com

Fluminense Federal University. Niteroi (State of Rio de Janeiro), Brazil

Annotation. The aim of this article is to relate the long process of research, discussion and translation that resulted in the publication in Portuguese of Mikhail Bakhtin’s text «Проблемы творчества Достоевского». This process consisted of the following steps: researches in Russian libraries and archives about the book and its production and reception contexts; organization of a International Congress in 2019 in the University of São Paulo, to celebrate the 90s years of the publication of the book; the publication of two journals thematic numbers with Brazilian and Russian specialists; and the own publication of the translation of the book with an introductory article, a postscript and a glossary by Brazilian publishing company “34”.

Keywords: «Problems of Dostoiévski's work»; translation; M.M. Bakhtin.

1. Bakhtin M.M. Izbrannoe v dvukh tomakh [Selected works in two volumes]. Moscow, Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2017. Vol. 1. 544 p.; Vol. 2. 512 p. (In Russ.)
2. Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Poetics]. Moscow: Eksmo Publ., 2017. 637p. (In Russ.)
3. Bakhtin M.M. Problemy tvorchestva/poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Creation /Poetics]. Kiev: Next Publ., 1994. 510 p. (In Russ.)
4. Bakhtin M.M. Sobranie sochinenii [v 6 (7) t.] [Collected Works : in 6 (7) vols]. Vol. 6. Moscow: Russkie Slovary Publ., Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2002. 799 p. (In Russ.)
5. Vasil'ev N. Chitatel'skie zametki po povodu knigi M. M. Bakhtina «Problemy tvorchestva /poetiki Dostoevskogo» [Readers' Notes on the Book by M.M. Bakhtin Problems of Dostoevsky's Creation/Poetics]. *Bakhtiniana*, vol. 16, no. 2, 2021, pp. 240-262. (In Russ.) URL: <https://revistas.pucsp.br/index.php/bakhtiniana/article/view/48178> (Date of access: 12.11.22) DOI: <http://dx.doi.org/10.1590/2176-457348178>
6. Dubrovskaya S. «Bakhtin pochtii moi tovarishch...»: o spetsifike poslednei volny russkoi retseptsii «Problem tvorchestva Dostoevskogo» [Bakhtin and I Had Almost Been Colleagues...]: On the Specificity of the Last Wave of the First Russian Reception of Problems of Dostoevsky's Art] *Bakhtiniana*, vol. 16, no. 2, 2021, pp.14-34. (In Russ.) URL: <https://revistas.pucsp.br/index.php/bakhtiniana/article/view/48275> (Date of access: 12.11.22) D.O.I. <http://dx.doi.org/10.1590/2176-457348275>
7. Kofman A. Sleduya putyami Bakhtina...[Following the Paths of Bakhtin...]. *Bakhtiniana*, vol. 16, no. 2, 2021, pp. 124-141. (In Russ.) URL: <https://revistas.pucsp.br/index.php/bakhtiniana/article/view/48000> (Date of access: 12.11.22) D.O.I. <http://dx.doi.org/10.1590/2176-457348000>
8. Bakhtin M. Problemas da poética de Dostoiévski. Tradução Paulo Bezerra. Rio de Janeiro: Forence Universitária, 1981 (In Portuguese)
9. Bachtin M.M. Problemi dell'opera di Dostoevskij. Trad. M. de Michiel e A. Ponzio. Bari: Edizioni dal Sud, 1997[1929]. (In Italian)
10. Bakhtin M.M. Problemas da obra de Dostoiévski (1929) (TRADUÇÃO, GLOSSÁRIO, NOTAS S. GRILLO e E. V. AMÉRICO). São Paulo: Editora 34, 2022. (In Portuguese)
11. Bakhtin M.M. Questões de estilística no ensino da língua. Trad. S. Grillo e E. V. Américo. São Paulo: Editora 34, 2013. (In Portuguese)
12. Barbosa V.F. Relações dialógicas e discurso bivocal na atividade de trabalho do revisor em teses acadêmicas: tensões e(m) sentidos. *Bakhtiniana*, vol. 16, no. 2, 2021, pp. 178-199. Available at: <https://revistas.pucsp.br/index.php/bakhtiniana/article/view/48085> (Date of access: 12.11.22) D.O.I. <http://dx.doi.org/10.1590/2176-457348085> (In Portuguese)
13. Brait B. Problemas da poética de Dostoiévski: a recepção brasileira. *Bakhtiniana*, vol. 16, no. 2, 2021, pp. 70–89. Available at: <https://revistas.pucsp.br/index.php/bakhtiniana/article/view/48770> (Date of access: 12.11.22) D.O.I. <http://dx.doi.org/10.1590/2176-457348770> (In Portuguese)
14. Campos M.I. B. A concepção de polêmica velada em duas edições da obra de Bakhtin sobre Dostoiévski. *Bakhtiniana*, vol. 16, no. 2, 2021, pp. 90-108. Available at: <https://revistas.pucsp.br/index.php/bakhtiniana/article/view/48617> (Date of access: 12.11.22) DOI: <http://dx.doi.org/10.1590/2176-457348770> (In Portuguese)
15. Cavalcanti J.V. Bakhtin e Lunatcharski: um diálogo. *Bakhtiniana*, vol. 16, no. 2, 2021, pp. 53-69. Available at: <https://revistas.pucsp.br/index.php/bakhtiniana/article/view/47929> (Date of access: 12.11.22) DOI: <http://dx.doi.org/10.1590/2176-457347929> (In Portuguese)
16. Francelino P.F. [No\(s\) \(des/re\)encontro\(s\) das vozes, a construção dialógica da polêmica em enunciados de temática político-religiosa](#). *Bakhtiniana*, vol. 16, no. 2, 2021, pp. 200-220. Available at: <https://revistas.pucsp.br/index.php/bakhtiniana/article/view/48687> (Date of access: 12.11.22) D.O.I. <http://dx.doi.org/10.1590/2176-457348687> (In Portuguese)

17. Grillo S.V.C. Do livro à tese de Bakhtin sobre Rabelais (1930–1952): projeto, contexto, desfecho. *Alfa: revista de linguística (unesp. Online)*, v. 66, no. 1, 2022, pp. 1–29. Available at: <https://periodicos.fclar.unesp.br/alfa/article/view/15167> (Date of access: 12.11.22) DOI. <https://org/10.1590/1981-5794-e15167> (In Portuguese)
18. Grillo S.V.C. Problemas da criação de Dostoiévski (1929): gênese do texto e fontes bibliográficas. *Bakhtiniana*, vol. 16, no. 2, 2021, pp. 266–297. Available at: <https://revistas.pucsp.br/index.php/bakhtiniana/article/view/48296> (Date of access: 12.11.2022) D.O.I. <http://dx.doi.org/10.1590/2176-457348296> (In Portuguese)
19. Grillo S.V.C., Volkova Américo E. Bakhtin, Vinogradov e a estilística. Grillo S.V.C.; Volkova Américo E. (org.). *Questões de estilística no ensino da língua*. São Paulo: Editora 34, 2013. p. 93–116. (In Portuguese)
20. Machado I. O conceito de ideograma na criação artística da obra de Dostoiévski. *Bakhtiniana*, vol. 16, no. 2, 2021, pp. 129–152. Available at: <https://revistas.pucsp.br/index.php/bakhtiniana/article/view/48601> (Date of access: 12.11.2022) DOI. <http://dx.doi.org/10.1590/2176-457348601> (In Portuguese)
21. Medviédov, P. O método formal nos estudos literários. Introdução crítica a uma poética sociológica / Trad. E. Vólkova Américo e S. C. Grillo. São Paulo: Contexto, 2012. (In Portuguese)
22. Morson G.S., Emerson C. Mikhail Bakhtin: creation of a prosaics. Palo Alto: Stanford University Press, 1990. (In English)
23. Autor e o ser humano por trás de «Problemas da criação de Dostoiévski» (1929) / Editoras convidadas: Sheila Vieira de Camargo Grillo (USP), Ana Lúcia Guedes-Pinto (UNICAMP); Editora responsável: Maria Inês Batista Campos (USP) // *Linha d'Água*. V. 33 n. 3 (2020). 276 p. (In Portuguese)
24. Sardá D.N. A análise de discursos comparativa no Brasil: uma reflexão a partir da noção de categoria. *Bakhtiniana*, vol. 16, no. 2, 2021, pp. 153–177. Available at: <https://revistas.pucsp.br/index.php/bakhtiniana/article/view/47892> (Date of access: 12.11.22) DOI. <http://dx.doi.org/10.1590/2176-457347892> (In Portuguese)
25. Tezza C. Bakhtin – uma memória pessoal. *Bakhtiniana*, vol. 16, no. 2, 2021, pp. 36–52. Available at: <https://revistas.pucsp.br/index.php/bakhtiniana/article/view/48231> (Date of access: 12.11.22) DOI. <http://dx.doi.org/10.1590/2176-457348231> (In Portuguese)
26. Vólkova Américo E. O subtexto religioso em Problemas da criação de Dostoiévski: da união de toda a humanidade à polifonia. *Bakhtiniana*, vol. 16, no. 2, 2021, pp. 248–265. Available at: <https://revistas.pucsp.br/index.php/bakhtiniana/article/view/48712> (Date of access: 12.11.2022) DOI. <http://dx.doi.org/10.1590/2176-457348712> (In Portuguese)
27. Volóchinov V. (Círculo de Bakhtin). Marxismo e filosofia da linguagem. Problemas fundamentais do método sociológico na ciência da linguagem. Trad., notas e glossário. S. Grillo e E. Vólkova Américo. São Paulo: Editora 34, 2017. (In Portuguese)

М.М. Бахтин и семья саранского профессора И.Д. Воронина

©2022 Н.И. Воронина

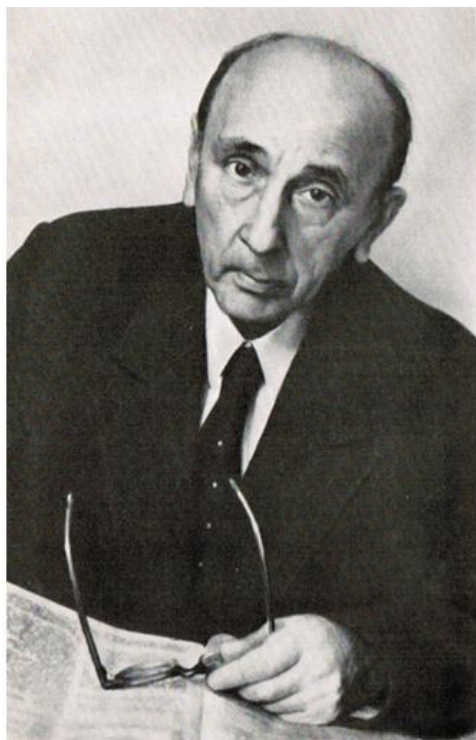
Воронина Наталья Ивановна, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов, директор Центра М.М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.

E-mail: kafkmgu@mail.ru

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева.
Саранск, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты отношений М.М. Бахтина с профессором Мордовского государственного университета И.Д. Ворониным: научные диалоги, совместная научная и организационная работа на кафедре русской и зарубежной литературы, общение Бахтина с членами семьи Ворониных. Автор рассказывает о роли Бахтина в своей жизни и о своих встречах с М.В. Юдиной.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, И.Д. Воронин, М.В. Юдина, Саранск, история Мордовского университета, история Мордовии.

М.М. Бахтин

И.Д. Воронин

Саранский профессор Иван Дмитриевич Воронин (1905–1983) – известный литературовед и краевед – дружил с Михаилом Михайловичем Бахтиным и был частым гостем в его доме. Их связывали самые разные интересы и общие дела – от профессиональных (научных и организационных) до бытовых. Несмотря на то, что Воронин жил в XX в., и сегодня, в XXI в., можно сказать, что он – наш современник, его труды он по-прежнему важны для развития науки Мордовии, влияют на ее интеллектуальную и культурную жизнь.

У профессора Воронина сложилась репутация глубокого исследователя, знатока истории и литературы, прекрасного преподавателя, очень обаятельного человека. Как говорил мордовский писатель Никул Эркай, «хорошая кровь в нем текла». В своих работах Воронин

сумел не только сделать доступным обнаруженный им новый фактологический материал, но и создать запоминающийся, многоцветный образ дорогого ему мордовского края и родного Саранска, поведать о важнейших событиях, которые ему довелось пережить. Он был заядлым путешественником, заражая своей любовью к странствиям коллег, друзей, детей и внуков, любил пожить в палатке и поколесить по дорогам родного края, беседуя с разными людьми, к которым он испытывал неизменный искренний интерес, и которые доверяли ему.

Воронин и Саранск неразделимы. Иван Дмитриевич был знатоком истории Саранска и основоположником целых направлений в исследовании культуры родного края. Благодаря ему стали известны имена первых поселенцев Саранска (полковые казаки, пешие стрельцы, пушкари), купцов, которые возводили в городе примечательные здания (Кубанцевы, Желтухины), разводили коней-тяжеловозов (Мышкины). Он собрал по крупицам планы города за многие столетия, фотографии экстерьеров и интерьеров городских храмов, нашел старинный герб Саранска и многое другое. Возглавив Мордовское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, Воронин сражался за сохранение каждого объекта старины, доказывая, как важно оставить его для следующих поколений. Одним из бережно хранимых им документов был реестр этих объектов.

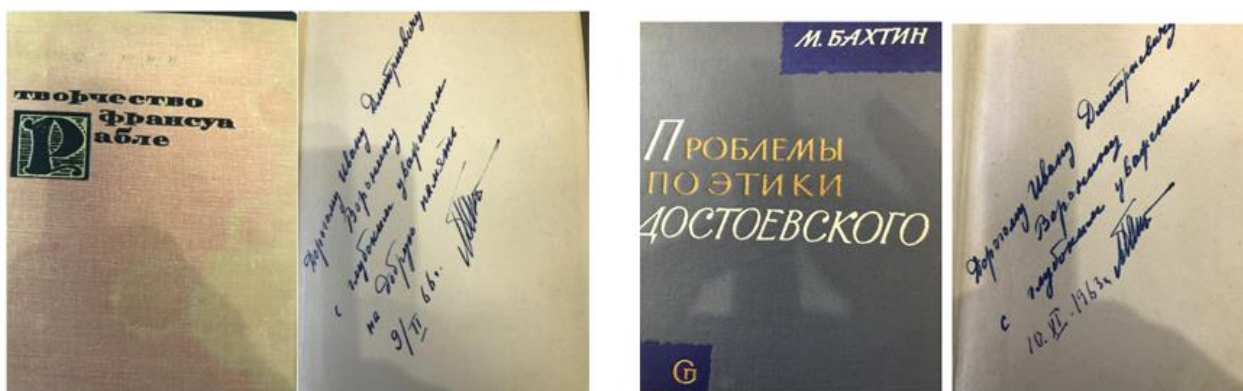
Книги И.Д. Воронина

Иван Дмитриевич создал первую документальную историю нашего города с 1641 г. Первым из саранских жителей он создал генеалогическое древо своего рода – рода Ворониных с XVII в., показав тем самым пример будущим поколениям исследователей.

Книги с инскриптами И.Д. Воронина, подаренные им М.М. Бахтину

Со времени выхода в свет трудов Воронина о Саранске, о достопримечательностях Мордовии, о Саранской живописной школе и семье художников Макаровых (всего 14 книг и более 300 статей) прошло больше 60 лет, но и по сей день они нужны людям. Неслучайно благодарный Саранск сделал его своим первым Почетным гражданином. В кругах ученых Иван Дмитриевич получил (неофициально, но вполне заслуженно) такие звания, как «летописец мордовского края» и «отец мордовского краеведения». Вполне понятно, почему именно он долгие годы был Председателем Мордовского отделения ВООПИК, 10 лет возглавлял Союз писателей Мордовии и являлся Председателем регионального Комитета защиты мира. Сегодня его имя носит Мордовский республиканский объединенный краеведческий музей.

Книги с инскриптами М.М. Бахтина, подаренные им И.Д. Воронину

13–14 октября 2022 г. прошли VI Воронинские научные чтения «Саранск исторический и современный», посвященные памяти Ивана Дмитриевича Воронина. Была сформулирована новая парадигма в раскрытии его личности, в оценке его научного и литературного труда, краеведческих практик, общественной деятельности, педагогического опыта, творческого дара. На конференции был задан новый импульс научного изучения нашего края, способствующий не только открытию новых страниц в истории Саранска, но и появлению имен молодых исследователей, которые продолжают изучение Саранска, продолжают дело Воронина.

Какие общие интересы связывали Бахтина и Воронина? Во-первых, это были интересы чисто профессиональные: они много беседовали о прочитанных книгах, о собственных исследованиях. В.О. Ключевский, говоря о судьбе писателя и ученого, отмечал, что в ней главные биографические факты – книги, а важнейшие события – мысли [4, с. 723]. Для Бахтина и Воронина книги и мысли – это их жизнь. Иван Дмитриевич делился своими новыми краеведческими открытиями, новыми концепциями, которые вызывали интерес у Бахтина, он их комментировал. Так, сохранился текст обсуждения одной из книг Воронина о Саранске на кафедре русской и зарубежной литературы: Михаил Михайлович дал ценные советы по структурированию этой работы [см.: 1]. Ученые-коллеги обменивались и уже изданными книгами, большинство из которых сохранилось в их личных библиотеках. Книги, которые Воронин подарил Бахтину, описаны в монографии-альбоме «Собрание инскриптов на изданиях из личной библиотеки М.М. Бахтина», опубликованной в 2020 г. [см.: 5].

Во-вторых, Бахтин передал Воронину заведование кафедрой. В семье Воронина сохранилось воспоминание, как к нему домой приходили два «посла» от Бахтина – профессора М.В. Дорожкин и Н.И. Черепкин – с просьбой согласиться принять кафедру. Иван Дмитриевич согласился, но до 1969 г. (пока Бахтин был в Саранске) он советовался с ним по разным вопросам, то есть, став его преемником в университете, он считал своим долгом продолжать заложенные им традиции. Я помню, как обсуждались темы диссертаций аспирантов кафедры: Ю.Ф. Басихина, А.В. Дialeктовой, А.В. Сыркиной, позже – Г.Д. Апаринной, Г.С. Комаровой, В.И. Костина, К.И. Лецко, А.Н. Посадского, О.М. Савина, Е.Л. Ховрина и др. Почти все они стали кандидатами (а некоторые из них впоследствии и докторами) филологических наук.

В 1974 г., когда Бахтин уже жил в Москве, Воронин навестил его. В их разговоре снова поднималась тема работы с диссертантами. Михаил Михайлович помнил почти каждого из них и темы, над которыми они работали, высказывал свое мнение по поводу возникающих у них проблем [см.: 2].

В-третьих, это теплые человеческие взаимоотношения Бахтина с членами семьи Воронина. Бахтин знал (очно или заочно) всю нашу семью. Моя мама Зоя Петровна Воронина – жена Ивана Дмитриевича – часто баловала Михаила Михайловича и Елену Александровну Бахтиных своими домашними пирогами и пельменями, постоянно отправляла им яблоки из своего сада. Бахтины говорили, что у моего старшего брата Геннадия – «золотые руки», они

нередко просили его поменять у них в доме лампочки, починить электропроводку, что-нибудь заклеить или запаять. Помню, что Геннадий однажды подшивал им валенки (Елена Александровна и Михаил Михайлович дома ходили в валенках).

Благодаря Бахтину я познакомилась с Марией Вениаминовной Юдиной, и память от встреч с выдающейся пианисткой осталась у меня на всю жизнь. Поводом послужила моя подготовка к поступлению в консерваторию. Бахтины сразу решили, что я должна поехать в Москву к Марии Вениаминовне для прослушивания и, если потребуется, позаниматься с преподавателем Института им. Гнесиных, в котором она работала. Мария Вениаминовна принимала самое активное участие в моих занятиях и, главное, нашла время для подробнейшего отчета об этом в письме Бахтиным, добавив: «Можете все рассказать ее родителям». Так и родилась «легенда о Наташе», благодаря которой возобновилась переписка Юдиной с Бахтиными, за что я получила благодарность [3, с. 63–67]. Из письма я узнала о себе много интересного: по поводу своих музыкальных способностей, по поводу рук, «пригодных для пианиста», о своей манере поведения и общения и даже о манере одеваться.

М.В. Юдина – М.М. и Е.А. Бахтиным (из Москвы в Саранск)
28.1.60

Дорогие Михаил Михайлович и Елена Александровна! (Лёночка!..)
Вот – снова – спасибо «третьему лицу», что Вы появились на горизонте...

Итак, все же сперва о Наташе Ворониной: она произвела на меня самое симпатичное впечатление всем своим обликом, разумной речью, воспитанным обхождением, милой одеждой. Она мне играла сонату Бетховена, «Думку» Чайковского и «Прелюдию» Шостаковича (фугу она спутала). Она несомненно (подчеркивание в текстах автора писем.– Н.В.) способна, когда играет, вся сосредоточивается и принадлежит всецело тому, что и как играет, из этого качества в дальнейшем может выработаться многое, необходимое для настоящей интерпретации. Руки тоже вполне пригодные для пианиста. Подготовка приличная, но не более того, некоторая неправильность положения и движений рук – мешает, но испорченными ее руки, к счастью, никак не назовешь. – Конкурс в институт (как и в Консерваторию) – очень велик, и она хорошо сделала, что приехала сюда разузнать и позаниматься. Я поручила известному Вам, Михаил Михайлович, лицу, моему «секретарю», – Серафиме Александровне, – позвонить от моего имени некоторым самым лучшим представителям преподавательской молодежи института – моим бывшим ученикам по Ансамблю – кто скорее согласится давать Наташе частные уроки на дому и привести ее в порядок. Большинство их – умелые, толковые и высоко добросовестные преподаватели и много взяли от меня не только как музыканты, но и как пианисты. Увидим, на ком она остановилась, вернее, с кем удалось сговориться, ибо кто-то

**Фрагмент из письма М.В. Юдиной М.М. и Е.А. Бахтиным от 28 января 1960 г.
Опубликовано в журнале «Диалог. Карнавал. Хронотоп» (1993, № 4)**

В консерваторию я поступила и успешно ее окончила, затем много лет отдала Мордовскому государственному университету, где работали в свое время Бахтин и Воронин. Таким образом, Бахтин сыграл важную роль в моей жизни.

В 1988 г. на конференции в Институте искусствознания в Москве я познакомилась с Аркадием Федоровичем Еремеевым – доктором философских наук, профессором, заведующим кафедрой эстетики, теории и истории культуры и искусства Уральского государственного университета, в то время возглавлявшим Проблемный Совет Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР по эстетике. Первый его вопрос был: «Вы из Саранска? Дети Бахтина? Следующая конференция будет у вас». Так стремительно решилась судьба Первых Саранских Бахтинских чтений (1989), которые с тех пор стали традиционными в Мордовском государственном университете, получив статус международных. Мне довелось принимать непосредственное участие в организации

Бахтинских чтений, быть одним из редакторов сборников их материалов, которые выходили ранее и выходят сегодня. Из Саранских Бахтинских чтений «выросли» в университете и Центр М.М. Бахтина, и журнал «Бахтинский вестник». Так работает принцип преемственности, продолжающий традиции общения с Бахтиным. Великий ученый и сегодня играет большую роль в моей жизни и в жизни моих учеников, в работе Мордовского университета.

1. *Воронина Н.И.* Замечания М.М. Бахтина к рукописи книги И.Д. Воронина «Очерки и статьи» (1957 год) (в записи И.Д. Воронина) // Бахтинский вестник 2019. № 1. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49614272> (дата обращения: 22.11.2022).
2. *Воронина Н.И.* М.М. Бахтин – И.Д. Воронин: московская встреча 1974 г. // Бахтинский вестник 2019, № 2, URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49719907> (дата обращения: 22.11.2022).
3. Из переписки М.В. Юдиной и М.М. Бахтина (1941–1966 гг.) / публ. и вступ. ст. А.М. Кузнецова // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993. № 4. С. 38–86.
4. *Ключевский В.О.* Россия в исторических портретах. М.: Рипол Классик, 2016. 766 с.
5. Собрание инскриптов на изданиях из личной библиотеки М. М. Бахтина / авт.-сост. И.В. Ключева, Н.Н. Земкова; науч. ред. Н.И. Воронина. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2020. 320 с.

M.M. Bakhtin and the family of Saransk professor I.D. Voronin

©2022 N.I. Voronina

*Voronina Natalia Ivanovna, Doctor of Philosophy, Professor at the Department
of Culturology and Library Information Resources,
Director of the M.M. Bakhtin Center at N.P. Ogarev National Research Mordovia State University
E-mail: kafkmgu@mail.ru*

N.P. Ogarev National Research Mordovia State University.
Saransk, Russian Federation

Annotation. The article discusses various aspects of relations between M.M. Bakhtin and professor at the Mordovia State University I.D. Voronin : scientific dialogues, joint scientific and organizational work at the Department of Russian and Foreign Literature, Bakhtin's communication with the members of the Voronin family. The author talks about Bakhtin's role in her life and about her meetings with M.V. Yudina.

Keywords: M.M. Bakhtin, I.D. Voronin, M.V. Yudina, Saransk, history of Mordovia University, history of Mordovia.

1. *Voronina N.I.* Zamechaniya M.M. Bahtina k rukopisi knigi I.D. Voronina «Ocherki i stat'i» (1957 god) (v zapisi I.D. Voronina) // Bahtinskij vestnik 2019, № 1, URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49614272> (data obrashcheniya: 22.11.2022).
2. *Voronina N.I.* M.M. Bahtin – I.D. Voronin: moskovskaya vstrecha 1974 g. // Bahtinskij vestnik 2019, № 2, URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49719907> (data obrashcheniya: 22.11.2022).
3. Iz perepiski M.V. YUdinoj i M.M. Bahtina (1941–1966 gg.) / publ. i vstup. st. A.M. Kuznecova // Dialog. Karnaval. Hronotop. 1993. № 4. S. 38–86.
4. *Klyuchevskij V.O.* Rossiya v istoricheskikh portretah. M.: Ripol Klassik, 2016. 766 s.
5. Sobranie inskriptov na izdaniyah iz lichnoj biblioteki M. M. Bahtina / avt.-sost. I.V. Klyueva, N.N. Zemkova; nauch. red. N.I. Voronina. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2020. 320 s.

М.М. Бахтин в восприятии его саранских студентов

© 2022 И.В. Ключева

*Ключева Ирина Васильевна, кандидат философских наук,
доцент кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов,
аналитик Центра М.М. Бахтина
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.
E-mail: klyueva_irina@mail.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарева. Саранск, Россия

Аннотация. В статье освещаются неизвестные эпизоды саранского периода биографии М.М. Бахтина, связанные с его преподавательской и культурно-просветительской деятельностью 1950-х – 1960-х гг.: на курсах, организованных при Министерстве/Комитете государственной безопасности (МГБ/КГБ) Мордовской АССР, в Саранском городском университете культуры, в Мордовском республиканском обществе «Знание». Материалом исследования являются записанные автором статьи в 1990-х гг. устные воспоминания жителей Республики Мордовия и города Саранска – бывших студентов и слушателей М.М. Бахтина.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, Мордовский государственный университет, история Мордовии, культура Мордовии, высшее образование в Мордовии.

Педагогическая и культурно-просветительская деятельность М.М. Бахтина в Саранске неоднократно освещалась в исследователями [см., например: 1, 3–5], однако многие ее эпизоды и факты остаются неизвестными. Немаловажную роль в их изучении играют устные воспоминания жителей Саранска и в целом Республики Мордовия – бывших студентов Мордовского государственного педагогического института им. А.И. Полежаева (ныне Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева), а также слушателей различных курсов, семинаров и т. д., на которых он также читал лекции. В конце 1980-х – 1990-х гг. нами была собрана обширная коллекция устных воспоминаний о Бахтине жителей республики и ее столицы.

Заслуживают внимания воспоминания бывших сотрудников Наркомата/Министерства/Комитета государственной безопасности (НКГБ / МГБ / КГБ) и Министерства внутренних дел Мордовской АССР. В самом начале 1950-х гг. Министерство внутренних дел и Министерство государственной безопасности республики, которые были в то время объединены и располагались в одном здании на ул. Л. Толстого (тогда ул. Ленина), организовали для своих сотрудников курсы, готовившие их к поступлению на заочное отделение педагогического института и помогавшие им овладеть программой обучения в институте. То есть сотрудники МГБ/КГБ проходили институтскую программу непосредственно на работе. В основном это были офицеры, пришедшие с фронта. Многие из них не имели не только высшего, но и полного среднего образования, некоторые были просто малограмотными. Кроме фронтового опыта у них не было никаких знаний. Вести занятия на курсах приглашались лучшие преподаватели института. Их работа хорошо оплачивалась, причем, половину суммы платило Министерство/Комитет, а половину – сами слушатели из своей зарплаты, которая была для того времени немалой. Однако и работа у сотрудников была нелегкой: во время войны в советском тылу, в том числе и в Мордовии было немало диверсантов, дезертиров, бандитов; после войны велась напряженная борьба с уголовниками.

Постоянных слушателей на курсах было около 25 человек. Они занимались непосредственно в помещении МГБ/КГБ регулярно, 2–3 раза в неделю на протяжении нескольких лет. На курсах велись занятия по литературе, русскому языку, истории, географии.

Одним из слушателей курсов был Василий Павлович Сыресин (1922–2006) – в то время сотрудник МГБ. Летом 1941 г. он окончил среднюю школу в с. Козловка Атяшевского района МАССР, в январе 1942 г. был призван в армию. Окончив Смоленское пехотное училище, переведенное в г. Сарапул Удмуртской АССР, с марта 1942 г. Сыресин воевал в артиллерийских войсках, был командиром орудия, участвовал в боях под Старой Руссой, Сталинградом, Ленинградом, был ранен. После лечения в госпитале Василий Павлович был отозван с фронта и некоторое время работал на родине – в селе Козловка – секретарем районного отделения НКГБ. В сентябре 1943 г. он был направлен в спецшколу НКГБ находившуюся в Уфе, окончив которую с декабря того же года работал в Саранске в системе НКГБ.

Из всех педагогов, работавших на курсах, Василию Павловичу особенно запомнились двое – преподаватель русского языка Александра Ивановна Чикина (которой он был очень благодарен за то, что она помогла ему восполнить пробелы в знании русского языка) и преподаватель литературы Михаил Михайлович Бахтин. Чикина работала здесь два года, Бахтин – намного дольше. Согласно воспоминаниям Василия Павловича, он вел курсы «История зарубежной литературы» и «Введение в литературоведение».

Василий Павлович был самым молодым среди слушателей, поэтому ему было поручено сопровождать Бахтина по дороге на занятия и провожать его обратно до дома. Здание МГБ/КГБ находилось неподалеку от здания бывшей тюрьмы, где жил тогда Бахтин, но ему все равно было трудно дойти до него, особенно в непогоду. Когда Василий Павлович приходил за Бахтиным, они с женой встречали его очень любезно, приглашали войти в комнату. Ученый показывал молодому человеку редкие книги, говоря: «Вы их больше нигде не увидите». Вдвоем с Еленой Александровной Василий Павлович помогал Бахтину спуститься, а потом подняться по железной лестнице (ему очень хорошо запомнились эти лестницы). Так было на протяжении нескольких лет.

По дороге Бахтин всегда начинал рассказывать своему спутнику что-нибудь интересное; когда они шли обратно, продолжал начатый рассказ. Сыресин утверждал, что у него с Бахтиным сложились замечательные отношения – «человеческие, дружественные»: «Ведь мы, рядовые сотрудники, понимали, что он был осужден несправедливо, сочувствовали ему, возмущались тем, что его не ценили по достоинству. Работа у нас была трудная. Работали не меньше 12 часов в сутки, конечно, и ночью тоже. Некоторые не выдерживали и во время занятий дремали. Но на лекциях Бахтина невозможно было дремать. Он у нас был самым любимым лектором. Все мы слушали его очень охотно – он увлекал необыкновенно. Знания у него были исключительные, и он обладал удивительным умением их преподнести, заинтересовывать слушателей. Мы сидели, раскрыв рты, и это не фигуральное выражение: рты раскрывались в буквальном смысле слова. Мы мало знали историю культуры, а он так интересно рассказывал обо всем».

Как и в пединституте, на курсах Бахтин читал лекции, сидя за столом (стоять ему было трудно). Но от курения в этой аудитории он воздерживался. Как вспоминал Василий Павлович, в своих лекциях ученый приводил много народных пословиц по поводу того, как надо правильно, честно, достойно жить: «Он все время повторял нам: “Учитесь, учитесь”». Сыресин утверждал, что Бахтин вызывал у всех слушателей симпатию: «Что прежде всего в нем чувствовалось – это высочайшая культура. Он был очень внимательным, вежливым, умел находить общий язык с любым человеком, мог поговорить на любую тему, и всегда с ним было интересно». У Сыресина долго хранились конспекты лекций Бахтина, однако затем они затерялись.

Среди слушателей курсов была также Мария Андреевна Карачкова (1918–2007), работавшая в то время секретарем приемной одного из отделов МГБ. Она также утверждала, что всем слушателям Бахтин очень нравился, слушали его с огромным интересом и удовольствием. В МГБ регулярно проводились закрытые собрания, на которых говорилось о лицах, осужденных по какой-либо статье. Кроме того, каждый работник МГБ мог при желании навести справки о любом интересующем его лице. Так что все слушатели знали, что Бахтин

был осужден по 58-й статье. «Но в наших глазах это ни в коей мере не умаляло его достоинств как лектора, как ученого, как эрудита», – подчеркивала Мария Андреевна.

В 1952 г. Мария Андреевна поступила на заочное отделение филологического факультета педагогического института. График работы в МГБ даже у секретаря был очень тяжелый. Рабочий день начинался с 9.00; с 17.00 до 20.00 – перерыв, а с 20.00 до 24.00 – снова работа. Мария Андреевна была добросовестной студенткой: каждую свободную минуту старалась использовать для подготовки к предстоящей сессии. Однако окончить институт ей не удалось, спустя три года она вышла замуж за известного, уважаемого в городе человека – Героя Советского Союза Константина Алексеевича Карачкова, у которого умерла жена, оставив двоих маленьких детей: «Учебу мне пришлось бросить: плохо учиться было стыдно, а хорошо не могло получиться – слишком много у меня прибавилось забот, – рассказывала нам Мария Андреевна. – Но эти три года учебы оставили неизгладимое впечатление в моей памяти. Ведь я училась у самого Бахтина!».

Известно, что Бахтин выступал с лекциями не только перед студентами, но и перед «специальной», «целевой» аудиторией: сотрудниками издательства, журналистами, театральными деятелями, работниками культуры. Его коллега В.Б. Естифеева писала в своих воспоминаниях: «Деятельность М.М. Бахтина, лектора и педагога, выходила далеко за пределы пединститута. Он выступал с докладами в разных организациях города» [2, с. 144].

Выйдя на пенсию в 1961 г., Бахтин продолжал вести семинар по эстетике для коллектива музыкально-драматического театра, читать лекции в Саранском городском университете культуры, а также по линии общества «Знание»: в частности, в республиканском Доме печати (для журналистов, литераторов). Журналист Татьяна Михайловна Ковалева (Живаева, р. 1931) слушала его лекции, не только будучи студенткой, но и позже – когда работала в Мордовском книжном издательстве. Он приходил по просьбе работников издательства в Дом печати на ул. Советской (здание не сохранилось). Татьяна Михайловна вспоминала, как Бахтин с трудом поднимался на четвертый этаж Дома печати по узкой деревянной лестнице.

Тележурналист Вячеслав Николаевич Кисляков (1948–2020) неоднократно слушал публичные лекции Бахтина в 1960-х гг., работая корреспондентом Мордовского республиканского телевидения. Тогда его уже было хорошо известно имя всей интеллигенции Саранска: «Честно говоря, я боялся разочароваться – уж очень много и постоянно слышал о нем, – рассказывал он. – Но впечатление было ошеломляющее. Как только он появлялся, наступала тишина. Все – и те, кто пришел впервые, и те, кто слышал его уже несколько раз, и те, которые были вообще постоянными слушателями, не пропускавшими ни одну его публичную лекцию, затаив дыхание, ждали – не просто лекции, а действия. И, что особенно интересно, даже лекция на одну и ту же тему, воспринималась каждый раз по-другому, вызвала другие эмоции, видимо, затрагивала какие-то другие струны души».

В 1959 г. в Саранске открылся городской университет культуры. Он работал сначала в клубе «Строитель», затем в Доме Союзов. Занятия здесь проводили лучшие преподаватели из университета, известные деятели культуры и искусства, а также лекторы, специально приглашенные из Москвы и Ленинграда. Бахтин был постоянным лектором этого университета. Его слушала самая широкая аудитория – не только гуманитарная интеллигенция, но и инженеры, рабочие, медицинские работники и т. д.

В то время в Саранске бурно развивалась промышленность, на заводы по распределению приезжало много молодых специалистов из разных уголков Советского Союза, в том числе из крупных городов, где культурная жизнь была интенсивной: было много театров, молодежных центров досуга, клубов. В Саранске же был тогда только один театр. Кроме него интересно и с пользой для себя можно было провести время только в городском университете культуры. На лекциях Бахтина зал был переполнен до отказа. Он рассказывал о выдающихся деятелях культуры – великих композиторах, художниках.

Михаил Михайлович садился на сцене за стол, покрытый зеленым сукном. Рядом с ним находился какой-нибудь ассистент, который помогал вовремя включать проигрыватель и

ставить пластинки с записями произведений музыкальной классики. Перед началом лекции Бахтин говорил: «Вы уж меня простите, не могу не курить». Он закуривал, и начинал рассказ. Ассистент в это время включал музыку Баха, Бетховена...

Среди слушателей университета был Геннадий Константинович Лукин (1936–2010) – кандидат экономических наук (1966), доцент, заведующий кафедрой политэкономии, декан экономического факультета Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева, в то время – секретарь комитета ВЛКСМ строительного треста в Саранске, который рассказывал: «На занятия городского университета культуры мы шли, как в кино. В то время, видимо, это была какая-то отдушина. Бахтина все здесь ждали с нетерпением. Он к любой аудитории мог найти какой-то особый “ключик”». Геннадий Константинович вспоминал, как однажды во время выступления Бахтина в клубе «Строитель» неожиданно погас свет: «“Продолжайте, Михаил Михайлович”, – говорили из зала. Бахтин продолжил. Голос звучал размеренно, спокойно». Свет долго не включали, очевидно повреждение было на линии. Так он и прочитал всю лекцию в кромешной тьме и в абсолютной тишине.

Все бывшие слушатели университета культуры в разговоре с нами утверждали, что Бахтин был самым лучшим его лектором.

1. *Васильев Н.Л.* М.М. Бахтин как вузовский преподаватель // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 1. С. 45–52.
2. *Естифеева В. Б.* Воспоминания о Бахтине (Первое десятилетие в Саранске) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. №1. С. 127–151.
3. *Лантун В.И.* Педагогическое мастерство М.М. Бахтина в оценке современников // Евсевьевские чтения. Серия: Педагогические науки. Сб. науч. статей по материалам Междунар. науч.-практич. конф. с элементами научной школы для молодых ученых – 53-х Евсевьевских чтений. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т им. М.Е. Евсевьева, 2017. С. 70–74.
4. *Лантун В.И.* Научная и педагогическая деятельность М.М. Бахтина в Мордовском пединституте (1945–1952) // М.М. Бахтин в Саранске: документы, материалы, исследования. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2002. С. 10–35.
5. *Laptun V.I., Tihanov G.* Pedagogical work of Mikhail M. Bakhtin (1920s – early 1960s) // Dialogue pedagogy. 2018. № 6. P. T8–T18.

M.M. Bakhtin as perceived by his Saransk students

© 2022 I.V. Klyueva

*Irina V. Klyueva, Candidate in Philosophy, Associate professor
at the Department of Culturology and Library Information resources,
analyst of the M.M. Bakhtin Center at N.P. Ogarev National Research Mordovia State University.
E-mail: klyueva_irina@mail.ru*

N.P. Ogarev National Research Mordovia State University.
Saransk, Russian Federation

Annotation. The article highlights unknown episodes from the Saransk period of M.M. Bakhtin's biography, associated with his teaching as well as cultural and educational activities in the 1950s – 1960s: at the A.I. Polezhaev Mordovia State Pedagogical Institute (now N.P. Ogarev Mordovia State University), at courses organized under the Ministry / Committee of State Security (MGB / KGB) of the Mordovia ASSR, at the Saransk City University of Culture, in the Mordovia Republican Society «Znaniye». The material of the study is the oral memories of Saransk inhabitants – former Bakhtin's students and listeners as recorded by the author of the article in the 1990s.

Keywords: M.M. Bakhtin, Mordovian State University, history of Mordovia, culture of Mordovia, higher education in Mordovia.

1. Vasil'ev N.L. M.M. Bahtin kak vuzovskij prepodavatel' // Dialog. Karnaval. Hronotop. 2000. № 1. S. 45–52.
2. Estifeeva V.B. Vospominaniya o Bahtine (Pervoe desyatiletie v Saranske) // Dialog. Karnaval. Hronotop. 2000. №1. S. 127–151.
3. Laptun V.I. Pedagogicheskoe masterstvo M.M. Bahtina v ocenke sovremennikov // Evsev'evskie chteniya. Seriya: Pedagogicheskie nauki. Sb. nauch. statej po materialam Mezhdunar. nauch.-praktich. konf. s elementami nauchnoj shkoly dlya molodyh uchenyh – 53-h Evsev'evskih chtenij. Saransk: Mor-dov. gos. ped. in-t im. M.E. Evsev'eva, 2017. S. 70–74.
4. Laptun V.I. Nauchnaya i pedagogicheskaya deyatel'nost' M.M. Bahtina v Mordovskom pedinsti-tute (1945–1952) // M.M. Bahtin v Saranske: dokumenty, materialy, issledovaniya. Saransk: Tip. «Krasnyj Oktyabr'», 2002. S. 10–35.
5. Laptun V.I., Tihanov G. Pedagogical work of Mikhail M. Bakhtin (1920s – early 1960s) // Dialogue pedagogy. 2018. № 6. P. T8–T18.

**«Вы открыли мне... глаза»:
История письма саранской студентки к М.М. Бахтину**

© 2022 И.В. Ключева

*Ирина Васильевна Ключева, кандидат философских наук,
доцент кафедры культурологии и библиотечно-информационных ресурсов,
аналитик Центра М.М. Бахтина
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарёва.
E-mail: klyueva_irina@mail.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева.
Саранск, Российская Федерация

© 2022 Л.М. Лисунова

*Людмила Михайловна Лисунова, кандидат философских наук,
независимый исследователь.
E-mail: ludmilalisunova1954@mail.ru*

Саранск, Российская Федерация

Аннотация. В статье реконструируется история сохранившегося в личном архиве М.М. Бахтина адресованного ему письма студентки-заочницы Мордовского государственного педагогического института им. А.И. Полежаева (ныне Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева) Н.Н. Андреевой (Кузовенковой), датированное февралем 1949 г., опубликованное в журнале «Странник» (2021, № 2). В статье впервые представлена информация об авторе письма, о ее семье. Основным материалом исследования являются записанные авторами в конце 1980-х гг. устные воспоминания Н.Н. Андреевой (Кузовенковой) о Бахтине.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, Мордовский государственный университет, история Мордовии, культура Мордовии, высшее образование в Мордовии.

Данная статья продолжает серию публикаций, подготовленных на основе собранных нами в конце 1980-х–1990-х гг. устных воспоминаний о М.М. Бахтине жителей Саранска и Республики Мордовия [см.: 7–11]. Непосредственным поводом к ее написанию стала публикация «Письмо М.М. Бахтину» в выходящем в Саранске молодежном литературно-художественном журнале «Странник» (2021, № 2 (март-апрель)). Это письмо Бахтину – в то время преподавателю Мордовского государственного педагогического института им. А.И. Полежаева, датированное 20 февраля 1949 г., отправленное из Саранска. Оно находилось (в числе других документов из архива Бахтина) у хранительницы наследия мыслителя Леонтины Сергеевны Мелиховой (Москва), которая передала его в редакцию журнала.

К сожалению, публикаторы не смогли снабдить письмо какими-либо комментариями: персоналия «Н. Андреева» была им неизвестна. Для комментирования письма необходимо процитировать его.

«Михаил Михайлович!

Придя домой, я вспомнила, или, вернее, не помнила, как я благодарила Вас от имени IV курса за прекрасные лекции, прочитанные Вами по всеобщей литературе XX в. Мне стало обидно и за себя, и за Вас...

Разве так сухо и невнятно надо было выразить Вам глубокую, горячую благодарность и то высокое, ни с чем не сравнимое эстетическое наслаждение, которое пробудило Ваше вдохновенное чтение курса! Разве тем была полна душа! Но слова, пламенеющие во мне, от неумения с непривычки выступать при большой аудитории меркли и стыли, долетая до губ, и

бесцветно и вяло срывались с них. И вот теперь, еще такая взволнованная и недовольная собой, я не могу заниматься ничем другим, как написать Вам все то, что имею сказать по поводу Ваших лекций не только по курсу всеобщей литературы XX в., но и XIX в., но и античной литературы, а также истории эстетических учений. Я с большим удовлетворением слышала, что IV курс, в прошлом году будучи III, за лекции о Гете преподнесли Вам цветы... Эта мысль рождалась у меня, когда слушала Ваши несравненные лекции о Гомере, Эсхиле, Эврипиде и Гете. Но где среди снега я найду живых цветов, которые были бы достойны Ваших лекций! Но даже самые красивые цветы побледнеют и поблекнут... Быть может, эти слова будут долговечней и лучше. Кто знает?

Я, студентка-заочница, считаю большим счастьем, что мне удалось прослушать Ваши чудесные лекции, которые глубоко врезались в память и сердце и помогли разобраться в трудном для понимания, противоречивом мировоззрении и творчестве Гете. Он казался недоступным мне, этот олимпиец Гете. Казалось, он стоял как-то выше других людей, а почему – не знала. О Гомере же и говорить нечего, не понимала, не знала, не ценила, доросла... Вы открыли мне Гомера, открыли глаза, пробудили глубокий, настойчивый интерес к Гомеру, помогли понять и по достоинству оценить неувядающую, величавую красоту его (Гомера).

После Ваших лекций о Гете я читала предисловие к “Фаусту”, мне показалось оно мертвым и скучным, как будто из него была вынута душа или, выражаясь словами Белинского, как при переложении стихотворения на язык прозы “оно превратилось в мертвую личинку, из которой сейчас только выпорхнула блестящая радужными цветами бабочка”.

Ваши лекции высоко поэтичны, увлекательны и вдохновенны, согреты огнем огромной любви к своему предмету, а глубина и широта знаний литературы и языков вызывает удивление и глубокое уважение к Вам. Увлекаясь, Вы увлекаете и студентов; рождается неодолимое желание прочесть и узнать все, все это... что в устах Ваших становится поистине ПРЕКРАСНЫМ!

С большой благодарностью и приветом
студентка Н. Андреева» [14].

Эпиграф к письму взят из комедии древнегреческого драматурга Аристофана «Лягушки»:

«Э с х и л: Отвечай мне: за что почитать мы должны и венчать похвалою поэтов?

Э в р и п и д: За правдивые речи, за добрый совет и за то, что разумней и лучше они делают граждан родимой земли».

В письме также цитируются (неточно) слова из статьи В.Г. Белинского «Разделение поэзии на роды и виды»: «...Никогда нельзя уловить содержания лирического произведения. Да, его нельзя ни пересказать, ни растолковать, но только можно дать почувствовать, и то не иначе как прочтя его так, как оно вышло из-под пера поэта; будучи же пересказано словами или переложено в прозу, оно превращается в безобразную и мертвую личинку, из которой сейчас только выпорхнула блестящая радужными цветами бабочка» [1, с. 13].

Из письма становится очевидным, что Бахтин читал в это время для студентов института курсы по истории всеобщей литературы XIX и XX вв., античной литературы и по истории эстетических учений. Студентке особенно запомнились его лекции о Гомере, Эсхиле, Эврипиде, Аристофане и Гете.

Мы установили автора этого письма – это жительница Саранска Наталья Николаевна Андреева (позже – Кузовенкова; 1910–1992). Она происходила из крестьянской семьи, родилась в Пензе, училась там же – сначала в гимназии, затем в советской школе. Выйдя замуж, Наталья Николаевна переехала в Саранск, окончила естественный факультет Мордовского педагогического института, получив специальность «химик, биолог», работала на городской малярной станции – сначала инспектором, затем начальником. При этом Наталья Николаевна всегда увлекалась литературой, искусством, в частности, театром. Когда ей было уже за сорок, она решила поступить на заочное отделение филологического факультета.

Это желание не было случайным: сестра Натальи Николаевны – Анна Николаевна Зими́на (1916–1998) была известным литературоведом, кандидатом филологических наук. Окончив аспирантуру в Московском государственном университете, она заведовала кафедрой литературы Ижевского педагогического института (ныне Ижевский государственный университет). Зими́на известна как исследователь творчества русских писателей XIX в.: Н.А. Некрасова, М.Е. Салтыкова-Щедрина и др. [см.: 3–6].

Зими́ну вспоминала в своих мемуарах известный литературовед Наталия Самойловна Лейтес (1921–2011), некоторое время работавшая в Ижевске: «Кафедра показалась мне симпатичной. Ею заведовала очень милая, знающая и скромно державшаяся женщина Анна Николаевна Зими́на... Она была из русской крестьянской семьи... Мы с Анной Николаевной были дружны» [12, с. 95]. Муж Зиминой – Борис Зиновьевич Мушин заведовал в институте кафедрой философии.

Литературоведом стала и дочь Анны Николаевны – Ирина Борисовна Мушина (1942–1984), первым учителем и наставником которой в Ижевском педагогическом институте была Лейтес. Впоследствии Мушина защитила кандидатскую диссертацию в Ленинграде. Она является автором ряда исследований по немецкой и русской классической литературе, нескольких книг, написанных в соавторстве с мужем – известным историком литературы Максимом Исааковичем Гиллельсоном (1915–1987).

Ната́лья Николаевна Кузовенкова неоднократно делилась с авторами данной статьи своими воспоминаниями о Бахтине и, в частности, рассказывала об этом письме, о том, при каких обстоятельствах оно было написано.

Когда Бахтин завершал чтение лекций на 4 курсе заочного отделения филологического факультета, где училась Ната́лья Николаевна, студенты попросили ее (как самую старшую) выступить от имени всего курса, выразив педагогу общую благодарность. Ната́лья Николаевна говорила много, долго, но при этом очень волновалась и осталась недовольна своим выступлением. Ей показалось, что она не смогла выразить свои чувства, к тому же допустила досадную оговорку – в заключение, вместо слов: «От всей души благодарим Вас за прекрасно прочитанный курс всеобщей литературы», она произнесла: «... курс всеобщей истории».

Бахтин был заметно растроган, у него появились слезы на глазах. Преподаватель не поправил студентку, но она сильно переживала: он мог подумать, что она даже не помнит, какой курс он читал... Ната́лья Николаевна рассказывала нам, что всю ночь не могла уснуть и начала писать Бахтину письмо. Эпиграфом к своему посланию она взяла слова Еврипида из комедии Аристофана потому, что Бахтин приводил их однажды на лекции. Она также привела в письме высказывание Белинского, которое Михаил Михайлович цитировал в одной из своих лекций.

Придя в институт, Ната́лья Николаевна решила посоветоваться с однокурсниками, отдавать Бахтину это письмо или нет. Сначала студенты отговаривали ее, аргументируя тем, что не следует отнимать у Бахтина время, посылая ему такие длинные письма. Ната́лья Николаевна согласилась, однако, решила прочесть им письмо. Послушав текст, студенты сами начали уговаривать автора отослать письмо адресату. Спустя долгое время Ната́лья Николаевна узнала от Елены Александровны – супруги Михаила Михайловича, что он прочитал письмо и даже хранил его в шкатулке, где было все самое дорогое, самое ценное для них.

Кузовенкова тесно общалась с четой Бахтиных в 1950-х – начале 1960-х гг. Об этом, в частности, писала в своих воспоминаниях В.Б. Естифеева, подчеркивая, что Ната́лья Николаевна, которая была «книголюбом и театралом», всегда восхищалась лекциями Бахтина и старалась не пропускать его выступлений вне стен института/университета; с начала 1950-х гг. она стала «главным поставщиком лекарств и помощницей» Елены Александровны Бахтиной [2, с. 134].

Для Ната́льи Николаевны каждая встреча, каждый разговор с Бахтиным был уроком на всю жизнь. Она говорила нам: «Мне Бахтина всегда очень не хватало. Хотелось слушать его, постоянно общаться с ним. Когда у меня была свободная минутка, я бежала к ним». Она

бывала в квартире Бахтиных в “тюрьме”, и еще чаще – когда в 1959 г. они переехали в новый дом. Когда Бахтин вышел на пенсию, Наталья Николаевна ходила вместе с ним в театр, где он продолжал вести семинар по эстетике: помогала ему снять повесить на вешалку пальто, потом одеться, потому что физически он уже был почти беспомощным человеком.

Наталья Николаевна подчеркивала, что благодаря Бахтину она стала «как-то по-особому» смотреть на многие вещи. Например, поначалу ей трудно было воспринимать произведения Гомера. Но после лекций Бахтина она «как будто вошла в этот мир», стала читать эти поэмы – и не по хрестоматии, как это делали многие студенты, а в полном объеме. Однажды перед лекцией Наталья Николаевна подошла к Бахтину и задала вопрос по «Одиссее»: «Что-то мне было непонятно. Он меня спрашивает: “А вы были когда-нибудь на море?”. Отвечаю: “Да, была”. – “А какое оно? Назовите цвета, оттенки моря”. – “Синее, зеленое, голубое...”. На этом и остановилась. Михаил Михайлович говорит: “А вот вы внимательно почитайте “Одиссею”. Там Гомер дает около 50 эпитетов к морю”».

Наталье Николаевне очень нравился Бетховен; она даже купила себе пианино, чтобы научиться исполнять именно его произведения, хотя до этого никогда не училась музыке. Ей хотелось больше узнать об этом композиторе. Однажды она спросила у Бахтина, что можно о нем почитать. Он порекомендовал мемуары Гектора Берлиоза, сказал, что у Ромена Роллана есть великолепная художественная биография Бетховена. Порекомендовал также роман Томаса Манна «Доктор Фаустус», сказав, что там много интереснейшего материала о Бетховене. Рассказывая об этом, Наталья Николаевна подчеркивала: «Сам Бахтин очень любил Баха».

Однажды Бахтин посоветовал Наталье Николаевне прочитать биографию Джавахарлала Неру, и она прочла ее. (Возможно, это была автобиография Неру, изданная в 1955 г. в Москве [см.: 13].)

Для Кузовенковой советы Бахтина всегда были важны, она руководствовалась ими и в повседневной жизни, и в своих отношениях с коллегами. Однажды главный врач малярийной станции, на которой она работала, выпустил в свет брошюру, где описывались два вида слепней: «Но ведь в нашей местности их гораздо больше! Меня это возмутило: как можно писать, не зная толком предмета! Я решила написать в газету критическую статью по поводу этой брошюры. Пришла посоветоваться к Бахтину. Он мне сказал: “Не надо выступать с критикой. Вот вы знаете, сколько видов слепней существует в этой местности – об этом и напишите. Это и будет ваш вклад в науку, а не критика другого исследователя”».

Наталья Николаевна вспоминала, что приблизительно в 1964 г. к ней в гости приехала сестра – Анна Николаевна Зимина. Только что была издана книга Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского». Наталья Николаевна приобрела два экземпляра – для себя и для сестры: «Вечером собираюсь к Бахтиным – попросить Михаила Михайловича сделать памятную надпись на книге. Сестра спрашивает, куда это я собираюсь. Когда она услышала, что вот так запросто можно прийти к такому человеку, то была изумлена. Попросилась пойти со мной». Бахтин подписал книги им обеим: «Дорогой Наталье Николаевне Кузовенковой на добрую память от автора» и «Анне Николаевне Зиминой на добрую память от автора».

Часто бывавшая на курсах повышения квалификации, на различных конференциях (в Москве, Ленинграде, Тбилиси и др.), Наталья Николаевна в разговорах с нами не раз подчеркивала, что она «слышала московских, ленинградских профессоров, академиков», но никто из них, по ее мнению, не мог сравниться с Бахтиным по широте кругозора, по эрудиции, по умению заинтересовать слушателя, вовлечь его в разговор.

1. *Белинский В.Г.* Собрание сочинений в 3-х т. Т. 2: Статьи и рецензии 1841–1845 / под общ. ред. Ф.М. Головенченко; ред. т. 2 С.П. Бычков. М.: ОГИЗ, ГИХЛ, 1948. 935 с.
2. *Естифеева В.Б.* Воспоминания о Бахтине (Второе десятилетие в Саранске) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 2000. № 2. С. 127–151.
3. *Зимина А.Н.* Деревенская повесть Некрасова // Ученые записки Удмуртского государственного педагогического института. Вып. 1. Ижевск, 1946. С. 22–31.

4. *Зими́на А.Н.* М.Е. Салтыков-Щедрин в Вятском крае // Об удмуртском фольклоре и литературе. Вып. 1. Ижевск: УдНИИИЭЛЯ при СМ УАССР, 1973. С. 72–87.
5. *Зими́на А.Н.* Некрасов-беллетрист // Труды Московского института истории, философии и литературы. М., 1939. Т. 3. С. 160–201.
6. *Зими́на А.Н.* Проблема лишнего человека в творчестве Некрасова 50-х годов: (Поэма «Саша», роман «Тонкий человек, его приключения и наблюдения») // Ученые записки Удмуртского государственного педагогического института. Вып. 10. Ижевск, 1956. С. 99–118.
7. *Клюева И.В.* «В каждом из нас он видел человека...»: М.М. Бахтин в восприятии саранских студентов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. Т. 20. № 6. С. 62–67.
8. *Клюева И.В.* Образ М.М. Бахтина в романе В.Ф. Егорова «Камни растут и светят» // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова). VII Арсентьевские чтения. Чебоксары: ООО ИД «Среда», 2017. С. 39–43.
9. *Клюева И.В., Земкова Н.Н.* Собрание инскриптов на изданиях из личной библиотеки М.М. Бахтина. К 125-летию со дня рождения мыслителя. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2020. 320 с.
10. *Клюева И.В., Лисунова Л.М.* Нам так хотелось поблагодарить его...»: М.М. Бахтин глазами саранских студентов, слушателей, коллег // Центр и периферия. 2021. № 3. С. 87–95.
11. *Клюева И.В., Лисунова Л.М.* Саранск, Мордовский университет, М.М. Бахтин в воспоминаниях Э.В. Конюховой // Проблемы методологии и методики мониторинга социально-экономического развития регионов Российской Федерации. Материалы Всеросс. науч.-практич. конф. с междунар. участием, посвящ. 15-летию ГКУ РМ «НЦСЭМ». Саранск: ГКУ РМ «НЦСЭМ», 2017. С. 339–349.
12. *Лейтес Н.С.* Из истории моей семьи: страницы воспоминаний / под ред. Р.С. Спивак. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2015. 184 с.
13. *Неру Дж.* Автобиография / пер. с англ. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 656 с.
14. Письмо М.М. Бахтину // Странник. 2021. № 2 (март-апрель). С. 82–83.

«You opened my ... eyes»: The history of a letter from a Saransk student to M.M. Bakhtin

© 2022 I.V. Klyueva

*Irina V. Klyueva, Candidate in Philosophy, Associate professor
at the Department of Culturology and Library Information resources,
analyst of the M.M. Bakhtin Center at N.P. Ogarev National Research Mordovia State University .
E-mail: klyueva_irina@mail.ru*

N.P. Ogarev National Research Mordovia State University.
Saransk, Russian Federation

© 2022 L.M. Lisunova

*Lyudmila M. Lisunova, Candidate in Philosophy, Independent researcher,
E-mail: ludmilalisunova1954@mail.ru*

Saransk, Russian Federation

Annotation. The article reconstructs the history of one letter addressed to M.M. Bakhtin, which had been preserved in his personal archive. It was written by a part-time student of the A.I. Polezhaev Mordovia State Pedagogical Institute (now the N.P. Ogarev Mordovia State University) N.N. Andreeva (Kuzovenkova) in February 1949. The letter was published in magazine “Strannik” (2021, No. 2). The article provides information about the author of the letter and about her family. The material of the study is oral memoirs of N.N. Andreeva (Kuzovenkova) about M.M. Bakhtin recorded by the authors of the article in the late 1980s.

Keywords: M.M. Bakhtin, Mordovia State University, history of Mordovia, culture of Mordovia, higher education in Mordovia.

1. *Belinskij V.G.* Sobranie sochinenij v 3-h t. T. 2: Stat'i i recenzii 1841–1845 / pod obshch. red. F.M. Golovenchenko; red. t. 2 S.P. Bychkov. M.: OGIZ, GIHL, 1948. 935 s.
2. *Estifeeva V.B.* Vospominaniya o Bahtine (Vtoroe desyatiletie v Saranske) // Dialog. Karnaval. Hronotop. 2000. № 2. S. 127–151.
3. *Zimina A.N.* Derevenskaya povest' Nekrasova // Uchenye zapiski Udmurtskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Vyp. 1. Izhevsk, 1946. S. 22–31.
4. *Zimina A.N. M.E.* Saltykov-Shchedrin v Vyatskom krae // Ob udmurtskom fol'klоре i literature. Vyp. 1. Izhevsk: UdNIIELYA pri SM UASSR, 1973. S. 72–87.
5. *Zimina A.N.* Nekrasov-belletrist // Trudy Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury. M., 1939. T. 3. S. 160–201.
6. *Zimina A.N.* Problema lishnego cheloveka v tvorchestve Nekrasova 50-h godov: (Poema «Sasha», roman «Tonkij chelovek, ego priklyucheniya i nablyudeniya») // Uchenye zapiski Udmurtskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. Vyp. 10. Izhevsk, 1956. S. 99–118.
7. *Klyueva I.V.* «V kazhdom iz nas on videl cheloveka...»: M.M. Bahtin v vospriyatii saranskikh studentov // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. T. 20. № 6. S. 62–67.
8. *Klyueva I.V.* Obraz M.M. Bahtina v romane V.F. Egorova «Kamni rastut i svetyat» // Paradigmy universitetskoj istorii i perspektivy universitetologii (k 50-letiyu CHuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ul'yanova). VII Arsent'evskie chteniya. CHEboksary: OOO ID «Sreda», 2017. S. 39–43.
9. *Klyueva I.V., Zemkova N.N.* Sobranie inskriptov na izdaniyah iz lichnoj biblioteki M.M. Bahtina. K 125-letiyu so dnya rozhdeniya myslitelya. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2020. 320 s.
10. *Klyueva I.V., Lisunova L.M.* Nam tak hotelos' poblagodarit' ego...»: M.M. Bahtin glazami saranskikh studentov, slushatelej, kolleg // Centr i periferiya. 2021. № 3. S. 87–95.
11. *Klyueva I.V., Lisunova L.M.* Saransk, Mordovskij universitet, M.M. Bahtin v vospominaniyah E.V. Konyuhovoj // Problemy metodologii i metodiki monitoringa social'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov Rossijskoj Federacii. Materialy Vseross. nauch.-praktich. konf. s mezhdunar. uchastiem, posvyashch. 15-letiyu GKU RM «NCSEM». Saransk: GKU RM «NCSEM», 2017. S. 339–349.
12. *Lejtes N.S.* Iz istorii moej sem'i: stranicy vospominanij / pod red. R.S. Spivak. Perm': Perm. gos. nac. issled. un-t, 2015. 184 s.
13. *Neru Dzh.* Avtobiografiya / per. s angl. M.: Izd-vo inostr. lit., 1955. 656 s.
14. *Pis'mo M.M. Bahtinu* // Strannik. 2021. № 2 (mart-aprel'). S. 83–83.

Архитектурные свидетели жизни и творчества М.М. Бахтина в Саранске

© 2022 Н.Ю. Лысова

*Лысова Надежда Юрьевна, кандидат философских наук,
доцент кафедры архитектуры и дизайна
Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева
E-mail: lysova-nu@mail.ru*

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева.
Саранск, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается архитектурная среда и памятники исторического центра Саранска, с которыми была связана жизнь и деятельность М.М. Бахтина. Анализируется как облик конкретных зданий, «помнящих» ученого, так и архитектурные ансамбли столицы Мордовии, сложившиеся в середине XX в. Выжившие в перипетиях прошлого столетия старинные здания и вновь построенные типовые жилые дома приобрели в третьем тысячелетии статус уникальных мемориальных объектов, правдиво свидетельствующих о жизни великого мыслителя.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, Саранск, городская среда, памятник архитектуры, мемориальные объекты, память.

Современное пространство Саранска, формировавшееся на протяжении трех с половиной столетий, наполнено именами замечательных деятелей науки и искусства, так или иначе, связанных с судьбой столицы Мордовии. Два из них всемирно известны и особенно значимы для культурного потенциала республиканского города: скульптор Степан Дмитриевич Эрзя и литературовед и философ Михаил Михайлович Бахтин. Можно с уверенностью констатировать, что Саранск известен в художественном и научном мире именно благодаря их творчеству.

Так случилось, что Эрзя никогда не бывал в городе, в котором хранится сегодня богатейшая коллекция его произведений, тогда как Бахтин прожил в Саранске более четверти века. Поэтому тема, заявленная в данной статье, становится актуальной именно в связи с его жизнью и творчеством. Тем более что годы, прожитые ученым в столице Мордовии, совпадают с кардинальным изменением ее архитектурного облика, с утратой исторической среды старинного уездного города Пензенской губернии и превращением его в центр автономной советской республики.

Периоды жизни Бахтина в Саранске различны по продолжительности. Первый этап – короткий (1936–1937 гг.). В это время молодой ученый увидел тот город, который до сегодняшнего дня не сохранился. Лишь несколько старинных архитектурных сооружений по-прежнему занимают свое первоначальное историческое место в средовом контексте. Второй период, длиной почти в четверть века, приходится на 1945–1969 гг., когда Михаил Михайлович стал очевидцем строительства нового центра Саранска, существующего и в начале XXI столетия. Поэтому большинство зданий, формирующих центр современного города, являются архитектурными свидетелями жизни и деятельности великого ученого.

Роль свидетеля вполне органична для архитектурного объекта. Он способен запоминать, фиксировать, удостоверять и транслировать во времени прошедшие события и человеческие судьбы, своеобразно визуализируя их для новых поколений. Одну из своих заметок Бахтин посвятил феномену «свидетеля и судии». Размышляя о том, кто может стать потенциальным свидетелем, ученый отмечает, что «может быть, не только звери, но и деревья и трава» способны свидетельствовать и судить. Свидетель же, по его мнению, воспринимается как «главное действующее лицо события» [2, с. 520], признающее и оправдывающее сам ход

истории. В этой связи архитектурная среда становится одним из наиболее достоверных очевидцев человеческой жизни, прошедшей в ее пространстве.

Самыми правдивыми «очевидцами» жизни известного человека принято считать мемориальные дома. Саранску в какой-то мере повезло: он сохранил именно те архитектурные строения, в которых располагались и первая, и вторая квартиры великого мыслителя. К сожалению, они не обладают официальным статусом мемориального дома, а их приватное пространство не стало музейным. Оба объекта идентифицируют местожительство Бахтина во второй период пребывания в Саранске.

Первый приезд Бахтина в столицу Мордовии был кратковременным, а первоначальное пристанище не сохранилось до наших дней. Известно, что, приехав в 1936 г. в Саранск, Бахтин поселился в гостинице «Центральная» [см.: 4, с. 28; 6, с. 253] на ул. Советской. Она была введена в строй в 1937 г. и снесена в конце 1990-х гг. при строительстве Свято-Федоровского собора. Примечательное в архитектурном отношении четырехэтажное здание в стиле конструктивизма, стояло на перекрестке Советской и Большевицкой улиц.

Во второй раз Бахтин приехал в Саранск осенью 1945 г. «Сразу же по приезде... Бахтиным была предоставлена комната в институтском доме в центре города. ...дом этот в прошлом представлял собой один из корпусов Саранской уездной тюрьмы. После ликвидации тюрьмы корпус переоборудовали в жилой дом для преподавателей пединститута», – свидетельствует Конкин [6, с. 258].

Дом по адресу: Советская, 34, где М.М. Бахтин жил в 1945–1959 гг.

http://photos.wikimapia.org/p/00/07/56/13/13_big.jpg

Здание бывшего тюремного замка, входившее в ансамбль присутственных мест и выстроенное в середине XIX в., сохранилось до сих пор на ул. Советской, 34. Оно представляет собой строгую двухэтажную постройку с гладкими стенами и четырехскатной крышей, возведенную по образцовому проекту в стиле позднего классицизма. Небольшая комната, в которой знаменитый философ жил с женой около 14 лет – с 1945 до 1959 г., находилась на втором этаже дома (сегодня это третий этаж).

Фасад значимого для культуры города архитектурного объекта пока не отмечен даже мемориальной доской, хотя неоднократно вносилось предложение о создании в историческом здании мемориального музея великого мыслителя (в частности, выпускницей архитектурно-строительного факультета МГУ им. Н.П. Огарева Л. Стручковой был выполнен дипломный проект под руководством В.Б. Махаева, в котором предлагалось воссоздать достоверный интерьер бахтинской комнаты).

В 1959 г. был введен в эксплуатацию многоквартирный жилой дом на ул. Советской, 31, на втором этаже которого Бахтин получил просторную двухкомнатную квартиру. Ученый жил здесь в 1959–1969 гг., о чем свидетельствует строгая мемориальная доска с выбитым на темном граните текстом, установленная на фасаде здания со стороны ул. Володарского.

Первая мемориальная доска на этом здании была торжественно открыта в 1979 г., спустя четыре года после смерти Бахтина. Инициаторами установления доски стали его коллеги – ученые Мордовского университета [см.: 5, с. 242]. Недавно, после ремонта здания на нем была установлена новая мемориальная доска, посвященная мыслителю (с тем же текстом).

Дом по адресу: Советская, 31, где М.М. Бахтин жил в 1959–1969 гг. Справа от него – Дом Советов (Советская, 26). Фотография с сайта Мордовской республиканской библиотеки им. А.С. Пушкина. URL: <https://natlibraryrm.ru/онлайн-экскурсия-старый-и-новый-сара-4/>

Жилое здание, возведенное по типовому проекту, фланкирует центральную площадь столицы с восточной стороны и в архитектурном плане представляет собой Г-образное сооружение с уютным внутренним двором, возведенное в стиле сталинского ампира. На первом этаже по ул. Советской располагались помещения для магазинов с большими полуциркульными окнами. В беседе с В.Д. Дувакиным Бахтин вспоминал: «...в Саранске мне было хорошо... в материальном отношении... Нам дали отдельную квартиру, две комнаты... Комнаты были большие, потолки были высокие... очень хороший дом. В самом центре. Против него находилось все правительство...» [1, с. 245].

Из окна своей квартиры Бахтин мог видеть главные архитектурные доминанты, формирующие ансамбль центральной площади столицы Мордовии. Одну из них – Дом

Советов философ упоминает в своем интервью (называя его Домом правительства). Это самый монументальный и презентабельный архитектурный объект сталинской эпохи в столице Мордовии, возведенный в 1940 г. в стиле советского неоклассицизма по проекту молодого ленинградского архитектора И.А. Меерзона. Мощный объем сооружения состоит из двух П-образных корпусов – шести- и четырехэтажного, образующих красивый внутренний двор. Торжественен главный пятиэтажный фасад правительственного здания, декорированный полуколоннами и пилястрами гигантского ордера, охватывающими в центре сразу четыре этажа. Широкий лестничный марш и строгий венчающий карниз усиливают образное решение сооружения. Завершает фасад барельефный фриз «Дружба народов», выполненный скульптором И.Н. Абрамовым с группой студентов Пензенского художественного училища. Интересно решен боковой фасад здания, выходящий на площадь: в цокольном этаже Меерзон запроектировал правительственную трибуну, на которую можно было выйти непосредственно из помещения корпуса.

Здание администрации городского округа Саранск (Советская, 30). URL:
<https://wikimapia.org/953005/ru/Администрация-городского-округа-Саранск#/photo/3587067>

Старейшим архитектурным памятником Советской площади и в целом Саранска является ныне здание городской администрации, построенное в 1915 г. по проекту инженера П. Бенфельдта как многофункциональный «торгово-развлекательно-образовательный комплекс» начала XX в. До революции здесь одновременно размещались купеческий клуб с бильярдной и карточной, магазины и учительская семинария. Трехэтажное здание, возведенное в «кирпичном стиле», является памятником архитектуры регионального значения. Очевидно, что данный объект был хорошо знаком Бахтину. Этому способствовало его месторасположение – совсем рядом и с первой, и со второй его квартирами, из окон которых был виден его внушительный кирпичный объем.

«Дом с часами». Ул. Советская, 47. URL:
<http://wikimapia.org/4370248/ru/Советская-ул-47#/photo/3587062>

С западной стороны ансамбль главной площади Саранска замыкает «Дом с часами» (ул. Советская, 47). Многоквартирный четырехэтажный жилой дом с торговыми помещениями на нижнем этаже был введен в эксплуатацию в 1941 г. Бахтин «встречался» с ним ежедневно, поскольку здание располагалось в непосредственной близости от «тюрьмы». Несмотря на типовый проект, здание, теперь уже старинное (ему более 80 лет), смотрится весьма эффектно. Композиционно расположенное на углу двух улиц – Советской и Льва Толстого – оно состоит из двух прямоугольных в плане корпусов, соединенных своеобразным башенным объемом с большими лоджиями на трех верхних этажах. На втором и третьем этажах проемы лоджий прямоугольные, на четвертом – полуциркульные, ограниченные снизу рядом балясин. (В 1940 г. идентичный дом был построен на ул. Васенко, 1.)

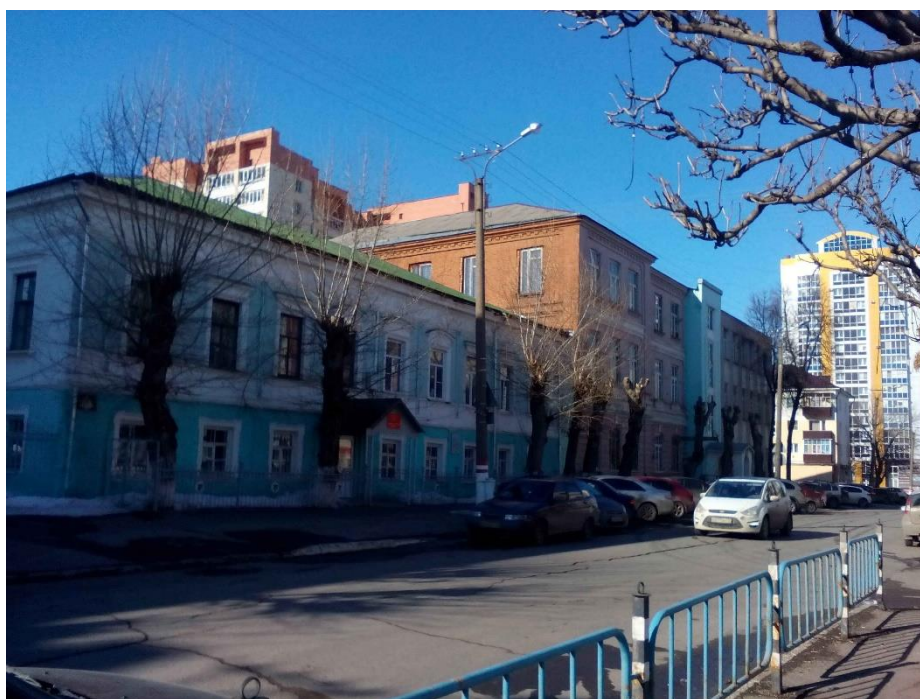
На южной стороне площади, по ул. Советская, 33 расположен еще один многоквартирный жилой дом, строительство которого Бахтин, безусловно, наблюдал из окон своей второй квартиры. Построенный и заселенный в 1965 г., он состоит из двух больших объемов – шести- и пятиэтажного с просторными, освещаемыми витражными окнами помещениями на первом этаже. В 1966 г. в одном из них был открыт старейший книжный магазин Саранска, в другой была переведена картинная галерея им. Ф.В. Сычкова. Михаил Михайлович посещал галерею в 1960 г., когда она находилась в другом помещении, расположенном также рядом с его домом [см.: 3]. Нам неизвестно, посещал ли Бахтин магазин «Книжный мир» (поскольку в последние годы в Саранске он был уже тяжело болен), но это здание хорошо просматривалось из его окна.

Ул. Советская, 33. URL:

<https://img.dmcl.ru/s640x1136q80/b3/d7/b3d7f7a343388408d4e737955bb871864671baf3.jpg>

Недалеко от дома Бахтина на улицах Володарского и Советской и сегодня расположены здания, функция которых не изменилась с 1960-х гг. Это старейшие университетские корпуса, в которых ученый мог читать лекции или просто бывать на общеуниверситетских мероприятиях (заседаниях, конференциях и т. д.).

Университетский корпус № 5 (Володарского, 22). URL:

http://patriotrm.clan.su/publ/ulica_volodarskogo/1-1-0-573

Учебный корпус № 5, состоящий сегодня из двух зданий – двухэтажного и трехэтажного – находится на ул. Володарского и мог быть виден в уличной перспективе из окон бахтинской квартиры. Оба здания строились в начале XX в. для Саранского реального училища. Первое из них было возведено в 1907 г. Его эклектичные фасады смотрятся декоративно. Первый этаж, отделенный от второго межэтажной тягой, решен как цокольный. Он ниже, чем следующий, его небольшие окна обрамлены простыми наличниками с ушками. Верхний этаж берет акцент на себя за счет высоких прямоугольных окон, обрамленных наличниками с сандриком. Три центральных окна главного фасада выделены наличниками с лучковыми сандриками. Венчает небольшое по размерам здание широкий фриз, украшенный штампованной лепниной и простой по форме карниз.

Трехэтажный корпус выстроен на пять лет позже, в 1912 г. в кирпичном стиле. Здание сохранило не только свои фасады, но и старинные интерьеры с большими прямоугольными оконными проемами в аудиториях. Вполне возможно, что Михаил Михайлович не просто проходил мимо внушительного фасада здания, декорированного межэтажными профильными карнизами, кладкой, имитирующей руст, замковыми камнями над окнами первого этажа, но и какое-то время работал в корпусе. Мемориальная табличка на его фасаде информирует о том, что именно в этом корпусе в 1931 г. было открыто высшее учебное заведение г. Саранска – Мордовский агропединститут.

Университетский корпус № 4. Ул. Советская, 24. URL:
<https://avatars.mds.yandex.net/get-altav/2813737/2a0000017417051ae51659eed221e3eeffbad/XXL>

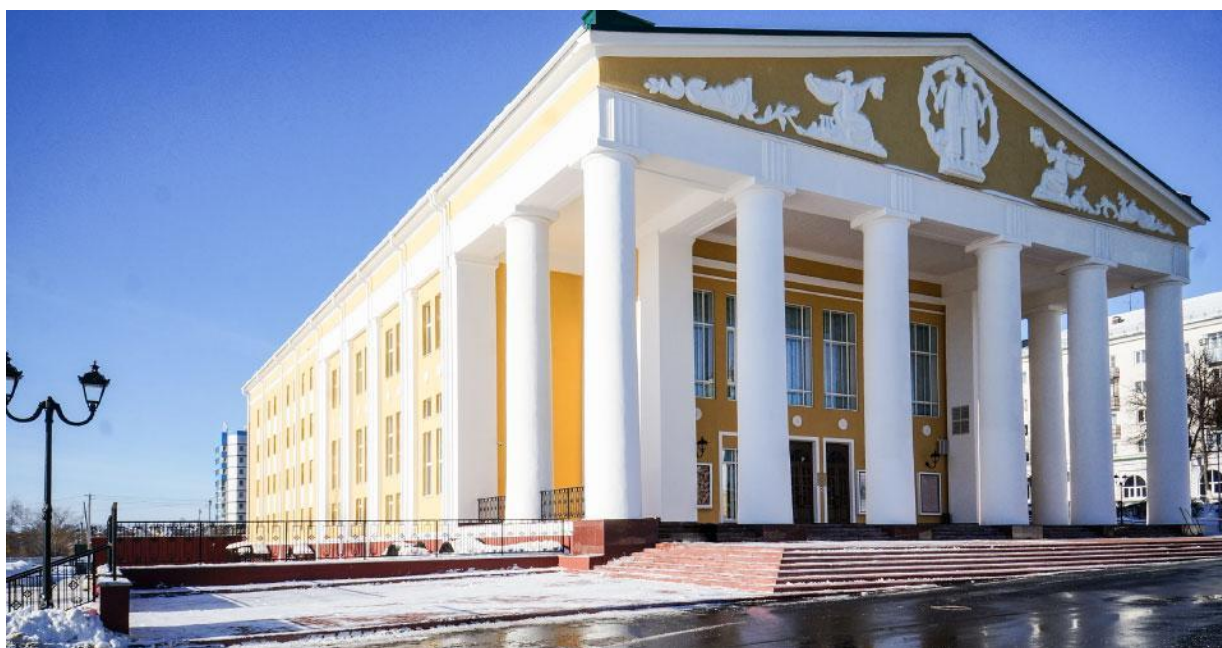
Корпус № 4, расположенный по ул. Советской, 24, имеет свою историю. Он был возведен по проекту инженера В.И. Плетнева в 1931–1936 гг. как здание комвуза (позднее Мордовская партийная школа) и, скорее всего, был знаком Бахтину уже в первый его приезд в Саранск. Тогда он представлял собой простой трехэтажный объем, решенный в стиле конструктивизма. Его главный, северный фасад не был отмечен торжественным четырехколонным неоклассицистическим портиком, он получил его при реконструкции здания архитектором С.О. Левковым в 1946 г. В 1967 г. портик был завершен треугольным фронтоном. Именно таким его мог видеть Бахтин в конце 1960-х гг. перед своим отъездом из Саранска в Москву. При реконструкции здания в 1972 г. к прямоугольному объему были пристроены боковые крылья и актовый зал, и корпус получил современный облик.

Напротив университетского здания – на противоположной стороне ул. Советской расположен Выставочный зал Мордовского республиканского музея изобразительных искусств им. С.Д. Эрзи. Именно здесь, в реконструированном в 1960 г. здании городского пожарного депо, находилась первоначально Республиканская картинная галерея им. Ф.В. Сычкова. Проект реконструкции был выполнен С.О. Левковым. При этом фасад целостного одноэтажного объема приобрел строгий неоклассицистический облик.

Достоверно неизвестно, общался ли Бахтин с Левковым, но знакомы они были, возможно, встречались в университете, на выставках, в театре. Архитектор приехал в Саранск

в то же время, что и ученый – в 1945 г. Творческий взлет известного саранского градостроителя пришелся на 1950–1960-е гг. Именно неоклассицистические сооружения Левкова придали республиканской столице представительность, обогатили ее архитектурную среду, стали узнаваемыми знаковыми доминантами исторического центра, а в начале третьего тысячелетия приобрели статус архитектурных памятников регионального значения.

Среди наиболее значительных построек Левкова, дошедших до наших дней – Дом Союзов (1957), корпус № 3 МГУ им. Н.П. Огарева (бывшая Школа руководящих колхозных кадров, 1957), музыкальная школа № 1 (бывший Дом политпросвещения, 1953), входные ворота-пропилеи в Центральном парке им. А.С. Пушкина (1957). Безусловно, все архитектурные сооружения Левкова, были хорошо известны Бахтину. Вероятно, он следил за их возведением, отмечал их репрезентативный облик во вновь формирующемся в те годы архитектурном образе республиканской столицы.

Здание Русского драматического театра. Ул. Советская, 60.

Фотография с официального сайта компании «Имлайт».

URL: <https://www.imlight.ru/news/kompleksnye-proekty/saransk-russkij-dramaticheskij-teatr/>

В связи с именем Бахтина невозможно не упомянуть еще два архитектурных памятника Саранска: здание Русского драматического театра и Республиканской библиотеки им. А.С. Пушкина. Известно, что и в том, и в другом Михаил Михайлович бывал не однажды.

С.С. Конкин свидетельствует «о постоянном общении Михаила Михайловича с артистами Мордовского музыкально-драматического театра, для которых он прочитал не один цикл лекций по проблемам театра и театральной эстетики» [6, с. 268]. Бахтин посещал премьерные спектакли театра, а затем анализировал их в своих рецензиях, публикуемых в периодической печати Мордовии. Встречи с актерами, просмотры спектаклей проходили в здании театра на ул. Советской, 60, построенном в стиле советского неоклассицизма в 1961 г. по проекту известного московского архитектора Саломеи Максимовны Гельфер. Очевидно, что композиционное решение навеяно античной храмовой архитектурой. Облик величественного здания совпадает с образом классического древнегреческого периптера. Торжественность главному фасаду и входу в театр придает восьмиколонный дорический портик, завершенный простым фризом с редко расположенными триглифами и пологий треугольный фронтон. Боковые фасады украшены пилястрами. В 1960-х гг. Михаил Михайлович видел несколько иное здание. При его жизни и около 20 лет спустя поле фронтона

было совершенно гладким, лишенным декоративной лепнины, и постройка казалась незавершенной. Лишь в конце 1980-х гг. там разместили современную барельефную композицию.

**Мордовская республиканская детская библиотека (Большевистская, 39).
Фотография с официального сайта Министерства культуры, национальной политики
и архивного дела Республики Мордовия.**

URL: [https://mktrm.ru/images-resize/85 4 860 440 fjlvpkt2fui.jpg](https://mktrm.ru/images-resize/85_4_860_440_fjlvpkt2fui.jpg)

Республиканскую библиотеку на ул. Большевистской, 39 ученый посещал неоднократно. В первый саранский период (1936–1937) Бахтин мог видеть строительство этого культурного объекта, во второй – воплощенный в действительность проект. Двухэтажное здание было построено в 1939 г. в стиле советского неоклассицизма. Тогда же библиотеке было присвоено имя А.С. Пушкина. Композиция фасадов здания строго симметрична. Центр выделен портиком с четырьмя квадратными в сечении стилизованным композитными колоннами и двумя узкими окнами, равными по высоте колоннам, расположенным по краям центрального ризалита. Боковые фасады здания декорированы пилястрами. В 1970 г. здание было передано Мордовской республиканской детской библиотеке.

«Пусть свидетель может видеть лишь ничтожный уголок бытия – все непознанное и неувиденное им бытие меняет свое качество (смысл), становясь непознанным и неувиденным бытием, а не просто бытием, каким оно было без отношения к свидетелю», – писал Бахтин [2, с. 522]. Архитектура, выступая в роли свидетеля, способна опосредованно запоминать событийный ряд человеческой жизни и визуализировать ее реальное пространство.

Городские маршруты Бахтина не были протяженными и длительными. Все они концентрировались в историческом центре Саранска: дом – работа (университетские корпуса) – библиотека, книжный магазин – изредка театр, выставки, прогулки в городской парк. Именно по этому принципу в статье выбирались здания – архитектурные свидетели жизни и

деятельности ученого. Так сложилось, что среди них не много уникальных авторских объектов, старинных памятников. Типовые постройки в основном принадлежат одному времени – второй и третьей четверти XX столетия, одному стилю – советскому неоклассицизму. Ценность сложившейся архитектурной среды – в ее непреднамеренном органичном наполнении. Она – свидетель бытия великого мыслителя.

1. *Бахтин М.М.* Беседы с В.Д. Дувакиным. М.: Согласие, 2002. 400 с.
2. *Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1986. 543 с.
3. *Клюева И.В.* «Беспокойное величие века» (Творчество С. Эрзи в контексте идей М.М. Бахтина // М.М. Бахтин и современные гуманитарные практики. Материалы конференции в рамках первой Красноярской Музейной Биеннале (к 100-летию М.М. Бахтина). Красноярск: ККИ и МК «Музейный центр на Стрелке», 1995. С. 70–72.
4. *Клюева И.В., Лисунова Л.М.* М.М. Бахтин – мыслитель, педагог, человек. Саранск: «Красный Октябрь», 2008. 468 с.
5. *Клюева И.В., Лисунова Л.М.* Роль А.И. Сухарева в увековечении памяти М.М. Бахтина // Развитие социального пространства России: новые вызовы и перспективы / Материалы Всерос. науч.-практич. конф. Саранск, ГКУ РМ «НЦСЭМ», 2018. С. 239–245.
6. *Конкин С.С., Конкина Л.С.* Михаил Бахтин: страницы жизни и творчества. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. 400 с.

Architectural witnesses of M.M. Bakhtin's life and work in Saransk

© 2022 N.Yu. Lysova

*Lysova Nadezhda Yu., Candidate of Philosophy, Associate professor
of the Department of Architecture and Design
at the Mordovia State University
E-mail: lysova-nu@mail.ru*

N.P. Ogarev National Research Mordovia State University. Saransk, Russian Federation

Annotation. The article deals with the architectural environment and monuments of Saransk historical center, connected with the life and work of M.M. Bakhtin. It analyzes both the appearance of specific buildings which “remember” the scientist and the architectural ensembles of Mordovia’s capital took shape in the middle of the 20th century. The ancient buildings survived the vicissitudes of the last century and newly built typical residential houses acquired in the third millennium the status of unique memorial objects, truthfully testifying to the life of the great thinker.

Keywords: M.M. Bakhtin, Saransk, urban environment, architectural monument, memorial objects, memory.

1. *Bahtin M.M.* Besedy s V.D. Duvakinym. M.: Soglasie, 2002. 400 s.
2. *Bahtin M.M.* Literaturno-kriticheskie stat'i. M.: Hudozh. lit., 1986. 543 s.
3. *Klyueva I.V.* «Bespokojnoe velichie veka» (Tvorchestvo S. Er'zi v kontekste idej M.M. Bahtina // M.M. Bahtin i sovremennye gumanitarnye praktiki. Materialy konferencii v ramkah pervoj Krasnoyarskoj Muzejnoj Biennale (k 100-letiyu M.M. Bahtina). Krasnoyarsk: KKI i MK «Muzejnyj centr na Strelke», 1995. S. 70–72.
4. *Klyueva I.V., Lisunova L.M.* M.M. Bahtin – myslitel', pedagog, chelovek. Saransk: «Krasnyj Oktyabr'», 2008. 468 s.
5. *Klyueva I.V., Lisunova L.M.* Rol' A.I. Suhareva v uvekovechenii pamyati M.M. Bahtina // Razvitie social'nogo prostranstva Rossii: novye vyzovy i perspektivy / Materialy Vseros. nauch.-praktich. konf. Saransk, GКУ RМ «NЦSEM», 2018. S. 239–245.
6. *Konkin S.S., Konkina L.S.* Mihail Bahtin: stranicy zhizni i tvorchestva. Saransk: Mord. kn. izd-vo, 1993. 400 s.

«Средневековый смех» М.М. Бахтина в рыцарском романе «Мерлин» Робера де Борона*

© 2022 А.А. Аббасова

*Аббасова Алена Арифовна, студент факультета гуманитарных наук (ОП «Филология»)
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
E-mail: abbasovahel@gmail.com*

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Москва, Российская Федерация

*Публикация подготовлена в ходе проведения исследования (№ 22-00-067)
в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2022 г.

Аннотация. В книге о Франсуа Рабле М.М. Бахтин, описывая карнавальную культуру, вводит понятие средневекового смеха и выделяет его функции. Одна из основных особенностей такого смеха, с точки зрения Бахтина, – это «победа над страхом», происходящая за счет разрушения границ и запретов общественной иерархии. В прозаическом переложении рыцарского романа «Мерлин» («Merlin») Робера де Борона, написанном в начале XIII в., смех часто встречается в диалогах между королем Утером Пендрагоном и волшебником Мерлином. Поскольку роман основан на событиях, описанных в хронике Гальфрида Монмутского («Historia Regum Britanniae», 1138) и в переводе на романский язык Васом («Roman de Brut», 1155), а появление смеха в историографии нетипично для средневековой литературы, можно предположить его связь с карнавальными культурами. В докладе мы рассмотрим контекст, в котором возникает смех в романе «Мерлин» и попытаемся определить роль карнавальных образов в «исторических» сюжетах.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, средневековый смех, карнавальная культура, Мерлин, Робер де Борон.

В книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» М.М. Бахтин описывает средневековый смех следующим образом: «Отношение к смеху Ренессанса можно предварительно и грубо охарактеризовать так: смех имеет глубокое миросозерцательное значение, это одна из существеннейших форм правды о мире в его целом, об истории, о человеке; это особая универсальная точка зрения на мир; видящая мир по-иному, но не менее (если не более) существенно, чем серьезность; поэтому смех так же допустим в большой литературе (притом ставящей универсальные проблемы), как и серьезность; какие-то очень существенные стороны мира доступны только смеху» [1, с. 78]. Бахтин также выделяет несколько функций средневекового смеха: всенародность, амбивалентность, универсальность. В рамках исследования мы рассмотрели проявление некоторых из этих функций и аспектов на примере эпизодов рыцарского романа «Мерлин» и попробовали проследить связь между этими эпизодами и средневековой карнавальными культурами.

Первый эпизод, который мы рассмотрим – смена облика короля Утера перед зачатием Артура. Король Утер, влюбившись в Ижерну, обращается к волшебнику Мерлину с просьбой о помощи. Мерлин с помощью волшебных трав меняет облик короля, сделав его похожим на герцога (мужа Ижерны), за счет чего Утеру удастся ночью проникнуть в замок Тинтажель, и в эту ночь происходит зачатие Артура. В одной из вариаций прозаического переложения романа, изданной в цикле «Le livre du Graal», Мерлин смеется перед тем, как решает изменить облик короля: «A ces mots, Merlin se mit a rire et dit: Quand vous aurez prêté serment, je vous dirai comment cela pourra se faire. Le roi fit alors apporter les meilleurs et les plus saintes reliques qu'il possédait et il jura sur elles et sur la bible ce qui avait été convenu à savoir qu'il lui donnerait en toute bonne foi et sans tromperie ce qu'il lui demanderait» [2, с. 723–724].

Здесь, на наш взгляд, можно увидеть сразу два аспекта средневекового смеха, связывающих его с карнавальной культурой. Во-первых, это само переодевание, изменение облика, характерное для карнавала. Во-вторых, то, что за счет этого переодевания разрушается иерархия. Утер из короля становится герцогом, меняя свой социальный статус, и только так он может добиться своей цели – встретиться с Ижерной. В средневековом карнавале все равны, иерархия, присущая «официальной культуре», в нем перестает существовать. Бахтин пишет, что смех «освобождает не только от внешней цензуры, но прежде всего от большого внутреннего цензора, от тысячелетиями воспитанного в человеке страха перед священным, перед авторитарным запретом, перед прошлым, перед властью» [1, с. 106]. Так, волшебник смеется с королем, а король переодевается в герцога.

Другой эпизод, раскрывающий разрушение иерархических границ – насмешка Мерлина над рыцарем. Мерлин с легкостью перекладывает меч из одной руки в другую и говорит стоящему перед ним рыцарю попробовать сделать так же. Рыцарь пытается, но ему не удается это сделать и волшебник начинает смеяться. Когда рыцарь спрашивает, почему тот смеется, Мерлин отвечает: «*Je ris... de che que vous le cuidiés empuingnier*» [5, с. 58]. Рыцарь выше по своему социальному статусу, чем волшебник, поэтому такая насмешка неуместна для официальной культуры и вновь с помощью смеха будто разрушает выстроенную в ней иерархию.

Бахтин пишет об амбивалентности средневекового смеха: он убивает и в то же время возрождает. По его словам, «острое ощущение победы над страхом – очень существенный момент средневекового смеха. Это ощущение находит свое выражение в ряде особенностей смеховых образов средневековья. В них всегда наличен этот побежденный страх в форме уродливо-смешного, в форме вывернутых наизнанку символов власти и насилия, в комических образах смерти, в веселых растерзаниях. Все грозное становится смешным» [1, с. 104].

В прозаическом переложении романа «Мерлин», изданном Гастоном Парисом, встречается эпизод, в котором Мерлин проходит через город и видит похороны ребенка. Посмотрев на клириков, поющих и несущих тело, волшебник останавливается и начинает смеяться, вызывая удивление окружающих: «*Et Merlins vit che duel et les prouvoires et les clers qui chantoient et qui portoient le cors entierer moult vistement, si commencha a rire et s'arrestut. Et li message li demanderent pour coi il rioit*» [4, с. 50]. Здесь в лице Мерлина заметно изменение отношения к смерти, предположительно, из-за связи текста с карнавальной культурой.

С точки зрения Бахтина, смех – одна из «существеннейших форм правды о мире» [1, с. 78], лишь через смех появляется возможность увидеть мир таким, какой он есть на самом деле, смех – особая точка зрения на мир. Исследователь Филипп Менар в своей работе о смехе и улыбке во французском куртуазном романе отмечает, что в цикле под названием «Вульгата Мерлин», куда входит и рассматриваемое нами прозаическое переложение романа Робера де Борона, смех встречается около 50 раз, и смеется чаще всего сам Мерлин [см.: 3, с. 425].

Еще Гальфрид Монмутский в своей латинской хронике «История королей Британии» (и в «Жизни Мерлина») описывает пророчества этого великого волшебника, которые всегда сбываются. Например, именно он предсказал рождение короля Артура, которому удастся объединить все земли. Таким образом, можно предположить, что частый смех Мерлина объясняется его особенностью, его магическими способностями. Он словно отделен от остальных и единственный видит правду о жизни, недоступную другим. Это можно проследить и в самом романе на примере нескольких эпизодов, в которых Мерлин смеется и предсказывает, что произойдет в будущем: «*Quant Merlins vit le vilain, si en rist. Et li message qui le menoient li demanderent pour coi il avoit ris. Et Merlins dist: "Pour che vilain que vous veés chi. Ore li demandés que il veut faire de che cuir que il em porte, et il vous dira que il en vaura ses sollers affaitier. Et vous le sivrés, et je vous di que il sera mors avant que il viegne en sa maison"*»; «*Merlin, accompagnant les messagers, traverse une ville; il voit un vilain qui reporte chez lui du cuir qu'il vient d'acheter pour réparer ses souliers, et il se met à rire; interrogé, il explique que le vilain sera mort avant d'arriver chez lui; deux des messagers le suivent et le voient, en effet, tomber mort*

sur le chemin» [4, с. 49, 280]. По мнению Менара, этот смех пророческий, в лице Мерлина как бы раскрывающий правду жизни, что указывает и на связь с карнавальной культурой. Герой часто смеется перед важными открытиями, как и в приведенных эпизодах [3, с. 425].

Если посмотреть на предшествующие роману «Мерлин» тексты, в которых излагается история жизни этого волшебника (произведение «Жизнь Мерлина» Гальфрида Монмутского, написанное около 1150 г. и его же латинскую прозаическую хронику 1138 г. под названием «История королей Британии» («*Historia Regum Britanniae*»), а также вольный перевод этой хроники на народный «романский» язык – «Роман о Бруте» («*Roman de Brut*»), выполненный Васом около 1155 г.), можно заметить, что в хронике речь Мерлина не сопровождается смехом, но уже в «Жизни Мерлина», написанной чуть позже, есть эпизод, в котором герой смеется, а в «Романе о Бруте» смех, по наблюдению Менара, встречается уже 8 раз [3, с. 425]. Исходя из этого, можно проследить развитие образа героя. В первоначальном источнике – хронике Гальфрида Монмутского смех Мерлина отсутствует, в его же «Жизни Мерлина» и у Васа он встречается редко, а в прозаическом переложении романа Робера де Борона речь Мерлина периодически сопровождается смехом, который становится одной из составляющих его образа.

Таким образом, учитывая все приведенные ранее эпизоды и их связь с некоторыми из отмеченных Бахтиным функций и особенностей средневекового смеха (разрушение иерархии, избавление от страха, карнавальное переодевание и т. д.), можно предположить связь образа Мерлина с карнавальной культурой. Учитывая эволюцию истории о жизни Мерлина (от Гальфрида Монмутского до рассматриваемого нами Робера де Борона), можно отметить, что карнавальная культура наиболее заметно проникает в этот текст ближе к началу XIII в.

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 4(2). М.: Языки славянских культур, 2010. 752 с.
2. Le livre du Graal. I: Joseph d'Arimathie, Merlin, Les premiers faits du roi Arthur éd. Daniel Poirion et Philippe Walter, Anne Berthelot, Robert Deschaux, Irène Freire-Nunes et al. Paris: Gallimard, 2001. 1917 p. (Bibliothèque de la Pléiade, 476)
3. Ménard Ph. Le rire et le sourire dans le roman courtois en France au Moyen Age (1150–1250). Genève: Droz, 1969. 802 p.
4. Merlin: roman en prose du XIIIe siècle. T. 1 / publ. avec la mise en prose du poème de Merlin de Robert de Boron d'après le manuscrit appartenant à M. Alfred H. Huth par Gaston Paris et Jacob Ulrich. Paris: Firmin Didot, 1886. XCI–280 p.
5. Merlin: roman en prose du XIIIe siècle. T. 2 / publ. avec la mise en prose du poème de Merlin de Robert de Boron d'après le manuscrit appartenant à M. Alfred H. Huth par Gaston Paris et Jacob Ulrich. Paris: Firmin Didot, 1886. 308 p.

M.M. Bakhtin's «medieval laughter» in «Merlin» by Robert de Boron*

© 2022 A.A. Abbasova

*Alyona Arifovna Abbasova, student at the Faculty of Humanities
(Educational program «Philology»)
at the National Research University – Higher School of Economics
E-mail: abbasovahel@gmail.com*

National Research University – Higher School of Economics
Moscow, Russian Federation

*The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program
at the HSE University in 2022 (grant № 22-00-067)

Abstract. M.M. Bakhtin, while describing the carnival culture in his book about François Rabelais, uses the term “medieval laughter” and points out its characteristics. One of the main characteristics of this laughter, according to Bakhtin, is that it destroys the boundaries and restrictions of social hierarchy and, as a

result, defeats the fear of it. In the prose version of “Merlin” by Robert de Boron, written in the beginning of the XIII century, it is possible to notice laughter in the dialogs between the king Uther Pendragon and the sourcerer Merlin. Considering the fact that this romance is based on events previously described in the latin chronicle by Geoffrey of Monmouth (“*Historia Regum Britanniae*”, 1138) and its free translation to “romance” language by Wace (“*Roman de Brut*”, 1155) and the fact that this laughter is unusual for medieval literature, we can suppose its connection to the carnival culture. In this work we will look at the context, in which laughter appears in “Merlin”, and try to figure out the role of carnival motives in “historical” narrative.

Keywords: M.M. Bakhtin, medieval laughter, Merlin, Robert de Boron, carnival culture.

1. *Bakhtin M.M.* Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa. M.: Hudozhestvennaja literatura, 1990. 543 s.
2. Le livre du Graal. I: Joseph d'Armathie, Merlin, Les premiers faits du roi Arthur éd. Daniel Poirion et Philippe Walter, Anne Berthelot, Robert Deschaux, Irène Freire-Nunes et al. Paris: Gallimard, 2001. 1917 p. (Bibliothèque de la Pléiade, 476)
3. *Ménard Ph.* Le rire et le sourire dans le roman courtois en France au Moyen Age (1150–1250). Genève: Droz, 1969. 802 p.
4. Merlin: roman en prose du XIIIe siècle. T.1 / publ. avec la mise en prose du poème de Merlin de Robert de Boron d'après le manuscrit appartenant à M. Alfred H. Huth par Gaston Paris et Jacob Ulrich. Paris: Firmin Didot, 1886. XCI–280 p.
5. Merlin: roman en prose du XIIIe siècle. Tome 2 / publ. avec la mise en prose du poème de Merlin de Robert de Boron d'après le manuscrit appartenant à M. Alfred H. Huth par Gaston Paris et Jacob Ulrich. Paris: Firmin Didot, 1886. 308 p.

Адам де ла Аль в свете М.М. Бахтина

© 2022 А.А. Любавина

*Любавина Алеся Алексеевна, студент факультета гуманитарных наук (ОП «Филология»)
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
E-mail: lyubavinaalesya@gmail.com*

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
Москва, Российская Федерация

Аннотация. В книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса» М.М. Бахтин называет пьесу Адама де ла Аля «Игра в беседке» («Jeu de la Feuillée», 1262) «замечательным образцом чисто карнавального чистого видения и понимания жизни и мира». В статье рассматривается, как на основе этой пьесы Бахтин формулирует основные принципы и функции народно-праздничных форм. Автор статьи дополняет его теорию другими, не менее «карнавальными» сочинениями Адама де ла Аля – стихотворными дебатами жё-парти (jeux-partis).

Ключевые слова: западноевропейская средневековая литература, средневековые дебаты, Адам де ла Аль, средневековая пародия, карнавал.

В своей книге о Рабле М.М. Бахтин рассматривает, в частности, пьесу Адама де ла Аля «Игра в беседке» («Jeu de la Feuillée», 1262) назвав ее «замечательным образцом чисто карнавального видения и понимания жизни и мира...» [1, с. 21]. Согласно Бахтину, «эта первая комическая драма Франции использует праздник карнавального типа, использует его тематику и связанные с ним права на выход из обычной жизненной колеи, права на вольность в отношении ко всему официальному и освященному. Здесь все это использовано еще довольно просто, но зато очень наглядно. Драма эта с начала и до конца глубоко карнавализована» [1, с. 283].

Бахтин пишет, что Адам де ла Аль использует народно-праздничные формы очень просто, а потому для нас их функции проявляются крайне наглядно, и гораздо удобнее разобрать их именно на этом простом примере. Поэтому в качестве исходного пункта Бахтин решает проанализировать именно «Игру в беседке», а уже затем показать, как функции народно-праздничных форм проявляются у Рабле. Ученый увидел в этой пьесе «почти весь раблезианский мир в его зачатках» [1, с. 285]. Бахтин считал, что функции народно-праздничных форм в пьесе и романе аналогичны друг другу, хотя в романе они «шире, глубже, сложнее, сознательнее и радикальнее» [1, с. 289].

Анализируя пьесу, Бахтин не обращается к другим текстам, созданным в то же время. С одной стороны, он, конечно, не пишет, что «Игра в беседке» – единственный текст XIII в., где функции народно-праздничных форм оказываются приближенными к раблезианскому миру, но с другой стороны, он явно акцентирует внимание на некоторой исключительности этого текста. Не будем сейчас пересказывать, как именно Бахтин разбирает пьесу. Вместо этого предлагаем посмотреть на основные особенности текста, которые выделяет Бахтин, и попробуем понять, насколько они могут быть применимы к совершенно другой группе текстов, созданной тем же Адамом де ла Алем и его современниками.

В статье речь пойдет преимущественно о группе текстов жё-парти (jeux-partis) – средневековых стихотворных дебатах труверов XIII в. (унаследованных от тенсон трубадуров), тематика которых связана с куртуазной концепцией любви «fin'amors».

В этом споре всегда участвуют два трувера. В первой строфе один задает другому вопрос, предлагающий лишь два варианта ответа. Второму труверу необходимо выбрать любой из вариантов, оставшийся вариант достается первому участнику. Затем труверы спорят (при этом каждый строго придерживается своей позиции) по поводу того, как следует завоевывать даму, как вести себя с ней и т. д. Таким образом, по самой своей структуре жё-парти является игровым жанром: позиция, которую защищают труверы, навязана им

правилами игры, на самом деле они могли не поддерживать ее). В финале жё-парти каждый участник обращается к судьям, резюмируя свою позицию и призывая отдать победу ему.

Несмотря на то, что первые жё-парти исполняются еще в начале XIII в., расцвет этого жанра приходится на 1250–1260-е гг. и оказывается связанным с конкретным местом – городом Аррас, в котором и жил Адам де ла Аль. До нас дошло 189 текстов жё-парти, две трети которых были сочинены именно арраскими труверами. Адам де ла Аль принял участие в 17 дебатах. Бахтин упоминает некие «прения», но конкретно о жё-парти ничего не пишет: «Развиваются различные жанры смеховой риторики: всевозможные “прения” карнавального типа, диспуты, диалоги, комические “хвалебные слова” (или “Прославления”) и др.» [1, с. 21]. Бахтин не уточняет, что именно он имеет в виду под «прениями карнавального типа», но, судя по всему, речь идет о диалогических смеховых жанрах, таких как аллегорические споры зимы с весной, старости с молодостью, отцов с детьми, которые Бахтин еще будет вспоминать позднее. Для нас же важно, что функции, выделенные в «Игре в беседке», на другие тексты XIII в. Бахтин не распространяет.

Перед тем, как мы перейдем к попытке применить тезисы Бахтина к жё-парти, подчеркнем еще одну – крайне важную – особенность этих дебатов. Как мы уже отметили, все они посвящены вопросам куртуазной любви, то есть концепции, которую французские труверы унаследовали от провансальских трубадуров. Однако сама форма дебатов приводит к тому, что один из труверов всегда должен опровергать мнение куртуазного возлюбленного и представлять любовь к даме в совершенно нехарактерном для литературы того периода свете: возвышенная концепция «fin'amors» утрачивает свой благородный, сакральный, характер, любовь «снижается», прозаизируется, поэт уже не служит даме, а прикидывается, насколько общение с ней ему выгодно. Все это позволяет выдвинуть некоторые предположения о пародийном характере жё-парти в контексте средневековой куртуазной литературы.

Теперь вернемся к тому, какие особенности будущего раблезианского мира Бахтин выявляет в пьесе Адама де ла Аль. Первое, на что ученый обращает внимание в «Игре в беседке», – это приуроченность пьесы к празднику: «Пьеса ставилась первого мая, в день ярмарки и народного праздника в Аррасе, – и все действие приурочено к первому мая... Они [праздник и праздничная глупость] дают автору право на неофициальную тематику; больше того – на неофициальную точку зрения на мир. Пьеса эта, при всей ее простоте и непретенциозности, дает особый аспект мира, совершенно чуждый и – в основе своей – глубоко враждебный средневековому мировоззрению и официальному строю жизни. Прежде всего аспект этот веселый и улегченный; существенную роль в нем играет пир, производительная сила, игра, пародийное травестирование...17» [1, с. 283, 289].

Иными словами, во время праздника установленный порядок переворачивается, и уже становится совершенно необязательно придерживаться только официального средневекового мировоззрения. Что касается жё-парти, то их исполнение связано не столько с общими народными праздниками или ярмарками, сколько с собраниями поэтического сообщества. Среди жителей Арраса была крайне распространена практика объединяться в братства по виду деятельности. Так в середине XIII в. возникла литературная академия «Пюи», в которую вступили арраские труверы и именно с которой связывается популярность жё-парти. Известно, что несколько раз в год академия проводила собрания, на которые, кроме действующих членов, приглашалась и арраская аристократия. На собраниях поэты исполняли песни, свои и чужие, состязались друг с другом в жё-парти, а после этой перформативной части устраивался пир [см.: 3, с. 501].

Таким образом, жё-парти исполнялись тоже в рамках определенного увеселительного мероприятия, которое создавало для труверов игровое пространство, позволяющее им на время отречься от прежних мнений и текстов, надеть маски и вступить в спор с куртуазным пониманием любви. Специфика правил жанра была такова, что труверы спокойно могли противоречить самим себе в разных жё-парти. Так, Жан Бретель, самый частый участник собраний, в споре с трувером Гривиле доказывает, что поэту полезнее томиться любовным желанием, чем получать от дамы разрешение на близость, а в споре с Адамом де ла Алем

утверждает, что поэт обязательно должен получить от дамы желаемое. Отметим, что в обоих жё-парти вопросы задает не сам Бретель, а его партнеры, то есть трувер сознательно решает показать зрителям, что он настолько талантлив как поэт, что может отстоять любую точку зрения.

В другом жё-парти Бретель иронизирует над Адамом де ла Алем, замечая, что в реальной жизни тот ведет себя совсем не так, как того требуют куртуазные идеалы, которые он вдруг решил защищать в споре. Прежде, чем просить даму о милости, влюбленный должен, по крайней мере, год доказывать свои чувства, служа ей. Однако поведение самого Адама по отношению не соответствует этому требованию:

... Adan peu kerroie.

Il meïsmes fist ensi que je di :

Il request tost, lues fu fais li otrois,

Bien l'en vint, or le renoie ! [4, I, c. 154]

...Адаму я слабо верю.

Он сам поступал так, как я говорю:

Он требовал сразу, ему тотчас уступали,

Его всё очень устраивало, но теперь он это отрицает!

Соответственно, и аудитория оказывается вовлеченной в празднично-игровое пространство, она понимает его законы и во время дебатов живет по ним, относится к жё-парти как к шуточным, возможно пародийным спорам, как к демонстрации поэтического мастерства, но не как к серьезным дебатам. Отметим, что сами участники жё-парти помимо поэзии занимались еще и весьма практичными вещами: они были не аристократами, а банкирами, торговцами, клириками и землевладельцами. Середина XIII в. в Аррасе ознаменована расцветом новой городской культуры и появлением нового типа людей – буржуа, не имеющих знатного происхождения, сколотивших себе состояние торговлей и финансовыми операциями, которые очень завидовали аристократии и хотели приблизиться к ней [2, с. 109]. Собственно братство и его поэтические состязания позволяли буржуа на время представить себя аристократами (самого популярного участника жё-парти Жана Бретеля они даже наградили титулом «князя»). Игровое пространство позволяло им заявить о себе и вступить в спор с самым излюбленным сюжетом аристократов – куртуазной любовью.

Второе, на что обращает внимание Бахтин, – отсутствие строго разграничения между пьесой и реальной жизнью: «"Игра в беседке" почти не имеет рампы. Пьеса исполняется в Аррасе, и действие ее также происходит в Аррасе, родном городе автора. Участвуют в ней сам автор, молодой трувер, его отец (мэтр Анри), другие граждане Арраса... Дело идет в этой пьесе о намерении Адама покинуть родной город и жену, чтобы ехать учиться в Париж. Так было и на самом деле. Следовательно, и сюжет почти не отделен рампой от реальной действительности... Дается предельно откровенное в духе карнавальная вольности и фамильярности изображение личных и семейных дел самого автора...» [1, с. 283, 284]. При этом ученый подчеркивает, что отсутствие строгой рампы было характерно для всех народно-праздничных форм» [1, с. 292].

В жё-парти труверы постоянно ссылаются на личный опыт. Например, Жан Бретель в одном жё-парти говорит, что дама, в которую он давно влюблен, не отвечает ему взаимностью. Трувер задает вопрос: стоит ли ему продолжать оказывать ей знаки внимания, не теряя надежды на ее милость, или же ему следует обратить внимание на другую даму, которая сама просит его любви. Неясно, имеется ли в виду реальная дама или это только гипотетическая ситуация, однако сам трувер настаивает на реальности проблемы. Адам де ла Аль, когда задает вопрос в жё-парти, утверждает, что ему в самом деле нужен совет:

Sire, assés sage vous voi

Pour moi consillier

De chou dont vous vuel proïïier... [4, II, c. 77]

Сир, вы достаточно разумны,

Чтобы дать мне совет

В том, о чем хочу вас спросить...

В другом жё-парти трувер Роже предлагает Адаму обменяться женами. Адам отказывает, аргументируя это тем, что не знает всех прелестей жены соперника, а соответственно не может быть уверен в равноценности обмена. Получается, что труверы обсуждают свои личные дела и реальных людей, но в особой манере, обусловленной

правилами игры. Также в жё-парти вовлекаются и другие люди: в конце дебатов каждый из участников обращается к конкретному лицу, прося его рассудить спор.

В связи с этим можно выдвинуть две гипотезы. Первая гипотеза: возможно, те, к кому труверы обращаются в конце жё-парти, действительно находились среди слушателей и действительно судили дебаты, надевая на себя маски и следуя правилам игры. Вторая гипотеза: обращение здесь выступает как ссыла на авторитет, как способ отдать дань уважения своим друзьям и покровителям. В любом случае получается, что жё-парти выходят за рамки спора двух участников и вовлекают в свой перевернутый мир и других жителей Арраса.

Также отметим, что в ходе жё-парти труверы часто отсылают к прошлым собраниям и разговорам. Например, Жан Бретель говорит Адаму де ла Алю:

Adan, amis, je vous dis une fois,
A vous et maistre Jehan de Marli,
Que jamais ne partirole ;
Mais tenir ne m'en porroie. [4, II, c. 66]

Адам, друг, однажды я сказал вам,
Вам и Жану де Марли,
Что никогда не буду участвовать в жё-парти;
Но не могу сдержаться.

В жё-парти с Гривилером Бретель напоминает о следующем:

Grieviler, ja en ma vie
Reposer ne vous lerai... [4, I, c. 115]

Гривилер, ни разу в жизни
Я вам не отказал в ответе...

Труверы легко переплетают сопернические отношения в жё-парти со своими дружескими отношениями в реальной жизни. Жё-парти оказываются не просто отдельным перформансом, они тесно переплетены с жизнью, и чем больше личного упомянет трувер, тем удачнее окажется жё-парти. Как пишет Бахтин о пьесе Адама де ла Аля: «Грани между игрой и жизнью здесь нарочито стерты. Сама жизнь играет» [1, с. 284].

В-третьих, Бахтин обращает внимание на наличие в пьесе (как и во всех народно-праздничных формах) фамильярности, грубости, непристойности, подчеркивая, что в этом есть «своя система и стиль», что все это – «уже знакомые нам моменты единого смехового карнавального аспекта мира» [1, с. 284]. Здесь можно привести пример из ранних жё-парти Тибо Шампанского. Его соперник Рауль спрашивает, что выбрал бы Тибо: лежать рядом с голой дамой ночью, но без возможности поговорить с ней, либо разговаривать с ней днем без возможности прикоснуться. Внезапно, Тибо выбирает дневной разговор. Рауль говорит, что выбор Тибо объясняется только его полнотой: его большой живот не позволит ему прижаться к возлюбленной. Тибо в ответ напоминает Раулю о его хромоте: ночью дама вместо желаемого может нащупать его посох. Здесь мы видим, как в жё-парти появляется непристойная телесность, намеренная грубость при попытках уязвить соперника. Все это заметно снижает регистр «fin'amors». Куртуазная концепция любви становится поводом для шуток.

В связи с жё-парти Тибо Шампанского стоит высказать два соображения. Во-первых, с Тибо Шампанского фактически начинается традиция жё-парти, эти споры относятся к первой половине XIII в. Бахтин анализирует пьесу 1262 г., называет ее ранним прообразом раблезианского мира, но на самом деле все принципы, которые он формулирует, применимы не просто к другим текстам Адама де ла Аля, не просто к текстам его современников, а еще и к более ранним сочинениям, которые, между прочим, Адаму де ла Алю были известны: в Аррасе перепевались жё-парти Тибо Шампанского и, видимо, все новые жё-парти создавались как бы по их образцу. Когда Бахтин говорит, что нашел раннюю точку раблезианского мира, на самом деле он застает ее уже в ее развитии.

Во-вторых, не стоит забывать, что Тибо Шампанский являлся графом Шампани, а затем королем Наварры. О его сопернике Рауле почти ничего неизвестно, но явно таким статусом он не обладал. В соответствии с сословными законами общение между ними, очевидно, должно было сопровождаться дистанцией, формальностями, а также особым почтением со стороны

Рауля. Однако Рауль не просто общается с королем как с равным, он первым начинает оскорблять его. В этом примере можно разглядеть элементы карнавала: когда начинаются жё-парти, участники теряют свои официальные статусы, король в некотором смысле становится шутком.

Бахтин отмечает в пьесе также переодевания и пародирования, связанные с религиозной тематикой. В жё-парти, конечно, в клириков не наряжаются, однако религиозные метафоры используются очень часто и почти всегда в ироничном ключе. Так, Жан Бретель, утверждая, что поэт лучше сочиняет, когда он лишь томится любовным желанием, а не когда он уже обладает дамой, использует такие метафоры:

– Jehan, bien voi k'il m'estuet comparer:
Li roussignos, ce set bien tous li mons,
Chante jolis en espoir d'abiter,
Après se taist; et sachiés k'uns clerçons
Qui a avoir prouvende va baant
Sert miex en glise et de lire et de chant
Et plus en joie estudie
Ke cil ki a canesie. [4, I, с. 317].

– Жан, видимо, нужно провести сравнение:
Соловей, как всем известно,
Радостно поет в надежде на примирение,
А после замолкает; и вы знаете, что клирик,
Желающий получать пребенду,
Служит в церкви лучше и лучше читает и поет,
И с большей радостью учится,
Чем тот, кто уже стал каноником.

Для Бретеля религия – способ рассказать, как следует любить. Подобно тому, как клирик прилежно учится и служит, чтобы получить пребенду (доход или землю) за свою должность, так и влюбленный поэт старательно ухаживает за дамой и сочиняет для нее песни, чтобы получить в награду ее любовь. Проповедь уподобляется любовной песне, а священнослужитель – любовнику. Примечательно, что соперник Бретеля как раз являлся клириком.

В другом жё-парти Бретель задает Адаму вопрос: согласился ли бы он прожить в Аррасе всю жизнь, обладая богатством и любимой дамой, но при этом не видя никого, кроме нее. Адам соглашается на такой вариант, но Бретель пытается переубедить его:

Riqueche ne drüerie
Ne vous seroit pourfitans.
Tous seus loeus seriés restans
Et soëlés con prisonniers vivriés
Et con paiens, car ja messe n'orriés
[4, II, с. 38].

Ни богатство, ни любовь
Не будут вам полезны.
Вы быстро останетесь одни
И будете жить как пленники
Или как язычники, не слыша мессы.

Жан Бретель не был священнослужителем (возможно, он вообще не был набожен), но, учитывая высокий уровень образованности Адама, он обращается к метафоре религиозного характера. Адам иронизирует, говоря, что Бретель совершенно не расстроился бы, если бы пропустил мессу:

– Sire Jehan, puis ier soir
Avés mout messe enchierie [4, II, с. 38].

– Сир Жан, со вчерашнего вечера
Вы сильно полюбили богослужение.

Скорее всего, это отсылка к некому сыгранному накануне жё-парти. Адам опровергает аргумент Бретеля, убеждая соперника в том, что в церковь он ходит ради чувственных удовольствий. Религиозная метафора переплетается здесь с метафорой еды:

Trop vous eslongiés du voir.
On entre en une abbeïe
Pour mengier oés et caus flans.
Encore est deduis plus grans
D'estre d'avoir et d'amie aaisiés
[4, II, с. 38–39].

Вы слишком далеки от истины.
В аббатство заходят,
Чтобы поесть яиц и горячих пирогов.
Это еще большее удовольствие,
Чем быть богатым и иметь подругу.

В том же жё-парти Адам де ла Аль утверждает, что предпочел бы остаться в Аррасе с любимой дамой и никуда оттуда не уезжать. Бахтин же настаивает, что «Игра в беседке», безусловно, автобиографична и что в реальности Адам, как в пьесе, хотел уехать из Арраса [1, с. 283]. Упомянутое жё-парти, если не опровергает это, то, во всяком случае, вызывает некоторые сомнения относительно честности Адама де ла Аля.

В начале статьи мы уже настаивали на том, что Бахтин не знал ни одного жё-парти и потому не мог разобрать их подобно «Игре в беседке». В пользу этого утверждения выступает также и непопулярность жё-парти среди исследователей. Первое издание текстов было выпущено только в 1926 г., причем на старофранцузском языке. До сих пор на современные языки жё-парти переводят крайне мало, а в русском переводе существуют всего два текста, переведенные только в нашем веке. Если сомнений по поводу того, мог ли Бахтин знать жё-парти, уже не остается, то его осведомленность об «Игре в беседке» вызывает еще некоторые вопросы. Была ли у ученого возможность прочесть эту пьесу или он разбирал ее на основании пересказа, почерпнутого в работах других исследователей? Впрочем, это не столь важно.

Бахтин анализирует один текст и ищет в нем прообраз раблезианского мира, однако все найденное им оказывается применимым к другим сочинениям Адама де ла Аля, к сочинениям его современников, и более того – к ранним жё-парти, созданным за 40 лет до анализируемой постановки. Иными словами, Бахтин пишет об одном тексте, а на самом деле – о важной тенденции, развивающейся в средневековой литературе и средневековом сознании. Так ученый подготовил почву для исследования и даже определил основные черты текстов жё-парти, о существовании которых он, вероятно, даже не догадывался.

1. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1990. 543 с.
2. *Berger R.* Littérature et société arrageoises au XIIIe siècle: Les chansons et dits artésiens. Arras: Mémoires de la Commission des monuments historiques du Pas-de-Calais. T. 21, 1981. 445 p.
3. *Brusegan R.* Arras e il mondo Cittadino // Lo spazio letterario del medioevo, 2. II. Medioevo volgare / éd. P. Boitani, M. Mancini et A. Vàrvaro. Rome: Salerno Editrice, 2001. P. 497–543.
4. Recueil général des jeux-partis français / publ. par Arthur Långfors, avec le concours de Alfred Jeanroy et Louis Brandin. Paris: Champion, 1926. T. I – VIII + LX + 356 p.; T. II – IV + 399 p.

Adam de la Halle in light of M.M. Bakhtin

© 2022 A.A. Lyubavina

*Alesya Alekseevna Lyubavina, student at the Faculty of Humanities
(Educational program «Philology»)
at the National Research University – Higher School of Economics
E-mail: lyubavinaalesya@gmail.com*

National Research University Higher School of Economics.
Moscow, Russian Federation

Abstract. In the work “Rabelais and his World” Mikhail Bakhtin calls Adam de la Halle's play “Jeu de la Feuillée” a remarkable example of a purely carnival understanding of the world. The article considers how, on the basis of this play, Bakhtin formulates the basic principles and functions of folk-festival forms. The author also supplement Bakhtin's theory with other, no less carnival-like works by Adam de la Halle – poetic debates “jeux-partis”.

Keywords: medieval literature of Western Europe, medieval debates, Adam de la Halle, medieval parody, carnival.

1. *Bahtin M.M.* Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura srednevekov'ya i Rennessansa. M.: Hudozh. lit., 1990. 543 s.
2. *Berger R.* Littérature et société arrageoises au XIIIe siècle: Les chansons et dits artésiens. Arras: Mémoires de la Commission des monuments historiques du Pas-de-Calais. T. 21, 1981. 445 p.
3. *Brusegan R.* Arras e il mondo Cittadino // Lo spazio letterario del medioevo, 2. II. Medioevo volgare / éd. P. Boitani, M. Mancini et A. Vàrvaro. Rome: Salerno Editrice, 2001. P. 497–543.
4. Recueil général des jeux-partis français / publ. par Arthur Långfors, avec le concours de Alfred Jeanroy et Louis Brandin. Paris: Champion, 1926. T. I – VIII + LX + 356 p.; T. II – IV + 399 p.